

ERUDITIO
MORES
FUTURUM

UNIVERZITA MATEJA BELA
FAKULTA HUMANITNÝCH VIED

Katedra slovanských jazykov

SLOVANSTVO NA KRIŽOVATKE KULTÚR A CIVILIZÁCIÍ

**Zborník príspevkov z vedeckej konferencie
dňa 14. mája 2009 v Banskej Bystrici**

**Banská Bystrica
2009**

Redakčná rada prof. Larisa Sugay, DrSc.
 prof. Tatiana Saskova, DrSc.

Zostavovatelia PhDr. Marta Kováčová, PhD.
 Mgr. Martin Lizoň, PhD.

Recenzenti prof. Tatiana Saskova, DrSc.
 PhDr. Anita Huťková, PhD.
 Mgr. Anita Račáková, PhD.
 Mgr. Anita Murgašová

Fakulta humanitných vied UMB Banská Bystrica

ISBN 978-80-8083-886-7

OBSAH

Vladimír Biloveský	5
Úvodné slovo	
Tamara Juríková	6
Privítanie	
Andrej Červeňák	7
Dostojevského vízie jednoty duchovnej	
Larisa Sugay	11
Серебряный век: термин, понятие, образ	
Jozef Sipko	21
Н. В. Гоголь – обращается к нам	
Liliana Belovičová	27
Православная культура в современном мире	
Anton Repoň	33
Slovenská otázka v ruskej periodickej tlači poslednej tretiny 19. storočia	
Tatiana Kolčeva	40
„All Beauty sleeps!“ (Тело мертвой женщины как символ эпохи романтизма и fin de siècle)	
Viktória Lašuk	46
«Клятва над кровавыми бороздами» (1906) Тётки (А. Пашкевич) в контексте славянских литератур и подготовки славистов	
Martin Lizoň	52
80-е. Мир советского человека объективом Сергея Борисова	
Viktória Kniazkova	57
Recepcia diela A. Solženicyna v Rusku a na Slovensku	
Marián Pčola	64
Umelé jazyky v modernej literatúre a ich vzťah k jazykom prirodzeným: Nabokovova „zemblančina“ a Burgessov „nadsat“	
Júlia Kubínyiová	70
Роман Людмилы Улицкой „Медея и ее дети“ – как конфронтация разных культурных традиций	
Marta Kováčová	75
Paradox ako základný princíp optiky Sergeja Dovlatova	
Eubica Brenkusová	78
Miesto prekladov z americkej literatúry v slovenskom literárnom kontexte	

Irina Dulebová	81
Metafora v slovenskom a ruskom politickom diskurze	
Milada Jankovičová	88
Etnokultúrne symboly v ruskej frazeológii	
Katarína Mäsiarová	93
Súčasný jazyk moskovskej mládeže – mládežnícky žargón	
Katarína Jackulíková	99
Стилистическое снижение и усиление экспрессивности публичного общения на рубеже столетий	
Sylwia Sojda	103
Jazykový odraz sveta v kakofemizmoch – analýza poľsko-slovenská	
Mariola Szymczak-Rozlach	107
Eufemizacia a manipulacia v jazyku	
Veronika Harmatová	111
Krátke porovnanie Slovenska, Poľska a Francúzska na ich kultúrnom a jazykovo-literárnom pozadí	
Marta Buczek	118
Subkultura w powieści Doroty Masłowskiej pt.: Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną (Sneh a krv)	
Paulina Pycia	124
Nacrt honorifikacije u razgovornom stilu hrvatskog jezika (na osnovi Djeca Petrasa Zorana Ferića)	

Vážené dámy, vážení páni, milí naši hostia,

dovoľte mi privítať Vás na konferencii *Slovanstvo na križovatke kultúr a civilizácií*, ktorú organizuje Katedra slovanských jazykov Fakulty humanitných vied Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici. Rád Vám odovzdávam aj pozdrav od vedenia Fakulty humanitných vied Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici.

Veľmi sa teším, že naša Katedra slovanských jazykov vyrástla z detských plienok, rozvíja sa a smeruje do zrelej dospelosti.

Veľmi ma mrzí, že si spolu s Vami nemôžem vychutnať atmosféru pomyselného, aspoň krátkodobého prepojenia slovanstva a západnej kultúry, pretože mi to môj zdravotný stav nedovoľuje.

Osobitne by som sa chcel poďakovať riaditeľke Štátnej vedeckej knižnice PhDr. Ol'ge Laukovej za ústretový prístup usporadúvať naše konferencie v týchto krásnych priestoroch.

Vážení hostia,

prijmite odo mňa srdečný pozdrav i želanie úspešného rokovania a intelektuálneho dobrodružstva pri úvahách nad *Slovanstvom na križovatke kultúr a civilizácií*.

Vladimír Biloveský

prodekan pre medzinárodné vzťahy

Vážení priatelia, vážení kolegovia,

vítame Vás v krásnej Banskej Bystrici na medzinárodnej konferencii *Slovanstvo na križovatke kultúr a civilizácií*, ktorú usporiadala Katedra slovanských jazykov Fakulty humanitných vied Univerzity Mateja Bela v rámci projektu Vega: Slovanské literatúry 20. storočia – dialóg kultúr, jazykov a areálu.

Veríme, že dnes odznejú zaujímavé príspevky, ktoré nás vzájomne obohatia. Dnešnou konferenciou nadväzujeme na stretnutie z októbra 2008, keď sa na pôde našej fakulty zišli a vystúpili so svojimi príspevkami kolegovia nielen zo Slovenska, ale aj z Českej republiky, Poľska a Ruskej federácie.

Ešte raz Vás všetkých srdečne vítam a prajem príjemnú pracovnú atmosféru.

Tamara Juríková
členka organizačného výboru

DOSTOJEVSKÉHO VÍZIA DUCHOVNEJ JEDNOTY

Andrej Červeňák (Nitra)

Vízie a vizionári (skutoční a nie televízno-šoumenskí, chiromanti), takí ako Konfucius a Budha, Mohamed a Abrahám, Ján Krstiteľ a Ježiš, Koperník a Lobačevskij, Einstein a Matka Tereza a ďalší boli a sú daromi nebies človekovi na jeho trnistej ceste životom...

Patrí k nim aj F. M. Dostojevskij.

Každé jeho dielo je nielen zrkadlom doby, ale aj hlbokou víziou.

Roku 1846 napísal novelu **Dvojník**, o ktorej prehlásil, že nič hlbšie v literatúre neobjavil – a filozofi i etici, ontológovia a antropológovia 19. a 20. storočia sa trápia nad vzťahmi ja a ty (moje ja je určované aj твоjim ty, v tvojom ty je aj moje ja... – vid'. Buber)...

O dvadsať rokov neskôr (roku 1866) uverejnil román **Zločin a trest** a ľudstvo už viac ako 150 rokov nemôže sa zjednotiť na tom, čo je zločin (najväčší zločinci často stoja na piedestáloch slávy) a čo je trest (fyzický, morálny, bytostný)...

V románe **Idiot** (1867) priblížil jednu z najväčších absurdít človeka, ktorý chodí do kostola, vzýva Krista, ale keď ten príde medzi ľudí, ukrižujú ho...

V **Besoch** (1871) zobrazil rôzne typy terorizmu – filozofického, nacionálneho, politického a vedci 20. storočia sa bijú do prs, že anticipoval všetky formy diktatúr a násilí 20. storočia...

V románe **Bratia Karamazovci** (1880) odhalil ľudskú podstatu inkvizítorstva, ktoré v mene chleba, zázraku a moci premení ľudí na mravcov a ľudstvo na poslušné mravenisko... atď., atď.

Vedci žasnú: Čo dielo, to hlbinná ontologicko-axiologická idea a vízia, nad ktorou sa ľudstvo trápí tisícročia.

Odkiaľ to Dostojevskij má?

Žeby tu pôsobila syntéza ruských, litovských, bieloruských, ukrajinských a ďalších génov jeho predkov?

Alebo život dieťaťa na nemocničnom dvore, v prostredí chorých a kalík, čiže ľudí narušených, odhalených podstat?

A čo jeho „svätá nemoc“ (epilepsia), v ktorej vraj človek sa ocitá na konci všetkých koncov, odkiaľ sa však vracia poznačený týmto zážitkom?

Vizionár Dostojevskij prehlásil: Človek je tajomstvo.

A my parafrázujeme: tajomstvom je Dostojevskij, ktorý vo svojej tvorbe zobrazil tajomstvo človeka, adresujúc ho človekovi ako tajomstvu...

Pretože žijeme v dobe, ktorá na jednej strane človeka ako tajomstvo *sakralizuje* (človek je centrom Vesmíru, medzi štruktúrou ľudského mozgu a štruktúrou Vesmíru existuje korelácia – vid' antropický, resp. antropologický princíp), ale na druhej strane človeka *satanizuje* (robí z neho mravca, ktorého pobyt na Zemi sa blíži k svojmu ontologicko-kozmickej záveru), preto súčasné krízy – ekologická, demografická, ekonomická, energetická, termonukleárna, teroristická – sú zákonitými ontologickými hrobármi človeka...

Dovoľte mi, aby som v tejto mimoriadnej situácii vyšiel z Dostojevského textov k ich súčasným i budúcim kontextom.

Ako zachrániť človeka a ľudstvo pred ich osudmi Titanicu? Ako docieľiť, aby na planéte Zem zavládol mier, úcta a láska, čiže bratstvo všetkých ľudí, aby človek a ľudstvo našli svoju Itaku, Eldorádo, Kitež?

„Aby bolo bratstvo, najprv musia byť bratia“ – prehlásil Dostojevskij. Lenže ako docieľiť, aby ľudia boli bratmi?

„Miluj blížneho, ako seba samého“ – navigoval a tomuto cieľu človeka Kristus. Lenže Dostojevskij napísal: „Milovať blížneho ako seba samého, ako to hlása Kristovo učenie, nie je možné, zákon prírody na Zemi to nedovoľuje. Ľudské Ja tomu bráni“. Ako teda docieľiť, aby ľudské Ja a Ty tvorili jednotu? Ako zachrániť teda človeka a ľudstvo?

Dostojevského vízie človeka a šťastnej planéty boli viacrozmerné: **vízie národné** („ruská zem povie svoje nové slovo a toto slovo možnože bude novým slovom všetľudskej civilizácie“); **vízie slovanofilské** („...a toto slovo možnože bude novým slovom všetľudskej civilizácie, v čom sa prejaví

civilizácia celého slovanského sveta“), vízie pravoslávne (Veľký Inkvizítor odmietol katolíctvo, ktoré urobilo človeka – pápeža – neomylným zástupcom Boha na Zemi, čo môže urobiť iba sám Boh, ale pravoslávie to odmietlo); *vízie filozofické* (idea sobornosti na čele s Ruskom, Slovanstvom a pravosláviom („*bude to skutočná renesancia Kristovej pravdy, ktorá existuje na Východe... Jednota vybudovaná na princípe služby ľudu... obnove ľudí na skutočnom Kristovom učení.*“)).

Takto sníval Dostojevskij.

Lenže uvedené sny a vízie sa ani v 19., ani v 20. st. nestali realitou, vznikali totiž aj vízie iných národov, iných etnických zoskupení, iných náboženstiev, iných filozofií...

Aké?

Počas svetovej olympiády v Číne ruská armáda vtrhla na územie Gruzínska, aby bránila záujmy Osetska a Abcházska pred agresiou zo strany Gruzínska... *Naozaj išlo iba o záujmy Osetska a Abcházdska?*

V ranných správach Slovenského rozhlasu 11. mája toho roku zaznela informácia, že prezident Afganistanu požiadal tzv. spojencov, aby prestali s masovým bombardovaním... lenže USA to odmietli, pretože ide o záujem ľudstva (likvidácia bin-ládinovcov)... *Naozaj ide o záujmy ľudstva?*

Na uliciach moslimských štátov takmer denne zomierajú samovrahovia a spolu s nimi stovky náhodných obyvateľov – všetci v záujme víťazstva Alaha, Mohameda a ďalších prorokov... *Naozaj v záujme Alaha a ďalších prorokov?*

Zamyslime sa...

Partikulárne hodnoty a záujmy štátov, blokov, náboženstiev nie sú schopné brániť *univerzálne* hodnoty človeka, národov, ľudstva. Človek, národy a štáty sa správajú ako tlupy a hordy dravcov, ktoré požívajú všetko slabšie. Víťazí silnejší. Ľudstvo existuje len ako antropologicko-živočíšna jednota, ako antropologicko-duchovná hodnota a jednota neexistuje. Takéto ľudstvo nemá perspektívu zvládnuť moderné krízy – ekologické, demografické, nukleárne a ďalšie, pretože ich rieši iba zo svojho vlastného krtinca...

Čo teda robiť pre záchranu človeka a ľudstva?

Vedci z Kalifornskej univerzity tvrdia, že ľudstvo i planéta Zem majú ešte perspektívu dvoch miliárd rokov, počas ďalších siedmich miliárd rokov budú zanikať a vyhasínať – a potom – Finita comedia est... Barow tvrdí, že človek sa môže zachrániť emigráciou do Vesmíru... A tu vzniká problém: Aký človek? Aby Homo sapiens mohol existovať vo Vesmíre, musí získať kozmické predpoklady, vlastnosti, zmeniť sa na Homo kozmikus. Ako? Vlastnou vôľou, alebo pričinením nejakej neznámej (Božskej, stvoriteľskej) sily?

V románe **Zločin a trest** Dostojevskij vytvoril *víziu trichínov*, ktoré sa objavili, sadali na ľudí, v dôsledku čoho každý vraždil každého, všetci všetkých. A my sa dnes pýtame: Čo sú to trichíny. Nie snáď kozmické, biologické, termonukleárne a ktovie ešte aké energie, ktoré človek a národy 21. storočia ako prírodné dravce môžu použiť a využiť *na likvidáciu* seba samých i celého ľudstva?

Lenže Dostojevskij vytvoril aj *víziu záchrany* človeka a ľudstva. Videl ju v perspektíve bratstva, lenže – aby bolo bratstvo, ako sme už povedali, najprv musia byť bratia. Akí bratia? *Biologickí* (lenže už v rozprávkach bratia a sestry vystupujú často ako antibratia i antisestry), resp. *duchovní* (lenže duchovný Kain vraždí duchovného brata Ábela), alebo snáď *ideoví* (lenže medzi bratstvom apoštolov sa objaví neveriaci Tomáš, zradcovský Judáš) atď. Biologické, sociálne a duchovné predpoklady Homo sapiens nevytvárajú možnosti vzniku bratov a bratstva. Ako teda môžu vzniknúť bratia, ktorí sa stanú nositeľmi bratstva?

Podľa Dostojevského vízie dôjde k tomu v dôsledku mutácie ľudského ja (ego) v prospech ľudského ty (alter ego). Autor teórie *Ja ako Ty* – Buber – mal na zreteli *sociálny model* ľudského ja (ja videný tebou, ja ako projekcia ľudských ty), snažil sa sproblematizovať autenticitu ja, čím akoby ospravedlňoval ľudské konanie. Freud robil zodpovedným za neľudské konanie človeka, jeho *id*, *ego*, podvedomie – Buber preniesol zodpovednosť za neľudské autentické konanie človeka na jeho ty, na kolektívne sociálne vedomie – Tomáš Akvinský tvrdil, že všetko je v rukách Božích, existuje istá predestinácia a *sakrálna nadvedomie*. Všetci vychádzali z reálneho ľudského ja, ako finálneho produktu evolúcie a (genetickej, resp. božskej) ukončenosti človeka. Evolučná reťaz (Boh ako stvoriteľ sveta, resp. big-bang ako singulárny bod vzniku Súčna → života → človeka) končí Homo sapiens, ktorý – jediný – žije v dvoch svetoch (prírodnom a sociálnom, s dvoma signálnymi sústavami), má reč ako univerzálny dorozumievací prostriedok a schopnosť kreativity. A tu vzniká ďalší problém: Je naozaj človek finálnym produktom prírodnej a kozmickej evolúcie? Naozaj sa

božská kreativita a kozmická evolúcia zastavujú na človekovi? Nie je to príliš veľká česť pre človeka? Nenamýšľa si to snáď namyslený človek o sebe?

Dostojevského vízia budúcnosti človeka je iná: človek nie je finálnym produktom kozmickej evolúcie, iba prechodným ohnivkom v reťazi univerzálnej evolúcie Súčna a Bytia. Až vyčerpá svoje možnosti (či poslanie) na Zemi, začne sa jeho mutácia na Homo postsapiens, na bytosť kozmicko-duchovnú. Jeho ontologické Ja začne získavať materiálno-energetické dostredivé parametre Ty, schopné adaptácie na inú ako pozemskú (možnože kozmickú) realitu. Ľudské ja sa spojí, vleje, pretransformuje na ľudské ty, ale nebude to ty tradičné (ako antitéza ja – ty), ale ako nová ontologická realita, človek ako živá bunka človečenstva, časť celku a celok v tejto časti. Čosi na spôsob človeka, v ktorom každá bunka pociťuje existenciu celku (napríklad, infekcia jednej bunky sa stáva infekciou celého človeka...)

«... высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели) ... чтобы человек нашел, сознал, и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому, безраздельно и беззаветно. И это высочайшее счастье (по-видимому, две крайние противоположности), взаимно униженные друг для друга, в тоже самое время ... достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо...

...мы знаем только одну черту будущей природы будущего существа, которое вряд ли будет и называться человеком (следовательно) и понятия мы не имеем какими будем мы существами...

... это будет, но будет после достижения цели, когда человек **переродится по законам природы** (подч. А. Ч.) окончательно в другую натуру.

.... человек по великому результату науки **идет** от многообразия к Синтезу, от фактов к обобщению...

... выводить же окончательные... результаты из теперешних фактов и успокаиваться на этом могут разве самые ограниченные натуры, кто бы они ни были и как бы ни назывались»

(Из «Записной книжки 1863 – 1864 гг.»)

Vízia? Vizionárstvo?

Keby pred dvesto rokmi niekto hlásal existenciu génov, kvantov, fraktalov, krvných skupín, štiepenie atómov, tzv. zdravý rozum by to taktiež nazval víziou a vizionárstvom.

Keby pred sto rokmi niekto vyrukoval s teóriou čiernych dier, cylindrického priestoru, s teóriou hmota – antihmota, život – antiživot, stalo by sa to isté – vízia, vizionárstvo...

Dostojevského *trichíny* znamenali Apokalypsu, jeho *duchohmotnosť* môže signalizovať zánik smrteľného človeka i vznik človeka nesmrteľného. K tomuto záveru sa na konci 19. storočia dopracoval (či prepracoval) Fjodorov, ktorý sníval (či videl) sen všetkých ľudí všetkých čias žiť šťastný život na všetkých planétach Vesmíru. O jednote bohoľudí a ľudobohov sníval Solovjov na ceste sobornosti a ľudstva ako všeludskej Kristovej Cirkvi.

Človek sníva, fantazíruje, vytvára vízie, modely, plány najmä v krízových situáciách človeka, národov a ľudstva. Môžeme ich prijať, resp. odmietnuť, len nebyť k nim ľahostajnými. Ak je pravda, že ľudské telo obsahuje všetky formy života, ktoré existovali, dokonca aj tie, ktoré zanikli (Paul Dawies), prečo nepripustiť tézu (víziu), že človek obsahuje aj všetky potenciálne energetické, hmotné i duchovné možnosti kozmickej evolúcie, ktorej je produktom? Podľa antropického, resp. antropologického princípu štruktúra ľudského mozgu a štruktúra Vesmíru vzájomne korelujú. Človek je nielen súčasťou (objektom), ale aj subjektom Vesmíru. Mal by si to uvedomiť – ak nie túto skutočnosť, aspoň príčiny, prečo vznikol tento názor (princíp) a správať sa (alebo aspoň tváriť sa) podľa toho ľudsky dôstojne...

Dostojevskij bol geniálnym umelcom i filozofom, etikom i estetikom polyfonického charakteru. Zdieľal rôzne vízie – v Rusku videl stelesnenú všeludskosť, v slovanstve možný model všeludského bratstva, v pravoslávii optimálne duchovné aspirácie a potreby ľudstva, v ruskej filozofii optimálnu syntézu západného racionalizmu a východnej kontamplatívnosti.

Mnohé z uvedených vízií sa ukázali ako lokálne.

Dostojevskij to cítil, preto popri lokálnych (realistických) víziách vytváral aj vízie univerzálne, kozmické (nerealistické!?).

Literatúra

- BARROW, J. D.: *Teorie všeho*. Praha 1997
ČERVEŇÁK, A.: *Dostojevského sny*. Pezinok 1999
ČERVEŇÁK, A.: *Tajomstvo Dostojevského*. Nitra 1991
ČERVEŇÁK, A.: *Reflexie esteticko-antropologické*. Nitra 2008
DOSTOJEVSKIJ, F. M.: *Polnoje sobranije sočinenij*. M – L.
GRAF, S.: *Dobrodružství sebeobjevování*. Praha 1992
GUARDINI, R.: *L'univers religieux de Dostoievski*. Paris 1963
HORVAI, I.: *Spánek, sny, sugesce a hypnoza*. Praha 1958
CHARDIN, P. T. de: *Místo člověka v přírodě*. Praha 1993
KREMPAŠKÝ, J.: *Evolúcia vesmíru a prírodné vedy*. Bratislava 1992
MADSEN, K. B.: *Teorie motivace*. Praha 1972
WIENER, N.: *Cybernetics*. Moskva 1968
WOLLMAR, K.: *Sila snu*. Brno 1995
Zb. Upravení, informací, intelekt. Moskva 1976
Zb. Dostojevskij a dnešok. Nitra 2007

Резюме

Статья посвящена Ф. М. Достоевскому как духовному провидцу и его пророчествам духовного единения. Автор приводит высказывания писателя, которые предвещают многие современные процессы. Ф. М. Достоевский, гениальный философ и художник, чаял, что человечество разовьется в более высокую форму. В России он видел воплощение всечеловечности, провозглашал всеславянское братство.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК: ТЕРМИН, ПОНЯТИЕ, ОБРАЗ

Л. А. Сугай (Банска Быстрица)

Серебряному веку русской поэзии, русской литературы, русской культуры посвящены, без всякого преувеличения, тысячи работ. Полки книжных магазинов и библиотек продолжают пополняться изданиями, в названиях которых фигурирует данное поэтическое определение культурной эпохи рубежа XIX–XX столетий («Поэзия серебряного века», «Поэты Серебряного века», «Петербург серебряного века», «Сонет серебряного века», «Воспоминания о Серебряном веке», «Афоризмы Серебряного Века» и пр., и пр.). Однако и временные границы данного периода, и ценностные характеристики и само название «Серебряный век», получившее в отличие от зарубежной русистики широкое хождение и официальное признание в России лишь с 90-х годов XX в., – всё по-прежнему относится к вопросам дискуссионным.

Вот ряд типичных оценок и высказываний: «Никто не знает точно, когда начался Серебряный век, когда он закончился <...> интуитивно многие понимают, что такое Серебряный век, но далеко не все могут это понятие объяснить» (31); «Достоверно неизвестно, кто первым применил термин “Серебряный век” к русской литературе и искусству» (25); «Сам термин “серебряный век” является весьма условным и охватывает собою явление со спорными очертаниями и неравномерным рельефом» (3); «Уже полвека в России и в эмиграции ведутся споры о том, кто первым взял термин Гесиода и Овидия “серебряный век” и ввёл его в русский культурный оборот» (34).

Сергей Маковский, включивший образное определение эпохи в название своей книги (см.: 22), сослался на Н.А. Бердяева как творца данного наименования¹. Привязка названия «Серебряный век» к имени знаменитого философа, хотя и оспаривалась современниками, прочно укоренилась в литературно-критическом и читательском сознании и продолжает тиражироваться в статьях и учебных пособиях².

Скрупулёзному изучению генезиса названия культурной эпохи и анализу словосочетания «серебряный век» в контексте литературно-критической традиции посвящена книга американского исследователя, проф. Мичиганского университета Омри Ронена «Серебряный век как умысел и вымысел» (М., 2000). Это расширенная версия его работы «The Fallacy of the Silver Age in Twentieth-Century Russian Literatruy»³ (Amsterdam, 1997). Раскрывая несостоятельность мнения, что данное название ввёл в употребление Н.А. Бердяев, О. Ронен находит и представляет читателям целый список претендентов на авторство «металлургической метафоры», характеризующей литературу конца XIX – начала XX в. (С. Маковский, В. Вейдле, Н. Оцуп, В. Пяст, Р. Иванов-Разумник, скрывшийся под литературной маской грибоедовского Ипполита Удушьева, Анна Ахматова, Марина Цветаева...) От эмигрантской мемуарной литературы пятидесятых–шестидесятых годов XX века исследователь шаг за шагом отступает к началу столетия, к самой эпохе, название которой служит ему предметом рассмотрения, пока не наталкивается на футуристическую (или пародирующую футуризм?) брошюру «Вседурь. Рукавица современью» (СПб., 1913). Отрывавший её манифест Глеба Марева «Конечного Века Поези» гласил: «Недавний парад “Чемпионата поэтов” увершил историю Поези предельным достижением. Пушкин – золото; символизм – серебро; современье – тускломедная Вседурь, пугливая выявлением Духа Жизни (perpetuum mobile) века Железа...» (цит. по: 30, с. 112). Итак, первое упоминание восходящей к античности мифологемы о смене веков-«металлов» в приложении к этапам русской поэзии, найдено. Автор не только устанавливает «виновных» в появлении ставшего расхожим *пара-термина* «Серебряный век», но и категорически настаивает на изъятии его из употребления.

Признавая ценность проведённого О. Роненом филологического расследования, никак нельзя согласиться с его заключениями. Думается, что не стоит отказываться от определения эпохи, наконец обретшего «право гражданства» в отечественном литературно-критическом и научном дискурсе. В зарубежной русистике давно уже имеют «легитимность» термины-кальки «Silver Age» (см., например: 37;³⁹), «L' Âge d'Argent»⁴, («L'Âge d'argent dans la culture russe» – 38;

русская версия: 16) «Silbernes Zeitalter (Russische Literatur)» (40); «Stříbrný věk» (41), «Strieborný vek». Мало того, определение стало прилагаться к аналогичным явлениям иных культур, причём название, изначально восходящее к античности и имевшее место в определении этапов римской литературы, воспринимается через призму именно *русского* Серебряного века. Сошлюсь на книгу «Цветы ямабуки. Шедевры поэзии хайку “серебряного” века (конец XIX – начало XX вв.)»⁵ (СПб.: Гиперион, 1999). Замечу, что ещё в 1970 г. в Словакии вышла книга Имриха Седлака «Strieborný vek» (во втором издании, правда, она появилась под заглавием «V letokruhoch národa», 1997).

Следует признать, что вошедшее в научный обиход название в последние десятилетия стали использовать как своего рода бренд, помещая то на вывеске ресторана, то именуя так элитный дачный посёлок и т.д. Спекуляция на высоких именах и понятиях, не столь страшная в обыденной жизни, к несчастью, давно захватила книжный рынок. Как с сожалением констатировал член-корреспондент РАН А.В. Лавров, «мы на сегодняшний день в реальном изобилии имеем: “серебряный век” в разнообразном ассортименте изданий, среди которых лишь в единичных случаях попадаются книги, тщательно и ответственно подготовленные, но не претендующие на необходимую полноту освоения творческого наследия данного писателя; обычно же приходится сталкиваться с многочисленными сборниками “избранных сочинений”, составленными бессистемно, по прихоти облечённого издательским доверием лица, нередко вопреки объективным логическим критериям отбора» (19, с. 245).

Так что же? Отказаться от наименования, как предлагает О. Ронен, который считает «название “серебряный век” не просто смутным и туманным», а «бледным, обманчивым и назойливым призраком» (30, с. 124)? Одни исследователи вслед за американским профессором поспешили развенчать «национальный миф». Другие, признавая справедливость критики несовершенного «паранаучного термина», стали искать пути его реабилитации. Так, во вступительной статье к книге Ронена Вяч. Вс. Иванов пишет, что совершенно согласен с доводами автора об ошибочности термина, «хоть и не уверен, – добавляет он в скобках, – что можно поменять вошедшее в стандартный обиход употребление этого термина, как бы неверен он ни был» (30, с. 14). «Хотя неудачность термина „Серебряный век“ была убедительно продемонстрирована в новейшей монографии Омри Ронена <...>, мы всё же решаемся воспользоваться этим термином в настоящей работе, поскольку она посвящена осмыслению русской поэзии 1910-х гг. именно как „серебряного века“» (20, с. 229), – ищет О.А. Лекманов оправдания названию своей статьи, посвящённой концепции Серебряного века Анны Ахматовой.

Главный аргумент противников наименования эпохи «Серебряным веком» – это защита высокого статуса культуры того периода, якобы понижаемого в сравнении с оценкой литературы и искусства XIX – «золотого» – века. Но, во-первых, речь идёт не о ступеньках пьедестала при раздаче спортивных наград («золото», «серебро», «бронза») – такие критерии неприемлемы при оценке этапов историко-культурного процесса. Например, в истории античной литературы «I в. н.э. носит название “серебряного века римской литературы” по аналогии с “золотым веком” Августа. Это название, – пишет М.Л. Гаспаров, – следует понимать лишь условно. Временем упадка эпоху Юлиев-Клавдиев и Флавиев считать нельзя»⁶ (12, с. 10). Во-вторых, нельзя не видеть специфические особенности употребления данного определения в приложении к русской поэзии и шире – культуре конца XIX – первых десятилетий XX века.

В уподоблении культурного достояния эпохи серебра, менее ценному, чем золото, следует видеть не умаление величия открытий (прежде всего художественных) предреволюционной поры по сравнению с наследием XIX в., но ностальгию по утраченному богатству, «потерянному раю». Необходимо четко осознавать ретроспективный характер самого термина: его появление обусловлено не столько соотношением литературы, искусства, философии рубежа XIX–XX вв. с классическим наследием предшествовавшего столетия, сколько с осознанием постоктябрьской эпохи как века «железного». Поэт русского зарубежья Николай Оцуп, претендовавший на первенство в употреблении названия «Серебряный век», писал в 1933 г. о трагизме «русских писателей по обе стороны так называемого “железного занавеса”»: «Может быть, мы уже находимся в медном и даже в железном веке...» (26, с. 554).

Термин «Серебряный век» мог быть усвоен культурной традицией только благодаря закреплению, говоря словами В.Я. Брюсова, «в отточенной и завершенной фразе» («Сонет к форме»). Таким фактом мифо-метафорического сопоставления стали строки «Поэмы без героя» Анны Ахматовой: «И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл» (2, с. 366). Анализируя «Поэму без героя» как один из примеров употребления словосочетания «серебряный век», О. Ронен уделяет внимание «чужому слову», которое «проступает» в строке поэмы, при этом вслед за статьей Эммы Герштейн «Анна Ахматова и Лев Гумилёв: размышления свидетеля» (1994) отмечает как «трагически честолобивые притязания на авторство», «химические свидетельства» и «семейный анекдот» (30, с. 69) версию о том, что Анна Андреевна «купила» образ у сына – Л.Н. Гумилёва (Ронен даже не называет его имени). Акад. А.М. Панченко неоднократно (в выступлениях по телевидению, в публикациях и в интервью-беседах) передавал рассказ своего друга Льва Гумилёва о том, как тот «придумал термин “серебряный век”»⁷. По словам Гумилёва, в одной из послевоенных бесед с матерью он так охарактеризовал поэзию поколения своих родителей и последовавшую реакцию Ахматовой: «и говорю: мама, вы вообще-то не солнце, вы луна; вот те были солнце – Пушкин, Баратынский, изыков: они – золотой век, а вы – серебряный. Она и говорит: “Лёва, продай мне эту идею”, – у них в Петербурге была такая манера “продавать” друг другу идеи». Так у Ахматовой, по словам сына, «появились очень хорошие строчки: “И серебряный месяц Над серебряным веком стыл”» (цит. по: 27). «Конечно, правда ли все эти разговоры – никто не знает», – резюмировал Панченко.

На недостоверность рассказа сразу указала в своих мемуарных записках Э. Гернштейн. Главный аргумент, опровергающий заявление Л. Гумилёва, что строки «Поэмы без героя» подсказаны им, это то, что данные стихи присутствовали уже в первой ташкентской редакции поэмы 1943 года, когда «Гумилёв ещё отбывал лагерный срок в Норильске и не мог знать о существовании нового произведения Ахматовой» (13, с. 135). Можно добавить, что отрывок со строчками о серебряном веке к моменту означенного разговора был не только написан, но и опубликован в «Ленинградском альманахе» 1945 г. (с. 211) под заголовком «Тысяча девятьсот тринадцатый» – в цикле «Шаги времени» (см. примечания к изданию: 2, с. 512). Гернштейн считает, что «Лев Николаевич, вероятно, присвоил себе авторство этого летучего определения под влиянием сдвига в своей памяти» (13, с. 135). Можно предположить, что разговор о лунном (серебряном) и солнечном (золотом) веках русской поэзии всё же мог иметь место в послевоенный год, но не сын подсказал Ахматовой поэтический образ, характеризующий эпоху, а, напротив, яркие строчки услышанной поэмы побудили Л.Н. Гумилёва к рассуждениям о пушкинской и ахматовской эпохах.

Эпизод интересен, конечно, не в плане развенчания «честолобивых притязаний на авторство», но как показатель особой силы (суггестивного воздействия) поэтического слова. Рождение ахматовского образа следует осмыслить не в рамках «семейного анекдота», не в разысканиях «чужого слова» в поэме и даже не в соотношении с эмигрантской литературно-критической традицией, но в широком культурном контексте: мифологема о пяти веках, Гесиод и Овидий, римская история, «Солнце русской поэзии» Пушкин... Что же касается первенства литераторов-эмигрантов как авторов термина, то заметим, что книга С. Маковского «На Парнасе “Серебряного века”» почти на два десятилетия отстаёт от написания строк Ахматовой, другие же, предшествовавшие критические работы, в которых современный филолог может разыскать термин-образ, не имели особого значения по обе стороны «железного занавеса»⁸. Итак, хотя в критической литературе определение «Серебряный век» встречается до поэмы Анны Ахматовой, истинный статус оно обретает, лишь отчеканившись в художественном образе.

Но автор книги «Серебряный век как умысел и вымысел» упорно стремится доказать, что «наименование “серебряный век” было всего лишь отчужденной кличкой, данной критиками, в лучшем случае как извинение, а в худшем – как поношение. Сами поэты, ещё живые представители этого века, Пяст, Ахматова, Цветаева, пользовались им изредка со смутной и иронической покорностью, не снисходя до открытого спора с критиками» (30, с. 113–114).

Вряд ли скрывается за строками Ахматовой о серебряном месяце над серебряным веком «бранная кличка» или «ироническая покорность». Поэт творит свой хронотоп: с одной стороны, *серебряный, лунный, век* традиционно соотносится с *золотым, солнечным* («Золотого

ль века виденье / Или чёрное преступление / В грозном хаосе давних дней?»), с другой – противопоставляется «не календарному», «настоящему» двадцатому веку (2, с. 365, 367).

Недооценка этого художественного акта зарубежным исследователем, посвятившим истории «паратермина» целую книгу, свидетельствует о его невнимании к русским национальным особенностям мировосприятия, о недооценке значимости образного мышления и поэтического слова в формировании русского культурфилософского лексикона.

«Серебряный век» не столько временное, сколько стилистическое определение: даже выявленный загадочный Глеб Марев употребил определение «серебро» в приложении к *символизму*. Первоначально обращённый к собственно поэзии, термин «Серебряный век» приобрёл расширительное толкование, распространившись на русскую культуру в целом – художественную, философскую, бытовую. В эмигрантской эссеистике и мемуаристике термин соотносился преимущественно с *модернистскими* течениями литературы и искусства. Например, Н. Оцуп открывал свою статью «Серебряный век русской поэзии» словами: «Пишущий эти строки предложил это название для характеристики модернистической русской литературы» (26, с. 549). В работах современных исследователей смысловый объём понятия неодинаков. Одни так же, как авторы русского зарубежья, подразумевают под «Серебряным веком» преимущественно модернистскую и близкую к ней культуру, другие употребляют данное словосочетание как синоним всей духовной культуры порубежного периода. Так, например, Л.А. Рапацкая пишет: «Условное время конца XIX – начала XX века вмещает много культурных явлений. Но художниками именно “серебряного” века нельзя назвать всех его современников». Исследовательница соотносит название лишь с теми деятелями культуры, которые «незримыми нитями связаны» с эстетикой «новорождённого российского модернизма» (29, с. 11, 12). Авторы зарубежной истории литературы «серебряного века», напротив, ставят знак равенства между анализируемым понятием и художественным творчеством названного периода в целом: «“Серебряный век”, то есть литература конца XIX – начала XX века <...>» (16, с. 7).

Бесспорно, Серебряный век – это не только век символистов и постсимволистов, модерна и авангарда: это и век Горького, Бунина, Куприна, более того, это эпоха позднего Льва Толстого, Короленко, Чехова, Репина, Сурикова, Римского-Корсакова, чьи таланты засверкали на рубеже столетий новыми красками, это век русского реалистического театра и рождавшегося реалистического кинематографа. Символисты не только критиковали, но и высоко оценивали реалистический метод. В.μ. Брюсов, например, писал о «реализме» как об одном из «исконных, прирождённых властелинов в великой области искусства» (9, с. 145). Кроме того, настоящие художники никак не укладывались в рамки одного метода. «Назвать меня реалистом значит... не знать меня как художника. “Реалист” Бунин очень и очень приемлет многое в подлинной символической мировой литературе» (цит. по: 28, с. 167), – признавался писатель. «Кто я? Для благороднорождённых декадентов – презренный реалист; для наследственных реалистов – подозрительный символист» (21, с. 351), – с чувством грустной иронии констатировал Леонид Андреев в письме М. Горькому.

В определении исторических границ рассматриваемой эпохи наблюдается большой разброс мнений. Одни считают, что «век» оказался удивительно коротким: продолжался менее четверти столетия. Другие говорят о предыстории и эпилоге русского ренессанса. Предлагают его началом считать знаменитую речь Ф.М. Достоевского о Пушкине (1880), лекции В.С. Соловьёва «Чтения о Богочеловечестве» (1878–1887) или же кончину философа в 1900 г. Но чаще Серебряный век отсчитывают от знаменитой лекции Д.С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», прочитанной в Петербурге и Москве в 1892 г. и опубликованной в 1893 г. Основами нового искусства автор провозглашал «мистическое содержание», «символы» (в 1892 г. под таким названием вышел сборник стихов Мережковского) и «расширение художественной впечатлительности» (24, с. 217). В литературе начиналась эпоха символизма: выход в свет трёх поэтических сборников «Русские символисты» (1894–1895), представивших публике стихи В.μ. Брюсова и его окружения; появление в печати произведений Ф. Сологуба, З.Н. Гиппиус, К.Д. Бальмонта; переводческая деятельность русских поэтов, знакомящих читателей с новыми веяниями в европейской литературе. Однако, даже если за отправную точку периода взять рождение символизма, то первой заявкой на разрыв с «утилитарной» литературой и критикой, разрыв с народническим

движением можно считать публикацию в 1884 г. статьи «Старинный спор» Н.М. Минского (который, как и Мережковский, начинал своё творчество в русле «некрасовско-надсоновского» направления). Конечно, данное выступление против диктата народнических традиций и реалистических принципов не имело такого влияния и значения, как доклад-манифест Д.С. Мережковского, но Н.М. Минский опередил собрата по новому направлению и в манифестации новых философско-этических и художественно-эстетических идей, опубликовав в 1890 г. трактат «При свете совести», провозглашавший в жизни и творчестве примат индивидуальной личности и отказ от народопоклонения, а также постулировавший теорию религиозного экстаза – «мэонизм» (от греч. μή'ον – не-сущее, несуществующее, небытие), проповедующую стремление к недостижимой и непостижимой святине (за что и был предан Н.К. Михайловским народнической анафеме).

Если же рассматривать появление модернизма не только как литературного, но общекультурного стиля, то в русской архитектуре, например, он известен с 1880-х гг. Искусствоведы выделяют период раннего модерна (1880–1890), соотносимого с европейским Art Nouveau. Причудливо орнаментированный, нацеленный на поиск большого стиля, ранний модерн стал воплощением фантастических идей о городе-мечте. Дом Игумнова на Большой Якиманке (архитектор Н. Позднеев), дом А. Морозова на Воздвиженке (архитектор В. Мазырин), дом Л. Листа в Глазковском переулке, дом Миндовского на Поварской улице (архитектор Л. Кекушев), дом З. Морозовой на Спиридоновке, дом Рябушинского на Малой Никитской (архитектор Ф. Шехтель) – все названные московские особняки (приоритетный тип зданий раннего модерна) символичны и неповторимы своим декором и интерьером. Так, с 1880-х гг. в отечественной художественной культуре начинают реализовываться идеи ухода от тусклой обыденности в мир красоты.

Рождение символизма в русском изобразительном искусстве, которое исследователи справедливо связывают не только с М.В. Врубелем, но и с ведущим передвижником И.Е. Репиным (см.: 18; 32), также приходится на 1880-е гг., когда в России ещё нет литературного символизма. Правда, протосимволистские тенденции сказывались в творчестве К.К. Случевского, К.М. Фофонова, В.С. Соловьёва. Позднее, выстраивая свою родословную, поэты-символисты своими предтечами и первыми творцами направления назовут не только их, но и Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя.

Итак, неоромантические тенденции и становление стиля модерн в русской культуре проявляются уже в 1880-е годы, тогда же происходят явные изменения в классическом реализме: роман уступает место малым жанрам прозы, в творчестве позднего И.С. Тургенева, В.М. Гаршина, В.Г. Короленко, А.П. Чехова ярко проявляются романтические тенденции, как бы подготавливается почва для неоромантизма и неореализма, взаимоотношения, противостояние и взаимовлияние которых будет составлять основное содержание литературно-художественного процесса 90-х–900-х годов. 1892 год ознаменован не только лекцией-манифестом Мережковского, но и первой публикацией Максима Горького: в тифлисской газете «Кавказ» был напечатан рассказ «Макар Чудра». За год до этого в Орле был издан сборник юношеских стихов Бунина, а через год, в 1893 г., журнал «Русское богатство» опубликовал его рассказ «Деревенский эскиз» («Танька»), засвидетельствовав рождение Бунина-прозаика. В том же году и тот же журнал напечатал горьковский рассказ «Челкаш», повесть «Впотьмах» и рассказ «Лунной ночью» Куприна. В 1898–1899 гг. в петербургском издательстве выходят тремя выпусками «Очерки и рассказы» Горького, которые приносят автору колоссальный успех. Таким образом, складывались параллельно два крыла единого художественного процесса: неоромантическое и неореалистическое. При всех стремлениях к размежеванию и максимализме декларационных заявлений участников школ и группировок, сущностью художественного процесса Серебряного века являлась не конфронтация неореализма и неоромантических течений, а их взаимное обогащение, «перетекание» приёмов и методов, рождение переходных форм, «неразрывное неслияние».

Итак, если за точку отсчета Серебряного века принять появление новых художественных тенденций – рождение модернизма и неореализма в искусстве и литературе, – то верхняя граница будет колебаться между восьмидесятыми и девяностыми годами XIX столетия. Правоммерно при этом рассматривать 1880-е годы как прелюдию, предысторию, культуры Серебряного века и далее выделять в социокультурном развитии России конца XIX – начала

XX в. три основные периода, практически, совпадающие с десятилетиями: 1890-е гг., 1900-е гг., 1910-е гг. Подобная периодизация соотносится с политической историей: Серебряный век культуры приходится на годы царствования последнего русского императора Николая II (1894–1917), годы социальных катаклизмов и войн – русско-японской и первой мировой, эпоху трёх русских революций.

Не меньше разночтений и споров связано с определением верхней границы Серебряного века. Концом эпохи считают и политический рубеж – 1917 год., и военный 1915 год – *последнюю ярчайшую вспышку поэтического Ренессанса* (Е. Эткинд) (36) и даже 1913 год (Б. Хазанов⁹). Но есть и другие суждения: завершение короткого «века» отодвигают то к концу 1920-х, то к концу 1930-х годов. По мнению ряда исследователей, Серебряный век «эмигрировал» и «продолжал излучать затухающее сияние едва ли не до начала второй мировой войны» (17, с. 6). Относят окончание века даже к 1950–1960-м годам, когда из жизни (в СССР и эмиграции) ушли последние представители культуры, *унесённой ветром* революции и гражданской войны.

Творческая энергия 1890-х–1900-х годов, действительно, сохранялась в Советской России первого её десятилетия: спектакли В.Э. Мейерхольда, поэзия В.В. Маяковского, объединение имажинистов, «Скифы», Цех поэтов, Комфуты, артистические кафе, кинематограф, взлёт русского авангарда, открытие Дома искусства и Дома литераторов, Литературно-художественного института во главе с В.Я. Брюсовым, Института живого слова, создание издательства «Всемирная литература» и Вольной философской ассоциации (Вольфилы), деятельность формальной школы в филологии (ОПОЯЗ) и многие другие культурные явления и события свидетельствуют об этом. Как отдельная ветвь, но единой русской культуры складывалась художественная и научная жизнь первой волны русской эмиграции. «Железный занавес» в 1920-е гг. ещё не разделял наглухо эмиграцию и метрополию: существовало, например, Московско-берлинское издательство «Геликон», не прекращались творческие контакты деятелей культуры Советской России и Русского Зарубежья. Особо следует оговорить и такую связующую линию двух составляющих отечественной культуры 1920-х–1930-х гг., как жизнь и творчество деятелей Серебряного века, оставшихся во «внутренней эмиграции». Дом М.А. Волошина в Коктебеле становится пристанищем старой русской творческой интеллигенции, сберегает дух Серебряного века. Созданные в 1920-е годы М.А. Волошиным поэмы и поэтические циклы («Неопалимая купина» «Путями Каина», «Россия», «Протопоп Аввакум», «Святой Серафим») явились, как и послеоктябрьские поэмы А.А. Блока и А. Белого, своеобразным итогом-эпилогом Серебряного века. В 30-е годы деятели Серебряного века напомнили о себе – воскресили ушедшую эпоху в серии мемуаров.

Однако все названные и многие другие явления культуры, корнями связанные с традициями Серебряного века, не только по времени, но по сути и духу принадлежат уже иной, постреволюционной, эпохе. Отмечая сильнейшее влияние наследия Серебряного века на всю последующую культуру, всё же следует ограничить эпоху как таковую более тесными пределами. Борис Зайцев статье «Серебряный век» (1959) временные рамки «отравленного ренессанса» определял весьма категорично: «Война, революция резко оборвали литературу Серебряного века»; «Серебряный век давно закончен» (15, с. 480). Расстрел Гумилёва, смерть Блока, Хлебникова, Есенина, эмиграция Бальмонта, Бердяева, Бунина, Вячеслава и Георгия Ивановых, Карсавина, Куприна, Мережковских, Ремизова, Саши Черного, Петрима Сорокина и пр., и пр. оборвали ход Серебряного века.

Что же касается содержательной характеристики категории «Серебряный век», то антиномии и противоречия, известные и предыдущим векам русской культуры, на пересечении XIX–XX столетий многократно усиливаются и достигают своего апогея. Время, жизнь и культура равно и не без оснований получают взаимоисключающие определения: *вырождение–возрождение; декаданс–Ренессанс; кризис–расцвет; прогресс–регресс; упадок–взлёт...* Частичное объяснение и оправдание столь разным оценкам дал Н.А. Бердяев в статье «Варварство и упадничество»: «Но было бы ошибочно видеть в упадничестве что-то исключительно отрицательное и бессильное. Упадничество есть также и огромное утончение и усложнение, в нём есть своя красота и свой свет <...> Декаданс культуры даёт последние цветы, прекрасные и утончённые» (7, с. 371, 372).

Принимая бердяевское «оправдание» декаданса, следует расширить сферу анализа и ввести в качестве типологической оценки культуры эпохи категорию *амбивалентности*¹⁰. Идейная противоречивость, неоднозначность культурных явлений, схождение крайностей проявлялись повсеместно и на всех уровнях. Архаика вступала в союз с авангардом, воинствующий индивидуализм – с соборностью (развитие индивидуальности, личности трактуется как обязательное условие соборности), западничество с неославянофильством, марксизм с богоискательством. Эпоха характеризовалась одновременно эсхатологическими предчувствиями и программами жизнетворчества.

В исторической перспективе появление термина-образа «Серебряный век» явилось отрицанием названия «*fin de siècle*». Выражение «*fin de siècle*» (конец века), которое вошло в моду в Европе, а затем в России после постановки 17 апреля 1888 г. одноимённой пьесы французских писателей Микара и Жювено, не без оснований отождествляется с *декадансом*, *упадком*, *концом культуры*, чувством усталости и превалированием эстетских критериев над этическими. Но ощущение рубежности, кризисности, катастрофичности времени, истощенности того «вектора жизни», которым до сих пор шла Россия, нашедшее воплощение, в частности, в поэзии 1890-х гг. («Дети скорби, дети ночи / Ждём, придёт ли наш пророк...» – Д.С. Мережковский), сменялись чаяниями жизни и радости («Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце...» – К.Д. Бальмонт). Показательно, что даже среди старшего поколения символистов понятие «*fin de siècle*» воспринималось порой критически и иронически. Так, молодой Брюсов в своём первом крупном произведении – комедии «Дачные страсти» (1893) награждал главного героя поэта-символиста фамилией Финдесъеклев (см.: 10), пародийно обыгрывая французское словосочетание, получившее на рубеже столетий символическое толкование.

Как отмечал Н.А. Бердяев, «период так называемого “декадентства” и эстетизма у нас быстро кончился, и произошёл переход к символизму, который означал искания духовного порядка, и к мистике. Вл. Соловьев был для Блока и Белого окном, из которого дул ветер грядущего. Обращенность к грядущему, ожидание необыкновенных событий в грядущем очень характерны для поэтов-символистов» (6, с. 246–247). Выход на литературную арену в начале XX столетия «младших» символистов – Александра Блока, Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Максимилиана Волошина и др. изменил не только тональность символистской поэзии, но внёс в мир русской художественной элиты идеи активного действия, творчества жизни.

По словам А. Блока, «уже январь 1901 года стоял под знаком совершенно иным, чем декабрь 1900 года, <...> самое начало столетия было исполнено существенно новых знамений и предчувствий» (9, с. 155). Прежняя культура исчерпала себя, но конец цикла мировой истории – это не предвестие торжества хаоса (как переживало рубеж столетий старшее поколение), а символ грядущего преображения мира, нового богоявления, преддверие новой жизни в Вечности. «Появились вдруг “видящие” среди “невидящих”, – уверял впоследствии Андрей Белый, – <...> всё казалось им новым, охваченным зорями космической и исторической важности: борьбой *света с тьмой*, происходящей уже в атмосфере душевных событий, ещё не сгущённой до явных событий истории, подготавливающей их...» (5, с. 32). Противопоставляя себя «старшим», «младосимволисты» не принимали крайнего субъективизма, размытость критериев добра и зла, возможность равно воспевать «Господа и Дьявола», самодовлеющего эстетизма и пессимизма «декадентов», отстаивали идею творчества как служения высшему началу. В восприятии Белого «декаденты – те, кто себя ощущал над провалом культуры без возможности перепрыга...». «Нас называли “символистами второй волны”; для меня это название значило: “символисты, но не “декаденты”» (4, с. 536), – писал впоследствии А. Белый. В отличие от неспособных к полёту над бездной «младосимволисты» – «соловьевцы» – выдвигали программу активного социального творчества, преобразования в художественном акте мира, реальности. Для них художник не только творец образов, но и демиург, создающий миры; новое искусство в основе своей религиозно, это теургия – магия, с помощью которой можно изменить ход событий, «заклясть хаос», подчинить себе при помощи слов. Высшая цель символизма – это цель культуры – сотворение нового человека. Из трагизма современности вырастал у деятелей культуры жизнеутверждающий пафос. Как отмечал А.Н. Скрябин, «чтобы стать оптимистом в настоящем смысле этого слова, нужно испытать отчаяние и победить его» (33, с. 121). Сопоставляя «век нынешний и век минувший» – «железный», Александр Блок трагически констатировал в поэме «Возмездие»:

Двадцатый век... Ещё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла,
Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла (8, с. 25).

Однако, при всём глубочайшем осознании трагедии *Страшного мира*, пафос утверждения, а не отрицания, пронизывал его поэзию. Ставшие классическими строки стихотворения «О, я хочу безумно жить...» являются не только самохарактеристикой поэта, приглашением к диалогу с будущим, но и художественным кодом Серебряного века:

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!
Пусть душит жизни сон тяжёлый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, –
Быть может, юноша весёлый
В грядущем скажет обо мне:
*Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?*
*Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!*
(5 февраля 1914)

Примечания

¹В предисловии к своей книге С. Маковский писал: «Томление духа, стремление к “запредельному” пронизало наш век, “Серебряный век” (так называл его Бердяев, противопоставляя пушкинскому – “Золотому”), отчасти под влиянием Запада» (23, с. 16).

² Например, в статье Татьяны Бек читаем: «Впервые это название было предложено философом Н. Бердяевым, но чётко оно закрепилось за русской поэзией модернизма после появления в свет статьи Николая Оцуца «“Серебряный век” русской поэзии» (1933), а вслед за изданием книги Сергея Маковского “На Парнасе серебряного века” (1962) вошло в культурный оборот окончательно» (3).

³ Русизм О. Ронена.

⁴Под таким названием, например, проходила международная конференция в Лионском университете в июне 2006 г., по материалам которой опубликован сборник: *Modernité russes 7: L'Âge d'argent dans la culture russe*. Lyon, Centre d'Etudes Slaves André Lirondelle, Université Jean Moulin, 2007.

⁵ Переводчик и автор предисловия А.А. Долин пишет о японской культуре: «Так, под знаменем Духовной революции на пороге 90-х годов страна вступила в новый период, который по праву может быть назван Серебряным веком японской культуры – если воспользоваться этим термином по аналогии с российским Серебряным веком и вспомнить о том, что хронологические рамки этих родственных феноменов удивительным образом совпадают» (35, с. 5).

⁶ На данную цитату, замечу, ссылается и Вяч. Вс. Иванов (с.: 30, с. 31).

⁷ Есть и другие свидетельства. Например, Алла Демидова отмечает в книге «Ахматовские зеркала»: «Считается, что термин “Серебряный век” ввёл в обиход Бердяев, хотя (как ни странно!) я сама слышала, как Лев Николаевич Гумилёв говорил, что это словосочетание придумано им и с его лёгкой руки пошло дальше» (14).

⁸ В 1961 г. (до публикации мемуаров С. Маковского) в Париже вышел посмертный сборник Николая Оцуца «Современники», включивший статью «Серебряный век русской поэзии». Написанная и опубликованная ещё в 1933 г. (журнал «Числа». Париж, кн. 7–8, с. 174–178), данная статья была известна лишь в узком эмигрантском кругу литераторов.

⁹«1913 год... был концом того периода русской литературы (и русской духовной культуры в целом), который часто называют Серебряным веком... Русский Серебряный век продолжался менее двух десятилетий. К концу 1913 года он исчерпал себя» (16, с. 405).

¹⁰В приложении к Серебряному веку данную характеристику использовал, например, С.С. Аверенцев (см.: 1).

Литература

- АВЕРЕНЦЕВ, С.С.: Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова. In: ИВАНОВ, В.И.: Лик и личины России. Эстетика и литературная теория. Москва, 1995. С. 7–
- АХМАТОВА, АННА: *Стихотворения и поэмы* / Вступ. статья А.А. Суркова; Сост., подготовка текста и примеч. В.М. Жирмунского. Ленинград, 1976.
- БЕК, Т.: *Серебряный век*. In: http://www.kulichki.com/~risunok/history/bek/serebryany_vek.html
- БЕЛЫЙ А.: *Начало века*. Воспоминания: В 3 кн.: Кн. 2. / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Лаврова. Москва, 1990.
- БЕЛЫЙ А.: *О Блоке* / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. Москва, 1997.
- БЕРДЯЕВ, Н.А.: *Русская идея*. In: О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья / Бердяев Н.А., Вышеславцев Б.П., Зеньковский В. В., Сорокин П.А., Федотов Г.П., Флоровский Г.В. Москва, 1990. С. 43–271.
- БЕРДЯЕВ, Н.А.: *Философия творчества, культуры и искусства*. Москва, 1994. Т. I.
- БЛОК, А.А. *Полн. собр. соч. и писем*: В 20 т. Москва, 1999. Т. V.
- БЛОК, А.А. *Собр. соч.*: В 8 т. М.; Ленинград, 1962. Т. VI.
- БРЮСОВ, В.Я.: *Дачные страсти*: Пьеса в 1 действии / Публ. В. Боцяновского. In: Звезда. 1939. № 10–11. С. 223–235.
- БРЮСОВ, В.Я.: *Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней*. Москва, 1912.
- ГАСПАРОВ, М.Л.: «Серебряный век» римской литературы. In: История римской литературы / Ред. С.И. Соболевский, М.И. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровский. Москва, 1962. Т. II.
- ГЕРШТЕЙН, Э.: Анна Ахматова и Лев Гумилёв: размышления свидетеля. In: Знамя. 1995. № 9. С. 133–178.
- ДЕМИДОВА, А.: *Ахматовские зеркала*. In: <http://www.akhmatova.org/bio/demidova2.htm>
- ЗАЙЦЕВ, Б.: *Собр. соч.*: В 5 т. Москва, 1999. Т. II.
- История русской литературы: XX век: Серебряный век / Ред. Ж. Нива, И. Серман, В. Страда, Е. Эткинд. Москва, 1995.
- КРЕЙД, В.: *Поэзия первой эмиграции*. In: Ковчег. Москва, 1991.
- КРУГЛОВ, В.Ф.: *Репин и символизм*. In: Илья Ефимович Репин: К 150-летию со дня рождения: Сб. статей. Санкт-Петербург, 1995. С. 83–95.
- ЛАВРОВ, А.В.: «Серебряный Век» и/или «пантеон современной пошлости». In: Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 240–247.
- ЛЕКМАНОВ, О.А.: Концепция «Серебряного века» и акмеизма в записных книжках А. Ахматовой. In: Новое литературное обозрение. Москва, 2000. № 46. С. 216–230.
- Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. Москва, 1965.
- МАКОВСКИЙ, С.: *На Парнасе «Серебряного века»*. Мюнхен, 1962.
- МАКОВСКИЙ, С.: *На Парнасе «Серебряного века»*. Москва, 2000.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д.С.: *Полн. собр. соч.* Москва, 1914. Т. XVIII.
- Не всё то серебро, что серебряное. 2007. Июнь, 11. In: <http://lostinindia.net/archives/date/2007/06/>
- ОЦУП, Н.: «Серебряный век» русской поэзии. In: ОЦУП, Н.: *Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах. Статьи и воспоминания*. СПб., 1994. С. 549–558.
- ПАНЧЕНКО, А.: «Я потерял собеседника...» / Беседу вела Т. Вольтская. In: Невское время. 1997. 15 окт. № 188 (1591).
- Проблема реализма. Вологда, 1980. Выпуск VII.
- РАПАЦКАЯ, Л.А.: *Искусство «серебряного века»*. Москва, 1996.
- РОНЕН, О.: *Серебряный век как умысел и вымысел* / Вступ. статья Вяч. Вс. Иванова; Пер. с англ. О. Ронена. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Выпуск 4). Москва, 2000.
- Серебряный век: идеи, люди, время. In: <http://diaghilev1.narod.ru/jurnal/83stati.html>

- Символизм в России / Государственный Русский музей. Санкт-Петербург, 1996.
- СКРЯБИН, А.Н.: *Записи*. In: Русские Пропилеи. Т. VI. Материалы по истории русской мысли и литературы. М., 1919. Ч. 2.
- ТОЛСТОЙ, И.: *Кто же сказал, что век «серебряный»?* In: Русская мысль, Париж, 2000. 21 декабря. № 4346.
- Цветы ямабуки: Шедевры поэзии хайку «серебряного» века (конец XIX – начало XX вв.) / Пер. с яп., предисл. и коммент. А. А. Долина. Санкт-Петербург, 2000.
- ЭТКИНД, Е.: Единство «серебряного века» In: Кафедральная библиотека кафедры новейшей русской литературы - <http://novruslit.ru/library/?p=51>
- BOULT, G.: *The Silver Age: Russian Art of the Early 20th Century and the «World of Art» Group*. Calif. Un., 1979.
- Histoire de la littérature russe / Ouvrage dirigé par E. Etkind. G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Le XXe siècle. L'Age d'argent. Fayard, Paris, 1987.
- PROFFER, K.: *The Silver Age of Russian Culture*. Michigan Un., 1975.
- STENBOCK-FERMOR, E.: *Das Silberne Zeitalter der russischen Literatur*. In: Rußlands Aufbruch ins 20. Jahrhundert, hg. v. G. Katkov u. a., Freiburg, 1970.
- Stříbrný věk ruské literatury. Praha, 2004.

Resumé

Slovné spojenie «серебряный век» ako súčasť ruskej kultúry prelomu 19. - 20. storočia má široký význam, hoci jeho časové rozpätie i hodnoty, ktoré sú preň charakteristické, ako aj samotný názov patria k diskutabilným otázkam.

V článku sa vedie polemika s O. Ronenom, autorom knihy «Серебряный век как умысел и вымысел». Hoci sa v literárnej kritike objavuje výraz «Серебряный век» ešte pred poérou A. Achmatovovej «Без героя», skutočný status získava tento termín len v jej umeleckom obraze.

Autorka článku určuje časové hranice uvedeného obdobia a spája ho s pojmom «fin de siècle». Charakterizuje dobu prelomu storočí a všíma si jej protiklady.

Н. В. ГОГОЛЬ – ОБРАЩАЕТСЯ К НАМ

Йозеф Сипко (Прешов)

Работа выполнена в рамках научного проекта ВЕГА
«Языковая картина постсоветской эпохи», № 1/0182/08

Двестилетний юбилей Н.В. Гоголя предоставляет нам возможность задуматься над заветами великого писателя последующим поколениям. По поводу гоголевского праздника организуется целый ряд научных мероприятий, переиздаются его произведения, снимаются фильмы о нем и по мотивам его произведений, а ЮНЕСКО 2009 год объявила «Годом Гоголя».

Мы попробуем обосновать указанный интерес к Гоголю на самом реальном лингвокультурологическом материале из современной российской, а частично и словацкой прессы. Оказывается, что все главные гоголевские персонажи живут в современной России, встречаются среди нас, но как замечал Гоголь, они воплотились и в каждого из нас. При этом дело не только в современных *Хлестаковых*, *Чичиковых*, *Баимачкиных*, *Плюшкиных*, *Маниловых*, *Тарасе Бульбе* и многих других. Гоголь создал архетипы человеческого поведения, которые являются наяву также в наше, а по сути дела и в каждое время.

Если заглянем в российскую прессу постсоветской эпохи, то регулярно активизируются гоголевские персонажи в многообразной обстановке политических, социально-экономических и других реалий. Они представляют собой оригинальное и убедительное **зеркало** не только россиянам, но также современному поколению в целом. Гоголевское зеркало мы воспринимаем как повод для смеха, но никогда нельзя забывать, что это настоящий *смех сквозь слезы*, который должен в первую очередь лечить. Это может произойти только при том условии, что мы правильно умеем принимать гоголевское *лекарство-смех*.

Гоголевская комедия «Ревизор» представляет собой зеркало, которое упоминается в самом начале произведения на основе известной народной пословицы – «*Неча на зеркало пенять, коли рожа крива*». В постсоветских условиях этим зеркалом для всей страны являются многие реалии, например, Дума:

Дума – представительное учреждение. Так и нечего на зеркало пенять (ЛГ. 1995. № 17).

Конфликт между главами регионов и критикующей их прессой вроде бы предвещал Гоголь: *Неча на зеркало пенять...* (НГ. 20. 2. 2006).

Гоголевское *зеркало* объективно показывает уровень российского киноискусства, как оно было представлено на кинофестивале в Берлине:

А зря мы пеняли на гоголевское зеркало (НГ. 18. 2. 2006).

В словацком контексте употребляется аналогичная сентенция – *Čo sme si zvolili, to máme*.

Таким образом, в российской прессе часто выступают персонажи из бессмертных гоголевских произведений, которые *смехом сквозь слезы* в качестве вневременного зеркала показывают и наше лицо. Из «гоголизмов» первое место занимают **лингвокультураны** из комедии «Ревизор». Соревнующимся не в полную силу спортсменам, где иностранцы вытесняют россиян, посылает свое «предупреждение» Гоголь репликой прямо из комедии «Ревизор»:

К нам едет ревизор (МН. 2006. № 5).

Это предупреждение понадобилось бы в обстановке, где люди лишены чувства добросовестности при выполнении своих, даже элементарных обязанностей. Приоритет героев из комедии «Ревизор» в первую очередь относится к ее главному представителю *Хлестакову*, который по стечению удивительных обстоятельств, сам этого не желая, попадает *из грязи в князи*. А если посмотрим на карьеру целого ряда современных политических деятелей в наших странах, то уж лучше, чем посредством Гоголя их не охарактеризуем. Например, о современных депутатах Госдумы мы нашли заметку:

Привкус хлестаковщины (ЛГ. 1995. № 17).

Хлестаковщина чаще всего характеризуется как хвастовство. В этом плане интересным представляется вариант фамилии *Хлестаков* в одном из словацких переводов комедии «Ревизор» – *Chvastakov*. Кажется, что вершиной хвастовства главного персонажа комедии

является реплика в его монологе, во время которого *Хлестаков* рассказывает своим слушателям, как он был нужен самому государю, который за ним послал 35 тысяч курьеров. Современные хватсуны показаны в аналогичной ситуации:

35 тысяч курьеров... (ЛГ. 1999. № 17)..

Незабываемый *Хлестаков* живет как мерило многих фальшивых мероприятий. На этот раз он «действует» в разных проектах литературной жизни:

Но есть и другое: истеричное давление новых литературных мод и мнений, повальная идиотическая «актуализация», волна хлестаковских «проектов» и «программ», выдвигаемых все теми же профессиональными бездельниками... (ЛГ. 2005. № 32 – В. Сахаров).

Как помним из комедии «Ревизор», некоторые люди старались выяснить у слуги *Осипа*, кто таков *Хлестаков*, не генерал ли его барин? Данный мотив использовал журналист, когда писал о некоторых современных российских генералах. В том же номере ЛГ некоторые генералы определены именно посредством фразы, которую высказал слуга *Хлестакова Осип*, когда отвечал на выше поставленный вопрос:

Генеральство наоборот. А у слуги *Хлестакова, Осипа*, спросили, не генерал ли его барин. **Генерал наоборот, ответил Осип** (ЛГ. 1995. № 17).

Генерал наоборот – это прецедентное выражение, которое изображает людей, незаслуженно занимающих высокие посты.

Насилие во Франции в ноябре 2005 г. вызвало много споров и дискуссий о причинах недовольства иммигрантов своим положением. Как помним, оно было вызвано трагической смертью двух подростков арабского происхождения, в результате чего произошли массовые беспорядки, во время которых сгорело во французских городах несколько тысяч автомобилей. Многостороннее обсуждение положения иммигрантов вызвало противоположные суждения. В российской прессе присутствовало очевидное настроение против погромщиков. Авторы не признавали их доводы о том, что они стали жертвами расизма. Одна из статей отвергала подобные рассуждения:

Расизм навыворот (ЛГ. 2005. № 47).

Персонажи Гоголя из комедии «Ревизор» выросли в российской действительности в XIX-ом веке, но они вступают в жизнь в любое время и не только в России. О людях, которые любой ценой хотят обратить на себя внимание, можно говорить, апеллируя к другим известным героям комедии «Ревизор». Два городских сплетника *Бочинский* и *Добчинский* были первыми, кто в *Хлестакове* «узнали» важное лицо. Такие люди, не имея предпосылок, любой ценой желают обратить на себя внимание:

Комплекс неизвестности, комплекс Добчинского-Бобчинского (ЛГ. 1994. № 6).

Заключительная *немая сцена* комедии включает картину высшей меры удивления, неожиданности. Она может появиться в любой ситуации. На ее основе была охарактеризована история солдата с ампутированными ногами, который сумел вернуться на фронт:

Немая сцена (ЛГ. 1997. № 1-2).

Средством самой острой критики и сатиры многие десятилетия служат образы из поэмы «Мертвые души». После распада СССР разгорелись многочисленные вооруженные конфликты, в которых за деньги участвовали наемные боевики, которые принимают деньги за *мертвые души*, как двести лет назад *Чичиков*, который платил деньги за *мертвые души*:

Времена чичиковых давно прошли, а деньги за мертвые души все еще платят (ЛГ. 1994. № 48).

Проблема адаптации бывших советских чиновников в новых постсоветских условиях Гоголевские образы представляют собой прецеденты для гиперболизации отрицательных явлений. Искусственно создаваемые некоторыми литераторами положительные образа показаны в статье:

Мертвые души брэндов (ЛГ. № 11. 2004).

Современная политическая жизнь воскрешает *Чичикова* также и в словацкой среде: *Vivat Čičikov! Nekupujem mŕtve duše dokonca ani starých štruktúr* (Р. 12. 11. 1991).

Чичиковщина проявляется во многих ситуациях, например, при фальсификации подписей под всякими петициями:

Telefonická čičikovčina (NČ. 30. 11. 1991).

Образ *мертвых душ* стал актуализироваться в страховых компаниях, когда некоторые из них по образу *Чичикова* расширяли списки своих несуществующих клиентов:

Mŕtve duše Všeobecnej zdravotnej poisťovne (NO. 21. 12. 1995).

Хлестаковы и Чичиковы встречаются в современности регулярно, а вслед за ними в нашу жизнь вступают и другие гоголевские персонажи. Министр обороны России был представлен посредством персонажа из поэмы «Мертвые души»:

Маниловицина без Манилова (МК. 17. 2. 1994).

Отдельные авторы видят *маниловицину* даже в истории славян:

Идея насчет сменной вахты славянских столиц все же отдает маниловициной (НС. 1996. № 12). *Как только на сцене появляются маниловы, так непременно побеждают чичиковы* (ЛГ. 1996. № 6).

Маниловициной считаются неосуществимые политические и экономические проекты. Б. Кузнецов один из таких преков раскритиковал в статье под заголовком:

Опять маниловицина. Прочитывая отрывок из проекта, автор завершает свой критический разбор словами: *А дальше совсем маниловицина: Организовать революцию в атомной энергетике, заложить фундамент нового общественного строя, стать мировым лидером ...* (ЛГ. 2007. № 20).

Манеры поведения *Манилова* напоминают поведение некоторых пешеходов и водителей. Имеется в виду сцена комической вежливости из «Мертвых душ», когда *Манилов с Чичиковым* упрашивали друг друга пройти через дверь и наконец *притеснили друг друга*:

Любо-дорого посмотреть, как водители и пешеходы порой расшаркиваются друг перед другом на переходах: «Будьте любезны, проходите!» – «Нет, нет, будьте любезн, уж проезжайте!» (О. 2008. № 51).

Чичиков представляет собой в сознании современного поколения явного мошенника и спекулянта. В 2005 году в Театре им. Вл. Маяковского в Москве была поставлена пьеса режиссера Арцибашева по мотивам «Мертвых душ» Гоголя, где *Чичиков* показан по-другому:

Чичиков – его играл *Арцибашев* – отнюдь не ***Остан Бендер*** образца 2005 года. *Свою родословную он, скорее всего, ведет от Акакия Акакиевича Баимачкина через Смердякова, Расплюева и Тарелкина. Каждую минуту Павел Иванович мечтает начать жить честно, в семейном кругу, в окружении благородных людей. И не его вина, что всякий раз он наступает на те же самые грабли. Чичиков Арцибашева – изначально фигура страдательная, вызывающая скорее сочувствие, чем отвращение и презрение* (ЛГ. 2005. № 47).

Современные политики представлены также в образах других гоголевских героев:

В лице нового спикера работает Собакевич (МК. 19. 1. 1994).

Частым объектом критики и насмешки являются другие депутаты Госдумы:

Вокруг до боли знакомые лица: Ноздрев, Собакевич, Коробочка (ЛГ. 1995. № 17).

Из романа «Мертвые души» кроме отдельных персонажей оживляется образ быстрой езды *птицы-тройки*, как символа России. Судьбу России и направление ее *быстрой езды* трудно предугадать. Еще и в наше время трудно определить куда *несется Русь*:

Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа, потому что его нет! (О. 2004. № 13).

И жители современной России отражены в гоголевской *быстрой езде*:

Какой же русский не любит быстрой езды? (ЛГ. 1999. № 49).

В наше время для быстрой езды создают возможность автострады:

Какой грузинский князь не любит быстрой езды? (ЛГ. 1997. № 10).

Возможности и проект образования Россией и Белоруссией единого государства оцениваются тоже образом *птицы-тройки*:

Куда несетесь вы, Русь с Беларусью? Дайте ответа. Не дают ответа (ЛГ. 1997. № 14).

Гоголевская *птица-тройка*, как и пушкинский *русский бунт*, вызывает даже опасения, которые относятся к возможным вооруженным конфликтам на территории России. К сожалению, эти опасения в 90-ые годы прошлого века сбылись:

Страшно, когда понесет птица-тройка (ЛР. 1990. № 52).

Сложные современные отношения России и Украины изображаются лирическим гоголизмом:

Редкая птица долетит до середины Днепра (ЛГ. 1997. № 14).

Но когда Украина стала все дальше удаляться от России, особенно после *оранжевой революции*, в российской прессе стали посмеиваться над некоторыми сторонами украинской самостоятельности, *незалежності*, к примеру, над украинскими ракетами: **Редкая ракета долетит до середины Днепра** (НГ. 12. 10. 2005).

В гоголевском образе показано величие Днепра, это восхищение *широким и могучим Днепром*, который в аналогичных образах запечатлен также в других художественных текстах, например, в известном стихотворении Т.Г. Шевченко: «*Рече та стогне Дніпр широкий...*». С этим оттенком связано значение **недосягаемости** величия Днепра. Последний пример показан в отрывке, который выражает сомнение относительно эффективности критики президента Дж. Буша мл. посредством *импичмента* за прослушивание телефонных разговоров американцев:

Редкая птица долетит до импичментства (МК. 28. 1. 2006).

В некотором смысле особую ценность в творчестве Гоголя представляет собой историческая повесть «Тарас Бульба». К ней возвращаются русские люди как к эталону патриотизма, снимаются все новые фильмы, в повести ищутся источники и образцы настоящего патриотизма. Последний такой фильм, снят к 200-летию Гоголя, назван «От любви к ненависти». Судьба двух сыновей Тараса Бульбы, *Остапа и Андрея*, интерпретируется как две крайности отношения к Родине – жертвоприношение и предательство:

В России всегда были Остапы и Андреи (НС. 1997. № 4)

Вслед за пушкинским *Самсоном Выриным* из повести «Станционный смотритель» Гоголь ввел в русскую литературу образ следующего **маленького человека** в лице *Акакия Акакиевича Башмачкина* из повести «Шинель». Он служит определенным прототипом при изображении тяжелых материальных условий жизни многих россиян в наше время:

Кое-что о шинели для Акакия Акакиевича... (ЛГ. 1996. № 52).

Этот образ может служить не только для изображения пассивных и бессильных людей. Иногда современные *башмачкины* способны отомстить так, как это было в случае с бывшим чиновником из КГБ, который издал на Западе компрометирующую книгу о советской госбезопасности

: **Месть Акакия Акакиевича** (МН. 1999. № 36).

Типичные признаки **русской ссоры** созданы в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Это название стало продуктивной конструкцией при изображении встреч двух известных лиц:

Как поссорились Валентин Петрович с Михаилом Сергеевичем (О. 1991. № 21 – бывший премьер Попов и Горбачев).

Также встреча бывшего президента Б. Ельцина с писателем А. Солженицыным была передана гоголевской конструкцией, а также конфликт мэра Москвы с губернатором Московской области:

Как поговорили Борис Николаевич с Александром Исаевичем (О. 1994. № 46-47). **Как поссорились Юрий Михайлович с Анатолием Степановичем** (МК. 11. 2. 1994). В наших примерах в первую очередь чувствуется комизм и ирония при комментировании всяких встреч: **О чем не договорились И. Рыбкин с М. Удуговым** (ЛГ. 1997. № 9).

В подобной коммуникативной позиции функционируют названия других произведений Гоголя. Посредством названия книги «Вечера на хуторе близ Диканьки» пародируется известный телесериал:

Вечера на кухне близ Санта Барбары (ЛГ. 1992. № 29).

Полемика среди журналистов произошла на фоне гоголевской книги «Избранные места из переписки с друзьями»:

Работа над ошибками, или Избранные места из переписки с... (О. 1993. № 9-10).

Видимо, самым типичным гоголизмом, который в некотором смысле в компрессированной форме выражает суть всего его творчества, является выражение **смех сквозь слезы**:

Смех сквозь струны (О. 1995. № 11 – о концерте веселых музыкальных жанров).

Некоторым авторам **смехом сквозь слезы** представлялись переговоры чешских и словацких представителей, в результате которых разделилась Чехословакия:

Rokovania tu pripomínali smiech cez slzy (Sme, 17. 6. 1992).

Описывая с критических позиций известного современного живописца И. Глазунова, С. Куняев (2005) прибегает к повести Гоголя «Портрет», чем хочет показать путь художника, в центре внимания которого стоят деньги:

«Слава его росла, работы и заказы увеличивались. Уже стали ему надоедать одни и те же портреты и лица, которых обороты сделались ему заученными. Уже без большой охоты он писал...»

Гоголевский смех применим также и к американским реалиям. В одном американском фильме главный герой ведет себя подобно гоголевским *старосветским помещикам*, но вдруг после нападения на него вооруженных подростков меняется в настоящего Бонда:

Старосветские помещики (МН. 28. 11. 2005).

Гоголевская мысль *«Нет ничего лучше Невского проспекта»* лежит в основе заголовка статьи, в которой рассуждается о власти:

Нет ничего лучше хорошей власти (ЛГ. 2005. № 47).

Приближающийся 200-летний юбилей Н.В. Гоголя активизировал к более интенсивной жизни его персонажей:

РЯДОМ С НАМИ

(ЛГ. 2008. № 44, Лев Нецветаев)

*Писатель на себя берет не много ль,
Когда вещает ментору сродни?
Вот, скажем, **Николай Васильевич Гоголь**
Насколько актуален в наши дни?
Из тех времен, казалось ни полушки
Не перешло в наш двадцать первый век...
А вот жена ворчит, что я как **Плюшкин**,
Все захламил. Ну что за человек!
А кто сражал знакомствами своими
Доверчивых российских простаков,
На Никаса сменив простое имя?
Земляк наш Коля, суций **Хлестаков**.
А **городничий**, хитрая оторва –
В каких краях подобный не блистал?*

*А преуспевших **чичиковых прорва**.
На **ваучерах**, сбивших капитал!
Да и вожди, дурного не желая,
Нам наломали неподъемных дров.,
И в этом смысле **Боря Николаич**
Бывал то **Собакевич**, то **Ноздрев**.
А кодь на книжном рынке мы порыщем,
То захлестнемся в море чепухи:
Сейчас издаст и прозу и стихи.
Зато бюджет прикинув на бумаге,
Концы с концом состыковав едва,
Пойти к портному не найдет отваги
Сегодняшний **Башиmachкин** номер два.*

В РАС фамилия «Гоголь» находится в качестве реакции на следующие стимулы:

ГОГОЛЬ – Мертвые души, нос, Плюшкин, чиновник, носам, женитьба, коробка, носов, о носах, утопленник, портрет, поэма, пьеса...

Общеизвестна судьбоносная связь Н.В. Гоголя с А.С. Пушкиным. Об этом помнят представители русской культуры и в таких словах:

*Если **Пушкин** наше все, то **Гоголь** наша общая беда* (ЛГ. 2008. № 14).

Сокращения: ЛГ – Литературная газета, ЛР – Литературная Россия, МК – Московский комсомолец, МН – Московские новости, НГ – Независимая газета, НС – Наш современник, О – Огонек, НЧ – Nový čas, NO – Národná obroda, P – Pravda

Práca bola napísaná v rámci projektu VEGA Jazykovaja kartina postsovjetskoj epochy č. 1/0182/08 a v rámci Lingvokulturologického a prekladateľsko-tlmočnického Centra excelentnosti na FF PU v Prešove. áca bola napísaná v rámci projektu VEGA Jazykovaja kartina postsovjetskoj epochy č. 1/0182/08 a v rámci Lingvokulturologického a prekladateľsko-tlmočnického Centra excelentnosti na FF PU v Prešove.

Литература

- БУДАГОВ, Р.А. Филология и культура. Москва, 1985.
ВОРОБЬЕВ, В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. Москва, Изд-во РУДН 1997.
ГАЧЕВ, Г. Национальные образы мира. Космо. Психо. Логос. Москва, «Прогресс» - «Культура» 1995.
КУНЯЕВ, С. «Предательство – это продажа вдохновения»//Наш современник 2005, № 7. С. 111-146.
ЛОССКИЙ, Н.О. Характер русского народа. Посев, 1957.
МАСЛОВА, В.А. Лингвокультурология, Москва, Academia 2004.
KOLLÁROVÁ, E. Kulturologické smerovanie cudzojazyčnej edukácie. Banská Bystrica, FHV UMB, 2004.
LOTMAN, J.M. Text a kultúra. Bratislava, 1994.
SIPKO, J. В поисках истинного смысла – Hľadanie ozajstného zmyslu. FF PU Prešov, 2008.

Resumé

200. výročie narodenia Gogoľa umožňuje analyzovať aj jeho prínos pre dnešok. Autor vo svojom príspevku komentuje jazykové jednotky z jeho jednotlivých diel, ktoré sa využívajú v súčasnej ruskej a čiastočne aj slovenskej tlači. Bohatý ilustračný materiál umožňuje konštatovať, že vlastne všetky významné diela Gogoľa obsahujú motívy, obrazy, okrídlené výrazy, prostredníctvom ktorých sa komentujú a hodnotia súčasné udalosti. Osobitnú pozornosť vyvolávajú jednotlivé postavy z Gogoľových diel, cez ktoré sa personifikujú súčasné reálie. Príklady zo súčasných masmédií potvrdzujú trvalú aktuálnosť a nadčasovosť Gogoľovho umeleckého odkazu.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Лилиана Беловичова (Трнава)

Все славянские народы принадлежат к культуре, сложившейся под влиянием христианства. Трудом свв. братьев, равноапостольных Кирилла и Мефодия, славянские народы получили алфавит и возможность читать Священное Писание на родном языке. Это сыграло огромную роль в формировании культуры славянских народов, сердцем которой является православное христианство.

Христианизация Руси в конце X века стала решающим рубежом в оформлении древнерусской православной культуры – с ее письменностью, книжностью, образованностью, с выдающимися памятниками архитектуры и живописи, богословской, исторической и художественной литературы. После XIII века древнерусская православная культура развивается по трем основным направлениям (Малороссия, Белая Русь, Великороссия), сохранив первоначальный «византийский след», но одновременно оказавшись в постоянном и длительном контакте с Востоком и католическим Западом.

Расцвет русской культуры XIV-XVI вв. (эпоха Московского царства, несмотря на «смуту», проявился в большом духовно-религиозном подъеме. С XVII века до наших дней продолжается «новый период» в развитии православной культуры – период неуклонного нарастания секуляризма, вплоть до уничтожения православной культуры в начале XX века, и постепенное, начиная с 90-х годов XX века, возвращение к христианству и православной духовности.

Духовность – это убежденное ощущение или сознание того, что кроме вещественных, прагматических ценностей, в мире есть иные – духовные, более значительные и значимые.

Основой духовности является природная способность осознать идеал, стремиться к нему. Идеал имеет непременные черты самобытности. Очень справедливо писал К. Д. Ушинский, что «каждый народ имеет свой собственный идеал человека. Этот идеал всегда выражает собою степень самосознания народа, народную совесть». (1)

Этот идеал более всего отражается в религии, в вере, которую народ исповедует, в том, как эта вера воплощается в культуре народа. Кстати сказать, в известных сложившихся формулах народно-государственных характеристик нетрудно обнаружить основы таких идеальных представлений. Например, у англичан: «Старая весёлая Англия», у немцев: «Германия превыше всего», у французов: «Прекрасная Франция», у русских – «Святая Русь».

Крещение Руси было государственным поворотом в духовной жизни всего народа. Этот религиозный акт задал тон содержанию, направлению и развитию русской культуры и страны в целом. С этих пор во главу угла было поставлено духовное начало в человеке. Сам он должен был рассматриваться как существо, соприродное Творцу, обладающее особыми духовными свойствами: бессмертием души, бесценностью жизни, возможностью получения Благодати и милостей Божиих.

При этом каждый христианин был обязан подчинять себя единой духовной дисциплине: творить добро, отвергать зло, молиться, покаясь себе воле Бога, который есть Любовь, Свет миру, Путь, Истина и Жизнь. Мысль христианина утверждалась на безусловном разграничении добра и зла, понятий, имеющих противоположное коренные признаки, ибо:

Добро – возрождает, созидает, оздоравливает, укрепляет, возвышает, облагораживает, освещает, несёт процветание и жизнь.

Зло – умертвляет, разрушает, приводит к болезни, ослабляет, унижает, опошляет, несёт увядание и смерть.

Русская культура вся зиждется на православном миропредставлении. «Христианский идеал, - писал С. Н. Трубецкой, - требует от нас сочетаний беззаветной преданности Богу с величайшей энергией человеческого творчества». (2)

Осененный этим идеалом триединый русский народ создал величайшие памятники культуры, имеющие несравненные духовные, эстетические и художественные достоинства, что и сделало её предметом всемирного признания.

Историческим бытием своим Православие доказало плодотворное влияние на судьбу России и способствовало независимости государства, его стремительному расцвету. Вся русская цивилизация была сформирована на духовно-нравственных началах православного понимания сущности бытия, на идеалах, выработанных православным национально-историческим самосознанием.

Достаточно вспомнить Ломоносова, Державина, Пушкина (во втором периоде его творчества), Глинку, Чайковского, Рахманинова (и других русских композиторов), Гоголя, Достоевского, Лескова, хирурга Пирогова, Менделеева, Павлова, Васнецова, Нестерова. Всех их не перечислить! «Свет Христов, просвещающий всех», светит и ныне в русской культуре. Даже и те её деятели, которые могли быть субъективно далеки от веры и Церкви, сами того не замечая, вдохновляются христианским пафосом. Таковы в своих лучших произведениях Ахматова, Цветаева, Блок, Есенин, Шолохов, Твардовский, Фадеев, Распутин, Проханов, Носов, Белов, Астафьев, даже такой, по национальности не русский, как Чингиз Айтматов и многие другие.

Да и в других видах искусства, и не только искусства, но и любого делания, самые лучшие его представители вдохновляются в той или иной мере именно христианским пафосом, ибо это пафос жертвенного служения миру, ближним в духе любви и милосердия. Русская культура вся зиждется на основаниях православной культуры. (3)

Что же представляет собой православная культура? Православная культура – это культура, сложившаяся в результате проповеди Евангелия и нашедшая свое выражение в языке, архитектуре, живописи, образе жизни. Православная культура отразила высокий христианский идеал человека, который заключен в том, что человек должен победить свою корыстную природу, образовать в себе свободную личность, находящуюся в сознательных и разумных отношениях к Богу, людям и природе. В православной культуре Христос предстает как совершенный учитель и воспитатель всего человечества и конкретного человека. В учении и делах Спасителя заключены вообще все вечные основы педагогики. Он восстанавливает высокий нравственный идеал в семейной жизни, в отношении детей требует уважения, признания их личного достоинства.

В области семейных отношений православная культура говорит не только о почитании детьми родителей: «Почитай отца твоего и мать твою, (чтобы тебе было хорошо и) чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой дает тебе» (Исх. 20:12), но говорит и об истинной любви родителей к детям, указывая на отца, который радостно принимает возвратившегося блудного сына.

Воспитание человека в христианстве, которое раскрывается через православную культуру, есть извлечение из него всего низменного, грубого, животного и возвышение его к духовному совершенству через развитие в нем истины, свободы, любви в высоком божественном понимании.

По верному замечанию великого русского философа Ивана Александровича Ильина, творческая сила и духовная сопротивляемость современного человека подорваны его беспочвенностью, «широкие слои людей утратили живую веру и отошли от христианской церкви». (4)

Сейчас наш мир находится в совершенно иных условиях развития, нежели в начале XX века. Но что нам дал XX век? Ушедший век дал нам две страшные мировые войны, унесшие десятки миллионов жизней; демографический и экологический кризисы; попытки манипуляции общественным сознанием, с одной стороны, и абсолютизацию исключительно материальных, потребительских, эгоцентрических установок, с другой.

Кризис коснулся общего жизненного тонаса цивилизации. Современная культура стала терять ориентиры, критерии отличия добра и зла, порока и добродетели, прекрасного и безобразного. Она постепенно превратилась в масс-культуру. По меткому выражению французского социолога А. Моля: «Масс-культура – это культура безумной толпы, готовой безумно и безропотно следовать любому поводе. Воздействие масс-культуры неизмеримо выросло в связи с развитием масс-медийных коммуникаций. С появлением масс-медиа прежде

культурное достояние общества утрачивает свое значение. Даже базовая система образования, принятая в обществе, перестает играть прежнюю роль. Для молодого человека сегодня гораздо большее значение имеет не сумма знаний, получаемых в семье, школе или колледже, а то, что он услышит по радио, увидит по телевизору или в кино, прочтет на афише или в газете и т. д. В результате прежняя более или менее целостная система знаний и ценностей заменяется набором переменчивых установок, на которые постоянно воздействуют масс-медиа». (5)

Спросим себя: способна ли выжить наша культура да и человечество в целом в столь критической ситуации? Когда хаос воцаряется в мире необходимо искать пути, позволяющие преодолеть его, т. е. необходимо искать то, что будет способно одухотворить социальные действия человека.

И сейчас нам, преподавателям русского языка и литературы, необходимо обратиться к особой роли русской православной культуры, сознавая её выдающее значение в мировом процессе.

Конечно, речь идет не о какой-то русской «монополии» на духовность, а об осознании культуры русско-православной в качестве альтернативы технократическому нигилизму.

Начиная с Крещения Руси в течение всех допетровских времен русские внесли огромный вклад в развитие иконописи, зодчества, средневековой христианской литературы и исторического летописания.

Литература и философская мысль до сих пор привлекают многих мыслящих людей Востока и Запада. Высокий аскетизм и человеколюбие в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева и других волнуют и привлекают к себе людей разных возрастов.

Миссионерская деятельность Церкви мирно распространила православие среди финно-угорских народов, многих коренных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока, индейцев Северной Америки (Аляски), а вместе с этим письменность и просвещение.

Из многих литературных источников мы знаем, что русских людей, рассеянных по миру после 1917 года, было более 10 мил. человек. (6) Это рассеяние было не только рассеяние русских людей, но и русской культуры, русской науки, русского образования, русской духовной деятельности, духовного миссионерства, православного бытия.

Одним из наиболее очевидных выражений русской эмиграции стало укоренение Православия в тех странах, где его не было, или по каким-то причинам было ликвидировано. Эту миссию можно назвать «миссией зерна» («если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода»). (Ин. XII. 24).

Русская православная культура дала плод, обогативший иностранный мир. Это прекрасные русские поселения в различных странах света. По всему миру распространились русские храмы и монастыри, культурные центры, музеи, богатейшие архивы. И в этом огромную роль сыграла Православная церковь.

Открытость русской православной культуры влияниям Запада и Востока дала повод Н. А. Бердяеву усматривать в ней основу синтеза традиций Востока и Запада, основанного на евангельских христианских идеалах. Таким образом, русская православная культура может быть гарантом континентального равновесия. И именно это состояние исторической миссии России способствует всем её культурным традициям успешно передавать свои ценности другим народам. А православные ценности занимают в современном мире всё более почетное место. Это проявляется в большом интересе к православной духовности.

Ведь именно сейчас Россия, самое большое православное государство в мире, переживает новый религиозно-духовный подъем, связанный с национально-политическим возрождением. Особенно очевидно это становится на фоне секулярных процессов на Западе.

«Никто не станет отрицать, что два последних десятилетия для России были годами общественно-политических потрясений. Кроме этого русский народ подвергли духовной агрессии со стороны неокультов, массивному влиянию чужеродной культуры, которая по своей природе не только антидуховная, но и антигуманна. В результате на духовных нивах можно было ожидать всходы полной бездуховности и бессовестности. Но ожидания недругов России не оправдались. Вот статистические данные. Несмотря на катастрофическое падение нравственности, регуляторы семейных отношений остаются достаточно сильными. Родителей уважает 81 % населения России. Патриотизм также не потерял своего значения в русском

народе. Большинство населения (62 %) воспринимают Родину как священное понятие. Преданность Родине почти у половины населения России более предпочтительное понятие, чем справедливость. 60 % опрошенных считают Россию особой страной, не похожей ни на Европу, ни на Азию. Голос совести в душе русского человека не только указывает путь к добру и духовному совершенству, но обличает истоки зла. Большая часть населения России считает, что западная культура отрицательно влияет на отношения между людьми в России. Засилье западной культуры, по мнению большинства населения России, делает людей хуже. Большая часть населения страны не принимает так называемых «западных ценностей жизни». Эти данные статистики остаётся увенчать кратким резюме – выдержкой из Военной истории государства Российского: «Скажите всем, что Русь всегда жива». (7)

Мы не можем с уверенностью утверждать, что Европа и Америка перестали быть христианскими. Часть европейцев и американцев по-прежнему отождествляют себя с Христианством. Но относятся они к нему как к культурной традиции, т. е. они не воспринимают христианские ценности как норму собственной жизни. В этих условиях Россия с её верностью Православию для миллионов людей становится примером, надеждой, упованием.

В эпоху постмодерна Европа и Америка с удивлением и радостью открывают для себя новый неизвестный мир – мир великой Византийской цивилизации, хранительницей которого на протяжении тысячи лет является Россия. Для большинства русских людей нравственные ценности остаются все теми же, что и в прошлые века. В единстве духовных, культурных и материальных ценностей, являющихся основой единства всех племен и народов, населяющих Россию, русские люди всегда видели возможность отстоять свою веру, свободу, независимость и национальную идентичность.

Нравственным идеалом русской культуры, как я уже вспоминала, является христианская православная этическая традиция. Категориями нравственного идеала являются:

- общие исходные принципы: добро, благо, добродетель, справедливость, которые выражаются в поступках (моральном поведении);
- нравственные основания личности: долг, совесть, честь, достоинство и другие;
- отрицательные принципы морали: зло, ложь, ненависть, зависть, предательство, подлость и другие.

В нравственном основании личности огромное значение имеет «совесть – один из чудесных даров Божиих человеку. Совесть – это сама сила Божия, живущая в нас». (8) Совесть есть сама жизнь и дух, и любовь и искренность: сила страшная, и чистая, и божественная.

Беда современного человека в том, что он разучился слушать голос своей совести. Вся наша жизнь есть действие нашего рассудка, неплохо соображающего в вопросах нашей обыденной жизни, но мало понимающего в вопросах высшей правды и высшей цели человеческого бытия. Беда наша ещё и в том, как пишет И. Ильин, что современный человек научился практически относиться к священной, иррациональной глубине своей совести, ограждать себя от её голоса. Пускай над ней возьмётся люди сентиментальные, глупые, не приспособленные к реальной жизни, а им, «умным», не до того. (9)

Христианская совесть, этот драгоценный и благодатный дар человеку, как бы умолкла за последние десятилетия научно-технического прогресса. Это зловещее явление. И. Ильин в своё время говорил, что факт указывает на то, что современному человеку предстоит вступить на путь больших страданий и потрясений. Ибо совесть не есть какое-то ненужное или маловажное свойство и способность. Напротив, совесть нужна каждому человеку не только в какие-то особенные периоды его жизни, но нужна в ежедневных делах и обыденных отношениях, и то, что не тронута её лучом, оказывается не только некачественным в смысле духовном, но и жизненно не прочным, не крепким и в личной, и в общественной жизни. (10)

Можно с уверенностью говорить о значимости совести в делах государственных, политических и социальных.

Каждое новое поколение должно расчищать пути, ведущие к совести. Ибо бессовестное поколение, если оно придет когда-нибудь, погубит жизнь человека и его культуру на земле.

Особенно важно изучать православную культуру сейчас, в начале XXI века, когда многие деятели культуры, ученые, богословы отмечают упадок нравственности, засилье духовной пустоты, о чем нас предупреждали классики философской мысли О. Шпенглер, Н.

Бердяев, И. Ильин и другие, говоря о «закате культуры» и рождении бездуховной, внеэтической цивилизации. Это связано с созданием так называемого общества потребления, «визуализацией» культуры, когда большее значение имеет зрительный образ, именно так человек получает сейчас основную долю информации. Поэтому в настоящее время просто необходимо обратиться к проблемам нравственного идеала, к истокам русской православной культуры.

Цель у меня с Вами одна: воспитать в молодом поколении живое нравственное чувство, вложить в сердца молодых людей преданность исконным духовным ценностям, выработать не только научное, но и духовно-нравственное мировоззрение, в котором нет никакого противоречия, пагубного раздвоения сознания между верой и знанием, где любовь к окружающему является не второстепенным, а центральным понятием – таковы важнейшие задачи, стоящие перед каждым педагогом, независимо от того, какие науки он преподаёт.

Педагоги, воспитатели молодежи должны бороться за торжество высших ценностей. Если они не будут это делать, нас ждет всеобщее культурное обнищание, невежество, а наша культура не будет иметь не только гениев, но и просто талантливых людей.

«У России во все времена была задача перед всем миром – задача сохранения на планете культурного слоя. Так что весь мир всегда ждет от неё не просто сопротивления мировому злу, но сопротивления посредством сохранения этого слоя культуры, независимой от рынка, которая позволит и всему миру выжить – одухотворенной святостью подвижничества, подвига «за други своя». (11)

Русская православная культура, вступая в межкультурный диалог, предлагает мировому сообществу всё самое ценное. В XXI веке православная культура может предложить другим народам опыт Богообщения, запечатленный в иконописном образе, культовой архитектуре, духовной музыке и песнопении.

Литература

1. БЕЛОВИЧОВА, Л. Христианские мотивы в русской культуре и их использование при обучении студентов-русистов речевой деятельности. Братислава: 2006, 158 с. ISBN 80-969153-7-1, с. 5-6
2. ИЛЬИН, И.: Основы христианской культуры. Санкт-Петербург: 2004, 352 с. ISBN 5-900453-15-4, с. 11
3. МОЛЬ,
4. НАЗАРОВ, М.: Миссия русской эмиграции. Т. 1. Москва: 1994, 415 с. ISBN 5-86231-172-6, с. 6
5. <http://www.rusk.ru/st.php?ida=18906>
6. ИЛЬИН, И.: Там же, с. 146
7. ИЛЬИН, И.: Там же, с. 150
8. ИЛЬИН, И.: Там же, с. 152
9. ИРЗАБЕКОВ, В. Тайна русского слова. Москва: 2007, 199 с. ISBN 978-5-217-2, с. 67
10. БЕЛОВИЧОВА, Л.: Русская православная культура. Журнал Общества Союза Русских в Словакии – Вместе. № 4, 2008, с. 21-22

Resume

The Russian orthodox culture – the culture which comes into existence such as the result of the annunciation of St. Evangel and which has found its expression in the language, the architecture, the painting, the manners of living.

The present culture has changed into the mass culture – the culture of the crazy mass. The chaos dominates in the whole world and it is necessary to look for the ways which can help to win over him, it means to find something what is able to cultivate the social human activities.

The Orthodox values take very important and ever more respectable position in the contemporary period. It is expressed by greater concern over the orthodox spirituality.

In the period of postmodernism Europe and Amerika discover with the surprise and pleasure a new world for them - the world of the great Byzantine civilisation.

The pedagogues of the russian language and literature have to direct their attention to the the russian orthodox culture, to fight for the victory of higher values. Otherwise we will be affected by the cultural illiteracy.

In the 21 century the orthodox culture can offer to the other nations the experience of the conjunction with God, which found its reflection in the iconography, the cultish architecture, the spiritual music and songs.

SLOVENSKÁ OTÁZKA V RUSKEJ PERIODICKEJ TLAČI POSLEDNEJ TRETINY 19. STOROČIA

Anton Repoň (Banská Bystrica)

Históriu rusko-slovenských vzťahov v 19. možno rozdeliť na niekoľko etáp – od prvého záujmu zo strany ruských vojakov armády imperátora Alexandra I. k príbuznému slovanskému národu po cieľavedomú panslavistickú politiku posledných predstaviteľov romanovskej dynastie na ruskom tróne. Ruskí vedci – slavisti, politickí a verejní činitelia, ruská inteligencia rôznym spôsobom v rôznom čase prejavovala úprimný záujem o slovenský národ, jeho históriu, tradície a kultúru.

V tomto príspevku budeme venovať pozornosť jednej z málo preskúmaných tém v histórii rusko-slovenských vzťahov v poslednej tretine 19. storočia, keď sa úzko prepleťali dva také zložité javy ako ruský panslavizmus a slovenský nacionalizmus. Hlavným zdrojom tohto výskumu je periodická tlač poslednej tretiny 19. storočia, ktorá zohrala dôležitú úlohu v spoločensko-politickom živote ruskej spoločnosti. V danej téme je podľa nášho názoru najzaujímavejšie periodikum vydávané v poslednej tretine 19. storočia časopis *Zvesti Sankt-peterburského slovanského dobročinného fondu* (ďalej *Zvesti*).¹ Jeho vydávanie bolo povolené ministerstvom vnútra v októbri 1883, t. j. v období začatia reforiem cára Alexandra III. Slovanské národy veľmi citlivo vnímali nielen politiku oficiálnych kruhov, ale aj akékoľvek zvraty v diskusii ruských verejných činiteľov o slovanskej otázke. Do určitej miery sa to týkalo aj predstaviteľov slovenskej inteligencie, ktorá bola v danom období v roztržke s maďarskými politikmi a podobne ako v tridsiatych a štyridsiatych rokoch 19. storočia chcela posilniť vo svojom národnom programe akcent na ruský faktor.

V čase formovania regionálnych národných programov, v prvom rade austroslovanských, slovenská otázka si na rozdiel od nich zachovávala romantické črty Všeslovanstva, sformulované ešte v dielach J. Kollára a Ľ. Štúra. Tento všeslovanský charakter martinského smeru slovenského národného hnutia – v podstate rusofilský – bol prítlačivý nielen pre úzky okruh vedcov – slavistov, ale aj pre množstvo panslavisticky orientovaných verejných a politických činiteľov. Je známe, že vydanie knihy N. Danilevského „Rusko a Európa“ v Rusku v roku 1871 prinieslo teoretickú formuláciu geopolitického pohľadu ruských panslavistov. Danilevskij vyzdvihoval „politické schopnosti“ Rusov, ktorých „obrovský tisícročný štát pokračuje v raste, a moc ktorého sa na rozdiel od Európy rozširuje nie koloniálnou cestou, ale vždy ostáva sústredená okolo svojho jadra – Moskvy“.²

Základom sformulovanej teórie panslavizmu bol tzv. kmeňový nacionalizmus, ktorý vyšiel z romantických názorov slavianofilov o príbuznosti všetkých slovanských rodov a nárečí. Práve táto platforma určila základné postuláty panslavistického programu – apelácia k Svätej Rusi, jednotnej pravoslávnej cirkvi, spoločnému literárnemu jazyku Slovanov atď. Takmer

doslovne boli tieto myšlienky vyjadrené 20 rokov predtým v traktáte slovenského národovca Ľ. Štúra „Slovanstvo a svet budúcnosti“, publikovanom po prvýkrát v Rusku v roku 1867.³

Preto nie je prekvapením, že slovenské koncepcie Všeslovanstva Kollára a Štúra, hoci aj majúce rozdielny základ, stali sa takými aktuálnymi v Rusku v poslednej tretine 19. storočia. Slovenské „klasické“ traktáty v spojení s praxou martinského centra, v prvom rade s činnosťou S. Hurbana-Vajanského, predstavili práve tú slovenskú otázku, ktorá bola sformulovaná v ruskej panslavistickej tlači.

Činnosť slavistov V. I. Lamanského (1833–1914) a A. S. Budiloviča (1846–1908) v posledných dvoch desaťročiach 19. storočia v mnohom ovplyvnila posilnenie petersburského okruhu prívržencov slovanskej idey blízkeho cárskeho dvoru. Obaja vedci aktívne spolupracovali so *Zvest'ami* a v určitom období boli jeho šéfredaktormi.

Ďalším faktorom, ktorý určil nielen teritoriálne, ale aj konceptuálne zmeny charakteru slovanskej myšlienky, v tom čase bola nová politika ruskej vlády v osemdesiatych rokoch 19. storočia. Začiatok reformátorských krokov Alexandra III. od roku 1886 a zvýšenie aktivity oberprokurátora Synody K. Pobedonosceva dovolili ideológom panslavizmu tentoraz otvorene v periodickej tlači obhajovať a propagovať svoju doktrínu. Nacionálna politika Alexandra III. sa prejavila v objavení sa v máji 1882 *Dočasných pravidiel o Židoch*, v dôsledku ktorých sa začalo masové presídľovanie Židov z ruského impéria do USA.

Sankt-petersburská slovanská dobročinná spoločnosť bola vytvorená zo Sankt-petersburského slovanského dobročinného výboru a od októbra 1883 začala vydávať vlastný tlačový orgán. Časopis vychádzajúci mesačne bol predstavený ako „literárno-politický“ a vychádzal bez predbežnej cenzúry. Ideálmi Sankt-petersburskej slovanskej spoločnosti a tiež jej mesačníka boli „pravoslávie, samoderžavie a ruská národnosť“⁴. Autor programového článku prvého čísla časopisu – redaktor A. Kirejev sa od začiatku snažil dištancovať od predpokladaných obvinení publikácie z panslavizmu. V tejto súvislosti napísal: „*Ak by naše politické teórie vyžadovali od Ruska podrobenie so všetkých slovanských teritórií (a práve takto sa predstavujú publicistami Západu), ak by konečným cieľom tzv. panslavizmu bola taká slovanská organizácia, ako je daná germánskemu svetu Pruskom, vtedy by v ňom samozrejme bolo možné vidieť nepriateľa spoločenského pokoja, túžby Slovanov sú však neporovnateľne skromnejšie a mierumilovnejšie! ... Aby mali Slovania rovnaké práva ako vládnući národ, aby ich neodnárodňovali, aby slovanské národnosti mali možnosť samostatného rozvoja*“.⁵

Dvojaké chápanie pojmu panslavizmus bolo v tom čase charakteristické aj v maďarskej periodickej tlači. Maďarská oficiálna tlač vnímala tento termín jednoznačne ako snahu o politické zjednotenie Slovanov pod egidou Ruska.⁶ A v tomto zmysle redaktor Zvestí Kirejev úplne odôvodnene odmietal politický panslavizmus ako program slovanského spoločenstva. Z druhej strany, slovenskí národovci považovali tieto obavy maďarských orgánov za „rusofóbiu“, ako „reálne ničím nepotvrdenú internacionálnu nenávisť“.⁷

Prvý v slovenskom hnutí pozitívne definoval termín „panslavizmus“ S. H. Vajanský. V Národných novinách vystúpil proti chápaniu tohto termínu ako „politického priestupku“ a skúmal jeho vznik a obsah. Pôvod panslavizmu alebo v jeho ponímaní Vseslovanstva videl S. H. Vajanský v národno-etnických aspektoch, v príbuzenských vzťahoch slovanských národov, odmietajúc akékoľvek ideologické rámce. Slovanská etnická príbuznosť je podľa mienky Vajanského prirodzeným základom všeslovanskej idey⁸

Diskusia o panslavizme ožili aj na stranách Zvestí už na začiatku druhého roku vydávania. Nejednoznačná pozícia redaktora v tejto otázke a neopatrné zverejnenie vystúpenia profesora V. I. Lamanského na slávnostnom zhromaždení členov Sankt-petersburskej dobročinnnej spoločnosti 14. februára 1884 rozvírili spoločenskú hladinu v slovanskom svete. Vystúpenie pod názvom „Západoslovanské otázky sú pre nás zaujímavé aj v čase mieru“⁹ vyvolalo pobúrenie v českom národnom hnutí.¹⁰

V rámci tejto diskusie bola po prvýkrát vo Zvestiach sformulovaná slovenská otázka, ktorá sa neskôr stala stálou rubrikou časopisu. Na obranu argumentov V. Lamanského vyšiel vo Zvestiach článok *Panslavista L. Štúr a jeho učenie* podpísaný pod pseudonymom „J. Kral“.¹¹ Dodnes nebol zistený autor tohto článku, ktorý sa skrýva pod menom slovanského básnika. Nie sú jasné ani okolnosti, ktoré prekazili vydavateľom časopisu dokončiť jeho publikáciu. Je možné, že príliš ostrá diskusia o otázkach panslavizmu a tiež rozpor v pozíciách Čechov a Slovákov v slovanskom hnutí Rakúsko-Uhorska vyvolali nespokojnosť v oficiálnych kruhoch aj v samotnej Sankt-petersburskej dobročinnnej spoločnosti, kde zďaleka nie všetci podporovali pozíciu V. Lamanského v slovanskej otázke.

„J. Kral“ píše, že „v súčasnosti je panslavizmus v Rusku hodnotený prevažne negatívne. Panslavizmus je príliš drzý, príliš ideálny moment v našej dobe na to, aby sa nepokladal za škodlivú utópiu ... on škodí našim dobrým vzťahom s Európou“.¹²

J. Kral navrhuje vlastnú formuláciu panslavizmu: „*Pod panslavizmom je treba predovšetkým rozumieť súhrn teoretických učení o slovanskom zjednotení. Jeho miesto je v teórii politických vied, z ktorých sú všetky svojimi cieľmi rôznorodé, avšak vyrástli na konkrétnej historickej pôde. Panslavizmus je v priamom rozpore s národnou myšlienkou. Je to jav inej podstaty, ktorý je v protiváhe k národnému zjednoteniu*“.¹³

J. Kral zaraďuje medzi panslavistické smery aj poľské teórie Towianskeho a Miczkiewica, ilýrsku teóriu J. Gaja, českú teóriu F. Palackého, K. Havlíčka a F. L. Riegra. Posledné tri považuje za druhy rakúskeho panslavizmu.¹⁴ Zo všetkých známych panslavistických teórií považuje neznámy autor za najdôslednejšiu a najlepšie vymedzenú teóriu L. Štúra.

Prostredníctvom početných pochvalných hodnotení Štúra a jeho práce autor článku preukázal dobrú znalosť okolností vydania traktátu *Slovanstvo a svet budúcnosti* v Rusku. Ak by článok nebol venovaný V. Lamanskému, bolo by možné tvrdiť, že pochádza práve z pera tohto vedca. Na druhej strane autorom mohol byť aj niekto zo slovenských patriotov z martinského centra blízkeho Lamanskému. Okrem otázok teoretického charakteru, ku ktorým možno za radiť diskusie o

panslavizme, slovenská problematika bola vo Zvestiach obsiahnutá aj v téme „českej zrady“ slovanského sveta. „Zradcovstvo“ Čechov vo vzťahu k Slovákom videli autori najmä v austroslavickej orientácii českého národného hnutia. V prvom čísle vydania v roku 1885 v korešpondencii *Z Prahy* je informácia o príchode do Prahy Slováka S. Tomášika,¹⁵ ktorému mladočesi zorganizovali slávnostné privítanie.

Ako protiváhu tomu staročesi v Českom klube dali slovo svojmu lídrovi Riegrovi. Ten vo svojom vystúpení hovoril o problematike vzájomných vzťahov Čechov, Maďarov a Slovákov. „Čo sa týka položenia Slovákov, oni sami sú v ňom vinní. Ved' pred 45 rokmi, keď som ešte ako študent putoval po slovenskej krajine, polozenie Slovákov nebolo oveľa horšie ako polozenie Čechov. Medzitým za ten čas urobili Česi tak veľa a Slováci, kategoricky odmietnuc český spisovný jazyk, nedosiahli takmer nič a dokonca sa vrátili späť“.

Otázka kodifikácie spisovného jazyka, ktorá bola stále dôležitou súčasťou slovenského problému, bola v ruskom časopise prezentovaná tiež zo slovenskej strany. Je známe, že odmietnutie československého variantu kodifikácie navrhovaného J. Kollárom v štyridsiatych rokoch 19. storočia, bolo výsledkom nespokojnosti českej aj slovenskej strany s ním. Naopak, kodifikácia slovenského jazyka uskutočnená L. Štúrom bola prijatá najmä slovenskou inteligenciou a odmietnutá časťou českej.¹⁶

Ako potvrdenie „odpadlictva“ Čechov od všeslovanskej jednoty prichádzali z martinského centra do ZSPSDF príspevky *Národných novín*, kde S. H. Vajanský tvrdí, že jednou z príčin biedy slovenského národa sú rozpory s Čechmi, ktorí „sú pripravení kedykoľvek za šošovicovú polievku objímať sa s ľuďmi, ktorí myslia na zhynutie slovenského národa“.¹⁷

Dôsledné stávanie do protikladu Slovanstva voči germánskemu svetu a tiež Maďarom a Židom bolo pre *Zvesti* charakteristické počas celej ich existencie. Od roku 1886 sa v *Zvestiach* začínajú pravidelne

a stále častejšie publikovať materiály o zosilňovanej maďarizácii Slovákov v Uhorsku. Fakty o živote slovenského národa boli čerpané z *Národných novín*: o otvorení a zákaze Matice slovenskej, o osude majetku Matice skonfiškovaného maďarskými orgánmi.

Podobné články boli podporované martinským centrom, ktoré zásobovalo *Zvesti* informáciami o krutostiach maďarizácie, porážkach a úspechoch boja slovenských národovcov.

Od roku 1886 až do konca vydávania časopisu takéto materiály prichádzali z Turčianskeho svätého Martina hlavne z redakcie *Národných novín*, podpísané S. H. Vajanským, A. Pietoroma V. Krivošom. Od desiateho čísla *Zvestí* v roku 1886 sa v časopise objavuje osobitná časť „Slováci“, v ktorej sa zverejňujú najmä úryvky z uvedených slovenských novín. Z analýzy týchto publikácií sú zrejmé hlavné témy, ktoré zaujímali ruské vydanie: maďarizačná politika, vernosť ideí slovanskej vzájomnosti zo strany Slovákov a emigrácia Slovákov do USA. Opakuje sa tu citát z traktátu L. Štúra: „Všetci konajú v záujme Ruska, priateľ aj nie priateľ, mier aj vojna, nepokoje aj klud, Turci aj Gréci, Nemci aj Slovania“.

Prvá téma – maďarizácia Slovanov je najrozšírenejšia a prezentovaná v *Zvestiach* v najrozličnejších interpretáciách: prostredníctvom recenzií kníh, preberaných článkov zo slovenských novín, článkov ruských vedcov a publicistov.

Najvýznamnejšie z podobných publikácií sú články A. Petrova „Maďari – verní bojovníci za panslavizmus a Rusko“, V. I. Lamanského „Reportáž zefarska“ (pamäte L. Štúra), A. Papkova „Nevolníctvo u Maďarov“.

A. Petrov načnúť článok z citátu L. Štúra o tom, že *Všetci konajú v záujme Ruska* dokazuje odsúdenie Slovákov na pomoc iba od Ruska. Po prvýkrát A. Petrov prináša prostredníctvom článku rozsiahly historický materiál o Slovákoch – národe „s holubičím srdcom“. Podľa mienky ruského slavistu, počínajúc rokom 1875, je život Slovákov neustále martýrium. A v súčasnosti ich trápenie dosiahlo vrchol.

V slovenských komitátoch vládne maďarský jazyk: knižky pre výbery daní – maďarské, predvolania na súd – maďarské. Vo vzdialenejších maďarských dedinách, kde nikto nevie ani slovo po maďarsky, žandár oslovuje obyvateľov v maďarskom jazyku, pretože „prvá podmienka získania miesta žandára je nerozumieť po slovensky“. Dokonca deti v dedinských školách sa učia všetko, počínajúc od abecedy, iba po maďarsky, v stredných školách je mládež verná svojmu národnému jazyku prenasledovaná, vyhánaná, nútená túlať sa svetom a je obviňovaná z protištátnych zámerov. Okrem toho snem prijíma uznesenia, podľa ktorých diplomy získané v zahraničí nebudú platné. Slovenský jazyk je vytláčaný aj z chrámov, sú prenasledované slovenské vydania, oficiálnymi príkazmi majú úradníci zakázané

kupovať slovenské knihy a predplácať si slovenské noviny. To je iba časť informácií uvedených A. Petrovom na potvrdenie maďarizačnej politiky v Uhorsku.

Okrem materiálov slovenskej tlače ruský autor využil aj publikácie maďarskej tlače.

Prináša napríklad hodnotenie aktuálnej politickej nálady v Rusku z novín *Budapesti Hírlap*. „*Rakúsko je štát neorganický, rôznych plemien a bojazlivý ... Najsilnejšia strana vojny – v Rusku. Všetka inteligencia (ruská – A. R.) je panslavistická, pretože v Rusku nemôže byť iná národná politika ako panslavizmus a tento panslavizmus je dedičstvo Petra Veľkého, ktoré sa ujalo a vládne pri ruskom dvore ... Najdôvernejší miláčikovia cára – Pobedonoscev a Katkov sú panslavisti*“.

Podľa názoru A. Petrova nenávisť k Slovanstvu a ťažké postavenie „maďarského ostrova v slovanskom svete“ sú zárukou toho, že Slovania budú vždy na strane Ruska, vždy mu budú pomáhať a „nepôjdu v dlhšom ale bo kratšom časovom úseku po ceste zmierlivej politiky, ktorá by mohla na čas odvrátiť Slovanov od Ruska, a tým ich priviesť k záhube“. Pritom A. Petrov chciac–nechtiac ukázal vo svojej práci aj druhú možnú cestu pre Slovanov – emigráciu do USA. Emigrácia Slovákov do USA, ktorá sa začala v období zosilnenej maďarizácie koncom 19. a začiatkom 20. storočia, dosiahla katastrofické rozmery. Táto pasívna forma odporu slovenského národa, neiniciovaná žiadnou politickou stranou, zohrala nesmiernu dôležitú úlohu v jeho ďalšej histórii. Vymenújúc základné momenty maďarizácie, A. Petrov uzatvára:

„*Všetko má svoje hranice! Zmätený štátny systém Uhorska, ťažké dane, neexistencia spravodlivej justície, násilie nad národnosťou vyhánajú stále viac a viac Slovákov do Ameriky.*“ Dokonca aj v Amerike sú Slováci obviňovaní z panslavizmu. A. Petrov opäť cituje z uhorskej tlače. „... *Maďari sa rozhorčujú ... sypúc hromy na panslávov kvôli tomu, že nejaký Alexander Kozub, Slováčik zo Šariša, rozširuje v Amerike napríklad Seelton medzi tunajšími emigrantmi Slováckmi nenávisť k Maďarom, chváliac a ospevujúc ruského a slovanského cára Alexandra III.*“¹⁸

Protimaďarskú orientáciu mala aj publikácia úryvku z *Cestopisu Uhorska* V. I. Lamanského, venovaná L. Štúrovi.¹⁹ Boli tu umiestnené etnografické a štatistické materiály o vtedajšom Uhorsku, cieľom ktorých bolo dokázať politickú a ekonomickú neopodstatnenosť maďarského národa. Pre publikácie V.I. Lamanského je charakteristické agresívne protimaďarské smerovanie. Časopis sa pritom snažil potvrdiť svoje stanoviská štatistickými a historickými dokladmi, ako to bolo v už spomínanom *Cestopise Uhorska*.

Na pozadí podobných hodnotení situácie v Uhorsku článok A. A. Papkova *Nevoľníctvo u Maďarov*, publikovaný v posledných číslach *Zvestí* pod redakciou V. Lamanského, vyvolal v ruskej spoločnosti obrovský ohlas.²⁰ Po jeho vydaní bola v Rusku vyhlásená zbierka na podporu utlačaných Slovákov, na ktorú zareagovali takmer vo všetkých, aj vzdialených guberniách. Ako epigraf k článku poslúžili A. A. Papkovovi slová J. Kollára: „*Svobody kdo hoden, svobodu zná vážiť každého.*“ Príčinou napísania článku boli správy zo Slovenska o tom, že maďarské orgány berú deti z chudobných slovenských rodín a dávajú ich na výchovu do maďarských rodín. Neskôr bol článok A. Papkova vydaný v osobitnej brožúre a tiež publikovaný vo francúzskom jazyku.

Druhá téma slovenskej otázky prítomná v ruskom časopise bola spojená s vernosťou Slovákov myšlienke slovanskej vzájomnosti. V tejto súvislosti je vhodné spomenúť článok známeho slavistu A. A. Kočubinského *Naše dve politiky v slovanskej otázke* z druhého ruského vydania v roku 1881, v ktorom boli publikované úryvky z korešpondencie srbského básnika N. Tomačiša s kazanským slavistom V. I. Grigorovičom o pohľadoch na slovanskú vzájomnosť toho času medzi zahraničnými Slovanmi. 38. Podľa názoru A. Kočubinského pozícia slovanského pesimizmu, ktorú zaujímal Srb Tomašič, pravdivo odrážala chyby slovanskej politiky Ruska. „*Cestujúc po Dalmácii a iných slovanských krajoch,*“ písal Tomašič Grigorovičovi, „*neverte príliš tým sympatiám, ktoré niekde vyvoláva meno Rusa. Pravda, to je cit úplne zákonitého bratstva; dúfam, že čas ho postupne viac a viac oživí; no to je iba nešťastná situácia, v ktorej sa nachádzajú niektoré národnosti alebo lepšie niektoré osobnosti a ktorá ich núti priať si to, čo by nikdy nedosiahli a čo by bolo pre nich posledným z nešťastí*“.²¹

Záujem o pozície *Národných novín* a objednávanie materiálov v nich zo strany *Zvestí* potvrdzujú niektoré archívne materiály. V dokumentoch Kancelárie hlavného úradu pre záležitosti tlače a Oddelenia cenzúry Ruského štátneho historického archívu sa zachovali materiály, ktoré boli na

začiatku osemdesiatych rokov 19. storočia vedené ako „tajné“. Z týchto materiálov jasne vyplýva, že svätomartinské Národné noviny počas niekoľkých rokov dostávali značné sumy (4000 guldenov ročne) pre svoju vydavateľskú činnosť. Peniaze sa prevádzali cez ministerstvo financií prostredníctvom kapitoly „Výnimočné potreby“ a odovzdávali sa cez ruské veľvyslanectvo vo Viedni alebo cez profesora A. Budiloviča vo Varšave.²²

Spomínané sú aj slovenské *Národné noviny* vydávané J. Franciscim a J. M. Hurbanom. Ďalšia korešpondencia v archívnych materiáloch ukázala, že generál získal podporu cára a na Slovensko boli niekoľko rokov poskytované peňažné platby pre vydávanie novín.²³

Podľa svedectva archívnych materiálov bola peňažná pomoc na podporu slovenských *Národných novín* poskytovaná od roku 1876 a trvala do konca osemdesiatych rokov 19. storočia. Okrem V. Lamanského, ktorý mal osobnú korešpondenciu a dobré kontakty s M. Hurbanom, S. H. Vajanským a J. Franciscim,²⁴ druhý vydavateľ „Slovanských zvestí“ A. Budilovič udeľoval slovenskej otázke osobitné miesto.

Budilovič sa priamo zúčastňoval na organizácii a odovzdávaní peňažnej pomoci vydavateľom *Národných novín*. Vo svojej správe redakcii slovenských novín, ktorá sa zachovala v Archíve Matice slovenskej, hodnotiac „súčasnú polohu a potreby Slovákov“, zdôrazňuje „veľkú službu“ slovenskému národu zo strany „ruských dobrodinco“. ²⁵ Profesor Varšavskej a neskôr Jurievskej univerzity A. S. Budilovič bol na poste šéfredaktora *Slovanského prehľadu*²⁶ v rokoch 1892–1894.

Téma slovanskej vzájomnosti v *Slovanskom prehľade* v období redakcie A. Budiloviča bola posilnená mnohými príspevkami redaktora slovenských *Národných novín* S. H. Vajanského. A. Budilovič a S. H. Vajanský boli spojení tesnými kontaktmi. Takmer v každom čísle časopisu sa publikujú *Listy z Turčianskeho svätého Martina*, v ktorých sa hovorí o základných problémoch slovenského života: zatváranie škôl, zavedenie Frebelovského školského systému, prechmaty počas volieb do uhorského snemu, prenasledovanie za panslavistické názory. Za jeden zo spôsobov dosiahnutia slovanskej vzájomnosti redaktor *Slovanského prehľadu* považoval všeslovanský spisovný jazyk. V roku 1892 vo Varšave vyšla rozsiahla práca A. Budiloviča „Všeslovanský jazyk medzi inými spoločnými jazykmi starej a novej Európy“, ktorá bola ocenená prémie Cyrila a Metoda I. stupňa. Za najsilnejších prívržencov tejto myšlienky A. Budilovič považoval Slovákov – Kuzmányho, Hurbana, Hodžu a Štúra. Im dáva aj prvenstvo v nastolení samotného problému.

Slovenská otázka prezentovaná v časopise Sankt-peterburskej slovanskej dobročinnnej spoločnosti bola takýmto spôsobom jednostranne predstavená ruskému čitateľskému publiku. Ak zoberieme do úvahy fakt, že iné ruské periodické vydania jej nevenovali žiadnu významnejšiu pozornosť, mimo zorného uhla ruskej verejnej mienky ostal celý rad zložitých problémov slovenského národného hnutia poslednej tretiny 19. storočia: študentské hnutie Slovákov orientované na spoluprácu s českými národovcami, činnosť prouhorsky naladených liberálnych kruhov slovenskej inteligencie, následky severoamerickej emigrácie na kultúru a hospodárstvo slovenského národa atď.

Slovenská otázka na stránkach ruskej panslavistickej tlače bola v určitej miere využitá jej vydavateľmi v ich vlastných záujmoch. V prvom rade bola vybraná slovenská tematika dobrou ilustráciou pre formovanie verejnej mienky v prospech panslavistickej ideológie a taktiež dodatočným argumentom v diskusii s oponentmi realizovanej vládnej národnej politiky v posledných desaťročiach 19. storočia.

Poznámky

¹ Slovenská problematika v ruských periodikách prvej polovice 19. storočia bola predstavená najmä témami spojenými s tvorbou predstaviteľov slovenského národného hnutia J. Kollára (1793–1852) a L. Štúra (1815–1856). Táto téma bola podrobne vysvetlená v prácach V. Matulu, L. Kiškina, G. Rokinovej. Od roku 1889 sa časopis nazýval *Slovanské zvesti*.

² Danilevskij N. J.: Rusko a Európa, Moskva, 1991, s. 485–486.

³ Presné datovanie napísania traktátu L. Štúra – jar 1851 bolo ustanovené slovenským historikom V. Matulom, viď Matula V.: Štúrov spis Slovanstvo a svet budúcnosti // L. Štúr v súradniciach minulosti a súčasnosti, Martin, 1997, s. 130–146.

⁴ Na konci sedemdesiatych rokov 19. storočia uhorská tlač diskutovala o práci B. Grünwalda *Horná zem*, v ktorej autor dokazoval nevyhnutnosť izolácie Slovákov od slovanského sveta, pretože tesné susedstvo s inými slovanskými národmi prekáža úplnej asimilácii Slovákov Maďarmi. Viď aj

Podrimavský M.: Rusofilstvo ako prejav národnoobrannej ideológie slovenského národného hnutia v osemdesiatych a deväťdesiatych rokoch 19. storočia // Historické štúdie, r. XX, s. 101–139.

⁵ Národné noviny, 23.8.1887. Tieto slovenské noviny *Národné noviny* vychádzali v Martine v poslednej tretine 19. storočia a predstavovali názory tzv. martinského centra slovenského národného hnutia.

⁶ Kde sila // Národné noviny, 19.4.1888.

⁷ Zvesti č. 3–4.

⁸ Hlas Čecha v odpovedi na vystúpenie prof. V. I. Lamanského o západoslovanských otázkach // ISPSDF, 1884, č. 5, s. 11–16.

⁹ Tamže, 1884, č. 6, s. 15–20, č. 7, s. 19–23.

¹⁰ Tamže, 1884, č. 7, s. 19.

¹¹ Tamže, č. 19.

¹² Určujúc charakter náuky českých teoretikov, autor článku *Panslavista L. Štúr a jeho náuka* poukazuje na ich nedôslednosť. Napriek sympatiám k rakúskej slovanskej federácii českí teoretici podľa jeho názoru nevyklúčovali v osobitných prípadoch výhodné vzťahy s Ruskom.

¹³ Zvesti, 1888, č. 3, s. 214.

¹⁴ Tamže, 1885, č. 5–6, s. 258–264.

¹⁵ Samuel Tomášik, evanjelický kňaz, autor známej slovanskej hymny *Hej Slováci!*.

¹⁶ Za podpory českých národovcov vydaná J. Kollárom brožúra *Hlasové o potrebe spisowneho jazyka pro Čechy, Morawany a Slowaky* (Pražské Nowiny, 1846, č. 37, s. 155–157, č. 38, s. 159–161) priviedla ku konečnému rozkolu kollárovského a štúrovského smeru v slovenskom národnom hnutí.

¹⁷ Zvesti, 1886, č. 1, s. 25–26. Tieto obvinenia predstavovali slovenský národ v úplne zúfalom položení.

¹⁸ Tamže, 1887, č. 3, s. 178–182.

¹⁹ Tamže, 1888, č. 6–7, s. 361–396.

²⁰ Tamže č. 11–12, s. 670–689.

²¹ Historický vestník, 1881, s. 231.

²² Ruský štátny historický archív, fond 776, opis 20, jednotka úschovy 346. Záležitosť vydania podpory redakciám slovanských novín vydávaných v Rakúsku.

²³ Tamže, List generála Č., január 1880.

Najbohatšie medzislovanské spojenie nadviazala Matica slovenská, a to s paralelnými slovanskými maticami, s Maticou srbskou v Pešti, s Maticou českou v Prahe, s Haličskou maticou vo Ľvove, s poľskými inštitúciami, Domom narodowym v Krakove, s ruským spolkom Obščestvom Ioanna Krstiteľa v Prešove a sv. Vasilija v Užhorode, ako aj so slovanskými dobročinnými spolkami v Rusku. Ruské slovanské spolky podporovali Slovákov aj finančne. Tak napr. Slavianskij blagotvoriteľnyj komitet v Moskve venoval roku 1869 slovenskému katolíckemu gymnáziu v Kláštore pod Znievom 350 rubľov (okolo 56 zl. č. r.). Štedrými mecénmi Slovákov boli poprední ruskí vzdelanci M. G. Pogodin, O. M. Boďanskij, M. F. Rajevskij, V. I. Lamanskij a i. Prvých dvoch zväzovalo so Slovákami priateľstvo z predrevolučných rokov, keď obidvaja ruskí učitelia navštívili Slovensko.* Už pri tejto návšteve zanechali knižné dary. V knižných dedikáciách pokračovali aj v šesťdesiatych rokoch, ako vidieť v knižných fondoch Slovenskej národnej knižnice a v zápisoch Matice slovenskej.**

*J. Stanislav, *Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch J. Hollého a L. Štúra*, Bratislava 1956.

**D. Ďurišin, A. Popovič, *Ruské knihy v knižných zbierkach MS z roku 1863–1875* v zborníku *Z minulosti knihy na Slovensku*, Martin 1959.

(pozn. autora)

²⁴ O kontaktoch V. I. Lamanského so slovanskými verejnými činiteľmi bolo napísaných veľa prác na základe obširných archívnych materiálov slovanským vedcom V. Matulom. Vid' napríklad Matula V.: *Lamanskij a Slovensko* // *Slovanské štúdie*, 1967, č. 9, s. 138–168.

²⁵ Budilovič A.: *Správa o súčasnom položení a potrebách Slovákov* // Literárny archív Matice slovenskej v Martine, jednotka úschovy C 837.

²⁶ Tak sa začali volať ZSPSDF od roku 1892.

Literatúra

- Zvesti Sankt–petersburského slovanského dobročinného fondu z r. 1883
DANILEVSKIJ N. J.: *Rusko a Európa*. Moskva, 1991, s. 485–486.
Národné noviny, 23.8.1887. Tieto slovenské noviny *Národné noviny* vychádzali v Martine v poslednej tretine 19. storočia a predstavovali názory tzv. martinského centra slovenského národného hnutia.
Kde sila // Národné noviny, 19.4.1888.
Historický vestník, 1881, s. 231.
STANISLAV, J.: *Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch J. Hollého a L. Štúra*, Bratislava 1956.
ĎURIŠIN, D., POPOVIČ, A.: *Ruské knihy v knižných zbierkach MS z roku 1863-1875* v zborníku *Z minulosti knihy na Slovensku*, Martin 1959.
MATULA, V.: *Lamanskij a Slovensko* // *Slovanské štúdie*, 1967, č. 9, s. 138–168.
BUDILOVIČ, A.: *Správa o súčasnom položení a potrebách Slovákov* // Literárny archív Matice slovenskej v Martine, jednotka úschovy C 837.

Resume

The Slovak question in Russian periodicals of the second half of the 19 century is not sufficiently inquired topic in the history of Russian- Slovak relationships.

The objective of this work was to explain two difficult phenomenon – Russian Pan-Slavism and Slovak nationalism.

As an informational resource we used one of the best-known periodical book review of that time known as The Tidings of St Petersburg Slavic Charitable Fund. We analysed the Slovak way of life by the view of Russian political and cultural representatives of the literary life. Except the theoretical questions – discussion about Pan-Slavism we devoted and analysed the following themes:

- Slovak loyalty for the idea about Slavic mutuality;
- „the Czech betrayal“ of Slavic world;
- the codification of Slovak language (led by J. Kollár and L. Štúr);
- problems between Slavic and German world and also problems against to Hungarian and Jews);
- Slovaks and their life's difficulties in Hungary;
- emigration of Slovaks to the U.S.A. and other problems.

The resource of this information for the Russian media were the materials from Turčiansky St Martin represented by the editorial staff of The National Newspaper (J.Francisci, J.M.Hurban, S.H.Vajanský, A.Pietor and V. Krivoš).

Thanks to Russian scientists – Slavics, political and public representatives, Russian intelligence showed their interest in a Slovak nation, its history, traditions and cultural life despite the fact that sometimes this information was introduced to Russian reader inaccurately.

“ALL BEAUTY SLEEPS!” (ТЕЛО МЕРТВОЙ ЖЕНЩИНЫ КАК СИМВОЛ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА И FIN DE SIÈCLE)

Татьяна Колчева (Тула)

Переворот в эстетике, произошедший с приходом эпохи романтизма, уже хрестоматийно выражается в формуле «Безобразное как прекрасное». Считается, что именно романтики положили начало эстетизации «безобразного», «страшного», «ужасного», «стихийного» и т.п. Исходя из взглядов Ж.-Ж. Руссо, возносящих на престол «природность», писатели конца XVIII – начала XIX века первыми в новое время обосновали взгляд на природу и человека как *целостность*. Как в природе нет ничего лишнего, будь то прекрасная светлая берёзовая роща, покрытый цветами луг, песнь ручейка или же увядающая осенняя листва, тёмное величие непроходимого леса, разгул стихий, так и все закоулки человеческой души, все стороны человеческих отношений могут находить своё воплощение в искусстве. И если данное утверждение лишь фрагментарно проявлялось в произведениях сентиментализма и предромантизма, то в раннем немецком романтизме оно выстроилось в стройную эстетическую теорию, оказавшую колоссальное влияние на всю неоромантическую культуру рубежа XIX – XX столетий и нашедшую яркое отражение и преломление в литературе и искусстве русского Серебряного века.

Фридрих Шлегель во «Фрагментах» (1797–1800), произведении, в котором наиболее полно изложена теория романтизма, отмежевался от классицизма с его жесткой нормативностью в искусстве и определил романтическую поэзию как *прогрессивную* и *универсальную*. Под первым понимается постоянное изменение формы поэзии, её вечное становление, которое не будет вмещаться в рамки ни одной теории. Второе означает всестороннее изображение действительности, не только прекрасное, но и безобразное. Основа его эстетической теории – *многообразие*, *единство* и *целостность*, которые, по Шлегелю, являются непеременимыми составными частями *Красоты*. В разных, но всегда гармоничных сочетаниях этих составных частей, рождается *стиль* определенного произведения или *стиль эпохи*. Художественным воплощением этих принципов стал небольшой незаконченный роман Шлегеля, «Люцинда» (*Lucinde*, 1799), центральной темой которого становится рассуждение о «женственности» («*Weiblichkeit*»). Классик йенского романтизма указывает, что суть женщины – неопределенность, которая есть тайна, а тайна – это воплощение романтического. Но только в соединении с мужской сутью (определенностью, гениальностью, энергией) возможно порождение чего-то нового, возможен бесконечный процесс творчества. Шлегель делит женщин на два класса, один из которых «неприроден» (предательство внутренней невинности, бесчувственность), другой «природосообразен» (ценит смысл существования, природу, себя саму, мужчин). Женщины, которые окружали Шлегеля, относились именно к этому типу.

Первой в этом ряду, несомненно, следует назвать Каролину Шлегель, вдохновительницу и музу йенских романтиков. Её салон в Йене «был тем средоточием, где рождался романтизм в живых беседах и пламенных импровизациях» (З; 69). Жизнь Каролины не соответствовала бюргерским представлениям о жизни «приличной» женщины, но в лице Августа Шлегеля она нашла человека, которого мало интересовали мнения мещан. Её чувственность, интеллект, вкус восхитили не только мужа, но и его брата, и близкого друга, а потом и мужа, Августа Фридриха Шеллинга. Именно Каролина смогла сделать из своей дочери идеал женщины эпохи романтизма. Августа Бёмер, умершая в пятнадцатилетнем возрасте, считалась «избалованной любимицей» Гёте и романтиков. Хрупкая болезненная девочка, по-детски восприимчивая, наивная и чувственная одновременно, рассуждающая о поэзии и философии, – вот портрет Августы, ставший символом романтической женственности.

Женщина-ребенок, обладающая предельной чувствительностью, природной мудростью и безграничной наивностью, являющаяся мистическим воплощением любви и вечной женственности. Именно этот образ не только бесчисленно трансформировался в искусстве и литературе XIX – XX вв., но и неизменно находил реальных прототипов. Таких, например, как

София фон Кюн, возлюбленная Новалиса, умершая в тринадцать лет. Ей Новалис посвятил сборник лирической поэзии «Гимны к ночи» (1797–1798). Это произведение весьма значимо для истории литературы и культуры. Сборник посвящён не памяти любимой поэта, а именно умершей девочке, другими словами, её труп. Кладбищенская тема – не выдумка романтиков, она широко распространена в сентиментальной лирике. Но воспевание смерти как благодати, мёртвой возлюбленной как образа, достигшего своего совершенства, – это завоевание эпохи романтизма. «Смерть – это романтизированный принцип нашей жизни. Смерть – это жизнь после смерти. Жизнь усиливается, посредством смерти» (5). Такая метафоричность порождает в «Гимнах к ночи» ряд символов, самый значимый из которых – сон. Если *ночь* – символ потусторонней жизни, свободной от мирских волнений и тревог, то *сон* или *смерть* – путь в этот столь желанный мир. Реальность во сне – это подлинная реальность, настоящая жизнь художника, наполненная смыслом. Недаром именно во сне герой Новалиса, Генрих фон Офтердинген, видит *голубой цветок*, цветок с женским лицом, символ соединения *природы, человека и духа*, а также символ *вечногo познания природы и себя самого*. Женский образ ведёт мужчину за собой в его исканиях как в реальном мире, так и в ирреальном, и в мире за гранью жизни.

Таким проводником для великого поэта Эдгара Аллана По была его жена Вирджиния. Исследователь По русский символист Валерий Брюсов в своей работе «Эдгар По. Биографический очерк» отметил: «Виргиния во многом была подобна идеальным героиням сказок Эдгара По; красота ее была исключительная» (7; 135). Тем не менее, об этом сложно судить. Её визуальный образ не сохранился, так как не было сделано ни одного прижизненного портрета. По косвенным свидетельствам биограф Э.А. По Герви Аллен даёт её словесный портрет: «На тех, кто видел Вирджинию в ту пору (1835 г. – Т.К.), она не производила впечатления взрослой женщины. Поведением своим она скорее походила на весёлую девочку, что, собственно, и неудивительно, если учесть, что ей было всего тринадцать лет. <...> Уже в ту пору детскую миловидность Вирджинии портил мучнисто-белый цвет лица, приобретший позднее восковой оттенок. Деталь эта сама по себе могла бы показаться неважной, если бы не тот факт, что несколькими годами позже она заболела туберкулёзом, от которого впоследствии умерла» (1; 159–160). Изначальная печать преждевременной смерти, лежащая на Вирджинии, вдохновила болезненное воображение Эдгара По на создание во многих прозаических и поэтических произведениях *культа умирающей или мёртвой женщины*.

Высшими образцами этого культа становятся образы из его рассказов «Лигейя», «Морелла», «Береника», «Падение дома Ашеров». В каждой из главных героинь этих рассказов воплощён немецкий романтический идеал (все его героини хрупки, чувственны, наделены исключительным интеллектом и знанием оккультных наук) в сочетании с весьма узнаваемыми чертами Вирджинии. Каждую поражает таинственная неизлечимая болезнь, которая делает её образ ещё более загадочным и невесомым, почти эфирным, но наделённым какой-то внутренней волей. Долгое пребывание у постели умирающей жены позволило По с натуралистической точностью воспроизвести каждое мгновение угасания Красоты. Но и каждое из этих мгновений красиво и ужасно одновременно. Все героини, которые были подле своих умирающих возлюбленных, находились в разной степени состояния экстатического транса, до предела обостряющего все органы чувств (Родерик Ашер) и ведущего к тому состоянию души, в котором человек сможет уверовать в вечную жизнь Высшей Красоты (героиня «Лигейи»). Созерцание Высшей Красоты в романтических представлениях По даёт возможность человеку приблизиться к Истине – цели всех его исканий. «Понятие Высшей, Идеальной Красоты составляет фундамент поэтической теории Эдгара По. Конкретные очертания понятия – таково свойство всякого идеала – размыты и неуловимы. Сам идеал недостижим и лишь частично доступен постижению. Он открывается в мимолетных прозрениях, дарованных поэту его гением, а рядовому человеку – поэтом, чем и отличается от земной красоты» (4; 110).

Эдгару По хочется верить, что женщины сильнее смерти. Все его героини очень красивы внешне и цельны внутренне. Эта цельность служит хорошей почвой для произрастания их невиданной воли, позволяющей Красоте восходить в Абсолют – жить вечно, в аллегорических ли формах возвращения к жизни в рассказах или же в поэтических произведениях, созданных в их честь.

В своём критическом эссе «Философия творчества» По обозначает главенствующий образ, на который должна быть направлена вся сила поэзии – Мёртвая Женщина. Для большинства критиков XIX века, такая установка – прямое свидетельство пресловутого «беса извращённости» По. Время доказало, что нельзя воспринимать стихотворения По с точки зрения «смысла». Его поэтические произведения подвластны сфере не рассудочного, а эмоционального восприятия. Его произведения – сродни музыке. Любое музыкальное произведение содержит в себе несколько планов, и от того, что хотел выразить композитор, до того, как воспринял это слушатель, – длинная дорога. Подобно музыке, которая по сути своей есть символ, поэзия Эдгара По так же крайне символична, как и образ, лежащий в её основе.

В поэтических произведениях По нет буквальных описаний угасания героинь, но в них автор создал ту атмосферу тревоги («Ворон»), угрозы необъяснимого рока («Аннабель Ли»), плача по умершим («Спящая», «Линор»), которая повергает читателя в то же эмоциональное состояние, какое было у героев его новелл. Тема смерти раскрывается в стихотворениях По через тонко прочувствованную и математически точно рассчитанную инструментовку. Красота формы стихотворения доминирует в эмоциональном влиянии на читателя над печальной темой смерти, создавая то неповторимое ощущение «ужасно прекрасного», которое не поддаётся логическому выражению.

В стихотворении «Спящая» По рисует «пейзаж с мёртвой женщиной». Образ Айрины, бездыханной, недвижимой и прекрасной, возникает в центре романтического пейзажа, таинственно-страшного и первобытно-красивого, наполненного движением, запахами и звуками. Видимый мир, как ряд покрывал, слоями ложится на картине над телом девушки: луна в небесах, её свет сходит с гор в долину, там цветки розмарина и лилии клонят свои головки к могиле, в которой сокрыт гроб, где одетая в платье и покрытая собственными волосами лежит женщина. Последний покров, отделяющий реальность от тайны смерти, – её смеженные веки, за которыми спрятана душа: *«Above the closed and fringed lid / 'Neath which thy slumb'ring soul lies hid»* (6; 110). Герою лишь приходится догадываться, что за мир скрыт за этими веками.

Станным образом отразилась эта поэтическая картина в жизни самого По. За гробом жены он шёл в пальто, которое служило покровом для его жены в последние дни её жизни. А глаза Вирджинии, глаза, ставшие глазами всех его героинь, никогда не приоткроют для нас её мир. «После смерти Вирджинии выяснилось, что в семье нет её портрета. Одна из находившихся в доме женщин сделала поспешный акварельный набросок, запечатлевший безжизненное лицо. Впоследствии с него сделали отретушированную копию, на которой Вирджиния изображена уже с открытыми глазами. Именно этот посмертный портрет в бесчисленных репродукциях увековечил для современников и потомков образ Вирджинии. Во всём её облике есть что-то трагическое и жуткое, как нельзя более соответствующее легендам, окружавшим имя По» (1; 279).

Как не говорить о легендах, когда каждому, кто читает это описание, приходит в голову только одна ассоциация: образ девушки с овального портрета из одноимённого рассказа По, изданного задолго до смерти Вирджинии. Красота девушки, удивительная как Жизнь и непостижимая как Смерть, стала символом, воплощённым в овальном портрете. Символом, волновавшим умы не одного поколения художников.

Со смертью Вирджинии и Эдгара По образ «мёртвой женщины» не канул в лету. На всём протяжении второй половины XIX века он многократно трансформировался и перерождался. Из литературы он перекачивался в изобразительное искусство и хрестоматийно проявился в творчестве Данте Габриэля Россетти («Beata Beatrix») и сэра Джона Эверетта Миллеса («Офелия»). На обоих полотнах изображена Элизабет Сиддал – муза прерафаэлитов, поэтесса и художница, в 33 года покончившая жизнь самоубийством. Миллес изобразил юную Элизабет в образе Офелии-утопленницы, но выглядит она как живая. В романтических зарослях трав и цветов, полупогруженная в тёмную реку, лежит Красота, хрупкая, как мгновения оставшейся жизни. Безумие, затмившее её разум, вытолкнуло её из людской жизни и подвело к страшному слиянию с природой. Россетти написал свою картину в 1863 – 1864 гг. после смерти горячо любимой жены. Больная туберкулёзом, зависимая от опиума, меланхоличная Лиззи изображена в светлом образе Беатриче с нимбом из света. Но это не живая Беатриче, а летаргическая, уже почти перешедшая за грань жизни, окруженная символами смерти. Обе картины выразили суть женщины эпохи декаданса. Эта суть

заключается в балансировании на грани жизни и смерти, в восприятии жизни как смерти и смерти как жизни. Для эмансипированной женщины конца XIX века смерть становится притягательна тем, что она дает ключ к вечности. Идеал хрупкой маленькой девочки давит над экзальтированными особами артистического круга, а осознание проходящей земной красоты порождает стремление «остановить мгновенье». Самоубийство – путь к красоте идеальной, абсолютной, путь к свободе.

Предельно точно эта мысль выражается в знаменитой сказке Оскара Уайльда «Кэнтервилльское привидение». В уста своего героя, наверное, единственно вероятного героя, который лишен возможности совершить самоубийство и освободить себя сам, он вкладывает одни из самых красивых и поэтических слов о смерти. Отрывок написан ритмизированной прозой, поэтому приведем его в оригинале:

«"Far away beyond the pine-wood" he answered, in a low dreamy voice, "there is a little garden. There the grass grows long and deep, there are the great white stars of the hemlock flower, there the nightingale sings all night long. All night long he sings, and the cold crystal moon looks down <...>"

"You mean the Garden of Death" she whispered.

"Yes, Death. Death must be so beautiful. To lie in the soft brown earth with the grasses waving above one's head, and listen to silence. To have no yesterday, and no tomorrow. To forget time, to forgive life, to be at peace. You can help me. You can open for me the portals of Death's house, for Love is always with you, and Love is stronger than Death is"»¹.

Не правда ли, что описание как будто взято из поэзии По и живописи прерафаэлитов? Но Оскар Уайльд помимо отражения уже существующих картин и идей внес и свою лепту в развитие образа «мёртвой женщины».

«Ирод (оборачиваясь и видя Саломею). Убейте эту женщину!

Солдаты бросаются вперёд и сокрушают своими щитами Саломею, дочь Иродиады, царевну Иудеи» (9; 156).

Так заканчивается одна из самых известных и скандальных пьес в истории драматургии. Если бы «Саломея» Оскара Уайльда была поставлена при жизни автора, то публика испытала бы шок не только от безумно-маниакальных речей Саломеи, от ее более чем откровенного танца семи покрывал, но и от финала пьесы: сокрушенное щитами (то есть раздавленное), к тому времени совершенно обнаженное тело царевны иудейской – зрелище явно не для чопорной викторианской публики. Уайльд не следует библейской легенде. Он убивает свою героиню. И отнюдь не потому, что должно быть человеческое возмездие за совершенный грех.

Какая она – Саломея? Её образ пытались воплотить многие художники-символисты. От исторически декорированной царевны на полотнах Гюстава Моро («Татуированная Саломея», «Танцующая Саломея», «Саломея в тюрьме»)², через сладострастно-символический образ Саломеи Франца фон Штука и Густава Климта, к откровенно порнографическому изображению ее Юлиусом Клингером – вот путь трансформации библейской дочери Иродиады. Представитель русского символизма Лев Бакст создал эскиз костюма героини к драме О. Уайльда. Каждый художник пытался по-своему выразить сущность этой женщины, доминантой в которой служило сладострастие. Именно сладострастие заставило уайльдовскую героиню безжалостно расчленять тело Иоканаана. Отсечение головы – всего лишь физический акт довершения задуманного, ведь настоящий акт расчленения уже совершился: она «разобрала» любимого на части, иступлённо желая каждую часть его тела. Но и её собственная судьба стала отражением судьбы Иоканаана. Её убийство, её физическая смерть просто «догнала» смерть духовную.

Саломея уже была трупом. И это превосходно выразил Обри Бердслей в своих иллюстрациях к пьесе Уайльда. Черно-белые рисунки, особенно «Туалет Саломеи», прекрасно отражают условность её облика и внутреннюю пустоту. Эту же мысль высказывает А. Блок в своём прозаическом произведении «Ни сны ни явь»: «Саломея несёт голову на блюде; её лиловое с золотом платье такое широкое и тяжелое, что ей приходится откидывать его ногой.

– Душа моя, где же твое тело?

– Тело моё всё ещё бродит по земле, стараясь не потерять душу, но давно уже её потеряв» (9; 10687).

Вирджиния, героиня упомянутой сказки Уайльда, говорит, что «бедный сэра Симон» (привидение) открыл ей, «что такое Жизнь, и что такое Смерть, и почему Любовь сильнее Жизни и Смерти». Именно благодаря этому Вирджиния, девочка, отражающая суть любви, смогла победить смерть и помочь привидению обрести покой. Саломея лишена любви, сладострастие съело все чувства, но не смогло заменить любовь. Саломея не смогла победить Смерть, и в пьесе Уайльда её смерть – это Смерть Навсегда.

«Что это? Гальванизированный труп? Какой жесткий рисунок: сухой, безжизненный, неестественный; какая скверная линия спины до встречи с кушеткой; вытянутая рука, страдающая – совсем из другой оперы – голова!! И зачем я это видел!» (8; 163) Это восклицание сорвалось с губ Репина, когда он увидел картину своего ученика Валентина Серова. Картина стала апофеозом в развитии образа мертвой женщины, а воплотился этот идеал в одной из самых загадочных женщин эпохи *fin de siècle* – Иде Рубенштейн, Саломее – Клеопатре русского модернистского театра.

Ида Рубинштейн желала воплотить образ Саломеи в театре, но все постановки этой пьесы запрещались цензорами. В конце концов, ей удалось станцевать «Танец семи покрывал» в дягелевском балете «Ночь Клеопатры» в Париже в 1909 г. «Под дивную, но и страшную, соблазнительную, но и грозную музыку из “Млады” происходило пресловутое раздевание царицы. Медленно, со сложным придворным ритуалом, разматывались один за другим многочисленные покровы и оголялось тело всемогущей красавицы, гибкая тонкая фигура которой оставалась лишь в том чудесном полупрозрачном наряде, который ей придумал Бакст. Но то являлась не “хорошенькая актриса в откровенном дезабилье”, а настоящая чаровница, гибель с собой несущая» (8; 163).

Любовь эпохи декаданса к бинарным оппозициям, дуплетам, к причудливым зеркальным отражениям, двойникам, мистерийности с калейдоскопом эпох, стран и стилей – всё это причудливо сошлось в образе Саломеи-Клеопатры-Рубинштейн. Андрогинное тело Иды Рубинштейн, представляющее собой «сочетание совершенно прямых линий, наподобие плоской геометрической фигуры» (8; 164), экзотическое лицо с «вневременным» выражением, мировая печаль в застывшем взгляде – вот, что воплотил художник, которого называли великим психологом эпохи. Его критиковали за плоскость и неестественность фигуры, за нескладный поворот головы. Но именно такая поза будет характерна для распростертой, скинутой с высоты, раздавленной женщины, убитой Саломеи. Неважно, что модель сидит на кушетке, в символизме всё условно, кроме главного – собственно символа. Художник смог запечатлеть в этом образе символ всего XIX века, символ «конца времени», – Мёртвую Красивую Женщину.

В заключение можно добавить, что русский символизм, развивая эстетические традиции классиков романтизма и сознательно отталкиваясь от образов Э.А. По и Уайльда, нередко взрывал романтические основания изнутри. Так, стихотворение А.А. Блока «Клеопатра» («Открыт паноптикум печальный...», 1907) – это и гимн умершей царице («Царица! Я пленен тобою!..») и горькая ирония. В ответ на своё страстное обращение (Ты видишь ли теперь из гроба, // Что Русь, как Рим, пьяна тобой? // Что я и Цезарь – будем оба, В веках равны перед судьбой?) поэт слышит неутешительный и едкий ответ:

«Тогда я исторгала грозы.
Теперь исторгну жгучей всех
У пьяного поэта – слёзы,
У пьяной проститутки – смех» (2; 139).

А апофеозом и концом развития мотива мёртвого женского тела можно считать сумасшедшие фантазии и тайное вождение Ардальона Борисовича Передонова, героя романа Федора Сологуба «Мелкий бес»: «Передонов начал догадываться, чего хочет княгиня, – чтобы он опять полюбил её. Ему отвратительна она, дряхлая. "Ведь ей полтора года лет", – злобно думал он. "Да, старая, – думал он, – зато вот какая сильная". И отвращение сплеталось с прельщением. Чуть тепленькая, трупцем пахнет, представлял себе Передонов и замирал от дикого сладострастия» (10; 201).

Примечания

¹ «— Далеко, далеко за сосновым лесом, — ответил он тихим мечтательным голосом, — есть маленький сад. Там густа и высока трава, там большие и белые звёзды цыкуты, и всю ночь там поёт соловей. Всю ночь там поёт соловей, а сверху глядит холодная хрустальная луна, и тисовое дерево простирает свои исполинские руки над спящими <...>.

— Вы говорите о Саде Смерти? — прошептала она.

— Да, Смерти. Смерть должна быть прекрасна. Лежать в мягкой тёмной земле, чтоб над головой качались травы, и слушать молчание! Не знать ни завтра ни вчера. Забыть время, простить жизнь, познать покой. Вы мне можете помочь. Вы можете открыть мне врата в обитель Смерти, ибо с вами — всегда Любовь, а Любовь сильнее Смерти». (11; 105.)

² «Духовное» влияние картин Моро на декадентов прекрасно описал Гюисманс в романе «Наоборот», изложив мысли своего героя дез Эссента о Саломее, где он воспринимает ее именно как богиню иступления и сладострастия, как нечто мифологическое, вневременное, чудовищно-прекрасное.

Литература

АЛЛЕН, Г.: *Эдгар По*. МОСКВА: Молодая гвардия, 1984.

БЛОК, А.А.: *Полное собрание сочинений и писем*: В 20 томах. МОСКВА: Наука, 1997. Том II, книга 2.

ЖИРМУНСКИЙ, В.М.: *Немецкий романтизм и современная мистика* / Предисл. и коммент. А.Г. Аствацатурова. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: Аксиома, Новатор, 1996.

КОВАЛЕВ, Ю.В.: *Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт*: Монография. ЛЕНИНГРАД: Художественная литература, 1984.

НОВАЛИС: *Фрагменты*. In: Зарубежная литература XIX века: Романтизм: Хрестоматия историко-литературных материалов. МОСКВА: Высшая школа, 1990. [Электронный ресурс: www.thelib.ru]

ПО, Э.А.: *Стихотворения*. Сборник / Сост. Е.К. Нестерова. На английском языке с параллельным русским текстом. МОСКВА: Радуга, 1988.

ПО, Э.А.: *Полное собрание поэм и стихотворений*. Перевод и предисловие Валерия Брюсова с критико-библиографическим комментарием. In: По, Э.А.: *Стихотворения и поэмы* / Перевод с английского; Составление, общая редакция С.И. Бэлзы. МОСКВА, ХАРЬКОВ: АСТ; Фолио, 2001.

РЕПИН, И.Е.: *Из статьи в журнале «Путь», 1911, № 2*. In: АЛЕШИНА, Л.С., СТЕРНИН, Г.Ю.: *Образы и люди Серебряного века*. МОСКВА: Галарт, 2005.

Символизм. Литературное приложение: *Блок Александр* [Электронный ресурс]. In: DIRECTMedia. Искусство символизма.

СОЛОГУБ, Ф.: *Мелкий бес*: Роман. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: Наука, 2004.

УАЙЛЬД, О.: *Саломея*. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, Изд. дом «Кристалл», 2002.

Resume

The author of the article explores an ideal woman of the Romanticism and the Decadence: a Beautiful Dead Woman. There were some historical prototypes of this ideal (Auguste Boemer, Sophia von Kühn, Virginia Poe), but it was very famous because of works by Edgar Poe. In the middle of the 19th century we can see such women in the pictures of the Preraphaelites. As an object of symbolists' art the Body of a Dead Woman became the symbol of fin de siècle.

«КЛЯТВА НАД КРОВАВЫМИ БОРОЗДАМИ» (1906) ТЁТКИ (А. ПАШКЕВИЧ) В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР И ПОДГОТОВКИ СЛАВИСТОВ

Виктория Ляшук (Прешов)

Славянские литературы представляют собой художественные модели действительности с позиции и в интерпретации презентантов и носителей конкретных национальных культур, поэтому для славистов важно иметь представление о специфике разных славянских литератур и об их универсалиях.

По традиции членение славянских литератур соответствует выделению в славянских языках трех семей – восточно-, западно- и южнославянской. Такое группирование имеет формальную и внутреннюю логику. К формальной стороне вопроса относится язык, на котором литература создается. Внутренняя логика связана с территориальным единством генетически родственных славянских языков и культурно-историческими условиями жизни говорящих на них народов. Типологические признаки, основанные на специфике развития литературного языка, прослеживаются также в особенностях художественной литературы, соотносимые у белорусов, украинцев и словаков. Аналогичные тенденции и особенности в них не синхронизированы во времени.

Новая белорусская литература только в 1905, то есть в начале XX века, получает разрешение от Царской России, в границах которой она существовала весь XIX век, на свое национальное развитие в результате снятия государственного запрета публиковать какие бы то ни было белорусские тексты, кроме фольклорных. Напомним, что в словацкой истории аналогичные тенденции развития указывает литература шутовского поколения, то есть с опережением более чем на полстолетия. Революционная буря 1905 – 1907 гг., получившая вскоре у историков название Первой русской революции, вынесла на гребень волны белорусских авторов, придав им духовной энергии – Тётку вместе с Я. Купалой, Я. Коласом и М. Богдановичем.

Литературовед из числа белорусских эмигрантов С. Станкевич, в отличие от названных классиков, относит Тётку к представителям «доморощенной» литературы, предназначенной для собственного, внутреннего употребления, с которой рано показываться «на люди» (цит.: Тычка, 2001, с. 68). Интерес словацких студентов к произведениям Тётки опровергает это категоричное ограничение. В направленности внутрь «белорусского дома» нам видится суть каждой национальной литературы на начальном этапе ее становления, синтезированного из разных импульсов. Тётка обогащает сферу культурного самопознания белорусов одновременно как «педагог, социалистка, автор пламенных стихов в защиту простого народа, может, еще временами слишком декларативных, но искренних, боевых, честных. Вся жизнь ее отдана борьбе с большой несправедливостью. И песней, и пропагандой» (Караткевич, 1992, с. 162). В белорусской литературе обозначение *песня* относится к поэтическим произведениям, несущим народный дух и патриотическую эмоциональность.

Ожидание активного действия, образное представление о причинах, целях и движущих силах революции, об особенностях революционной ситуации в Беларуси образует сгусток эмоциональной силы в кратком рассказе Тётки «Присяга на крываваймі разорах», появившегося во второй год революционных событий, распространявшегося тогда анонимно как прокламация. Это наиболее известный рассказ писательницы. В нем идея и образ революции, народного движения, пути к самоосознанию воплотились изобразительными средствами романтической стилистики и библейской символикой. В его названии использованы яркие библейские символы: заполненные кровью борозды вспаханной земли, присяга; в тексте – *зерно, распяли ...на земле, ясный голос* и др. Главный герой также не случайно носит имя, являющееся народным вариантом имени одного из четырех евангелистов – Матфея.

Прозрачная аллегория создается характерным для литературы способом перенесения событий в сновидение. Союз крестьянской бедноты, солдат и рабочих представляется силой, способной и готовой добыть для себя землю и свободу. Для понимания идеи произведения

существенно выделение, укрупнение национального исторического фона – речь ведется о белорусах – тех, кто уехал на заработки, кого мобилизовали в армию, и тех, кто остался хозяйствовать дома. О них говорит и к ним обращается писательница. Такому обращению предшествовала (а затем сопутствовала ему) идея просвещения и посредством его преобразования белорусского общества, воплощенная в созданное Тёткой и ее единомышленниками в Петербурге, где жило много белорусов, общество «Круг белорусского народного просвещения и культуры» (1902 – 1904). Сам псевдоним *Тётка* – народный в своей основе, это не только отражение родственности, но и общераспространенная форма обращения в разговоре к более опытной и старшей, но не старой собеседнице, соседке. В этом псевдониме заключены деятельностные превращения его носительницы: «Это уникальный случай в историях литератур, чтобы партийная кличка стала литературным псевдонимом поэта, писателя. А ведь слово «Тётка» прежде всего и было партийной кличкой А. Пашкевич, члена Белорусской социалистической громады» (Лойко, 1986, с. 5).

Вынужденная бежать из-за участия в революции из России в Австро-Венгрию, в 1906 г. во Львове Алоиза Пашкевич издает поэтические сборники «Скрипка белорусская» и «Крещение свободой» под псевдонимом Гаврила из Полоцка. Несколько стихотворений подписаны криптонимом Ц-ка, большинство – мужскими именами – Гаврила, Матей Крапивка, Банадысь Осока, Тымчасовы. Псевдоним *Тётка* впервые использован в методическом труде «Первое чтение для детей белорусов» (1906). Этот псевдоним позже начинает использоваться в прозаических произведениях, печатающихся в альманахе «Молодая Беларусь» (Петербург, 1912 – 1913), а также в большинстве материалов первого белорусского детского журнала «Лучинка», основанного Тёткой и издаваемого в Минске в 1914 г.

Тётка была исключительно разносторонней личностью – как в своей общественной, так и в творческой деятельности, направляемой ее созидующим интеллектом. Именно это особенность подчеркивается в отношении ее вклада в развитие культуры и международного престижа Беларуси в издании, инициированном Национальной комиссией Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО – «250 асоб з Беларусі ў дыялогах культур» (рус. *250 личностей из Беларуси в диалогах культур*, 2008). В перечислении достижений и интересов Тётки прослеживается не только богатство ее духовной жизни, но и этапы белорусского культурного пути: «Была соорганизатором первой белорусской политической партии «Беларуская сацыялістычная грамада» (рус. Белорусская социалистическая община), первого белорусского журнала «Свабода» (1902), организатором митингов и оратором во время революционных событий 1905 г., артисткой белорусского театра, учительницей, исследовательницей кукольного театра Беларуси, редактором журнала для детей и молодежи «Лучинка», путешественницей, медицинским работником и при этом писательницей-поэтессой, создательницей лирических стихотворений, рассказов, природоведческих зарисовок, публицистических статей, хрестоматий для маленьких белорусских школьников» (Пяткевіч, 2008, с. 218).

Совершенно естественно Тетка оказалась и у истоков создания в 1905 г. трибуны, с которой литература и публицистика направлялись к белорусам. На этот раз из Вильно (бел. *Вульня* в наст. время *Вильнюс*, столица Литвы), бывшего тогда административным центром западных белорусских губерний. Этот город, таким образом, перенял первенство в белорусском возрождении у Петербурга. Транслятором стали газеты – выпустившая всего несколько номеров радикальная «Наша доля», которую запретили, и более умеренная «Наша Нива», просуществовавшая до 1915 г. и прекратившая издание во время I Мировой войны. Тётка была корреспондентом обеих газет. Работа на ниве национального просвещения, возможно, и подсказала название просветительской всебелорусской газете – «Наша Нива». В нем взаимодействуют, создавая культурно-эстетическую перспективу, прямое, связанное с крестьянством, и переносное, связанное с просвещением, значение слова *нива*.

В своих публикациях Тётка делает упор на общественно-просветительскую деятельность во имя начавшегося возрождения: «Наше возрождение растет и крепнет, с каждым днем идя вперед, разливаясь глубже и шире. Вместе с тем и работы нам прибывает все больше. Но мы видим, как объединяются белорусские культурные силы, по-братски деля меж собой ту большую работу во имя родного края <...>.

Идет работа трудная, мозольная. Возьмем хотя бы те вечеринки, что в последнее время устраивали белорусы в Вильно, Слуцке, Гродно, Петербурге. Это не были обычные гулянки,

это была серьезная культурная работа. Играть для забавы, как бабочка под солнцем, может только народ с большой культурой, потому что он имеет театры, оркестры, хоры, музыку. А белорус что до сего дня имел?» (Тетка, 1986, с. 171). В свете сказанного использованный в рассказе образ нивы воспринимается символом преобразования.

Газета «Наша нива» в настоящее время оценивается как крупнейшее историко-культурное явление, которое кроме всего прочего определило развитие новейшей белорусской литературы и выявило «культовые фигуры» – Я. Купалу (И. Луцевича), Я. Коласа (К. Мицкевича), М. Богдановича, А. Гаруна (А. Прушинского), М. Горецкого, Зм. Бядулю (С. Плавника), Тетку (А. Пашкевич), В. Ластовского, Ядвигина III (А. Левицкого) и др. (см. Васючэнка, 2004, с. 42). «Наша Нива» не ограничивалась национальной спецификой, она стремилась найти и утвердить место белорусов в культурном пространстве, вывести их на уровень мировых достижений в литературе.

Литературный контекст того времени для белорусов был частью национально-культурного движения и его показателем: «Феномен «Нашенивства» проявился и в синхронизации с национально-освободительными, культурными, литературными движениями Восточной, Центральной, Северной и Южной Европы (Албании, Болгарии, Венгрии, Греции, Латвии, Литвы, Норвегии, Польши, России, Сербии, Словакии, Словении, Украины, Черногории, Чехии, Эстонии). <...> Здесь все было в динамике: национально-освободительное движение начинало стремительно разворачиваться как сжатая до последней крайности пружина» (Там же).

Цитированный автор указывает, что для разрешения проблем национально-культурного возрождения использовать новые литературные методы. Эта стратегия в Беларуси реализовалась в символизме, влиявшем на белорусских писателей из четырех центров (русский, польский, французский и скандинавский символизм). Последний из перечисленных проявился наиболее выразительно и плодотворно, являясь типологически близким по общественно-культурному фону, в то время как русский символизм «блоковского круга» концептуально «был далек от белорусской культурной ситуации» (Васючэнка, 2004, с. 170). Наиболее последовательно и выразительно символизм воплотился в творчестве всех перечисленных выше белорусских писателей, за исключением Тётки. Для ее стихотворной стилистики вместе с символичностью, но в большей мере, характерна метаморфизация (*взойду дубом, стану песней*).

Прозаическое творчество Тётки представлено небольшим количеством рассказов, каждый из которых является отдельной моделью стилистического решения неповторяющейся тематики. Рассматриваемый нами рассказ некоторые литературные критики называют стихотворной прозой. В нем усилены такие свойства символизма, как фрагментарность, ассоциативность, обожествление идеалов, динамичный способ разрешения конфликтной ситуации. Двойственность, существенная для системы символизма, не была использована писательницей, хотя основанием могла послужить конфессиональная принадлежность части белорусов к православным, а другой части к католикам, так же как и распространенная в обществе того времени практика воспринимать православного белоруса как русского, а белоруса-католика как поляка. В рассказе белорусы представлены без конфессионального различия.

Небольшой объем и прозрачный стиль рассказа дают возможность использовать его полный текст – в оригинале (в аудитории белорусистов) или переводе (на словацкий язык или у русистов на русский язык). Он интерпретируется на семинарских занятиях по белорусской литературе. Параллельно этот рассказ использовался нами на занятиях по практике речи у белорусистов в комплексных упражнениях по речевой деятельности, включая чтение, текстовый анализ, элементы стилистического разбора, анализ образных и символических средств текста, сравнение и взаимную трансформацию диалогических и монологических фрагментов текста, пересказ текста.

Сравнение с оригиналом русского перевода является способом формирования славистической компетенции. Одновременно нами выявлены некоторые расхождения переводного текста с авторской интерпретацией главного персонажа или событий и действия его участников, отраженных в форме сна, что наблюдается в коннотативном компоненте лексики, ее стилистической маркированности, в особенности ритмизации.

Во вступительной части существенен психологический параллелизм фрагментов I, II, основанный на лексемах *тужэўва* и *маркотны*. В переводе характеристика *мрачный* имеет

отсутствующий в оригинале оттенок недовольства, раздраженности. Точнее передали бы психологическое состояние лексемы *тоскливо* (летели) и *печальный* (Матей). Перевод не передает дифференциацию синонимов *нўва* – *поле*, ограничиваясь словом *поле*:

Тётка

Клятва над кровавыми бороздами

I Был теплый осенний день. **Поля** тихо отдыхали после летнего труда. Темный лес шептался в глубокой задумчивости. Аисты **печально** летели в дальние края.

II Таким днем, **мрачный** и сгорбленный под тяжкою тучей невеселых мыслей, еле-еле полз старый Матей в **поле**.

Языковая характеристика героя далее в переводе будет точнее словом *ворчал*, поскольку действие, передаваемое глаголом *кряхтел*, связано с физическим напряжения и не является характеристикой психологического истощения:

III – Голова болит, рук не поднять, – **кряхтел** он на ходу. – Детей вырастил, а отдохнуть некогда и не за кем.

Так он сам себе жаловался.

Цётка

Присяга над кривавыми разорами

Быў цёплы асенні дзень. **Нівы** ціха адпачывалі пасля летняй працы. Цёмны лес шаптаўся ў глыбокай задуме. Буслы **тужліва** ляцелі на вырай.

Гэтага дня, **маркотны** і згорблены пад цяжкаю хмараю невясёлых дум, ледзьве-ледзьве поўз стары Мацей у **поле**.

– Галава баліць, рук не зняць, – **бурчэў** ён, адпачыўшы некалі і не за кім.

Так ён сам сабе жаліўся.

Понятию народного права *астацца ў хаце на сваёй гаспадарцы* соответствует перевод *остался дома хозяйствовать на своей земле*. Не переведенное слова *двор* имеет эквивалент *поместье* (см. в X фрагменте определение *дворнае* – рус. *помещичье*):

IV Правда, у Матея было три сына: одного взяли в солдаты, второй уехал в Петербург хлеба искать, третий пошел батраком. А бедный Матей с женой и двумя младшими девчатами **остался в хате по хозяйству**.

Праўда, у Мацея было трох сыноў: аднаго ўзялі ў маскалі, другі паехаў да Пецярбурга шукаць хлеба, трэці пайшоў за парабка да двара, а бедны Мацей з жонкаю і двума малодшымі дзяўчатамі **астаўся ў хаце на сваёй гаспадарцы**.

Фразеологизированную модальную фразу (сравн. рус. *волындать*, родственное с использованным диалектным *лында*) заменило стилистически нейтральное выражение, потерявшее при этом ритмичность и синтаксическую симметричность:

V Бедность, одиночество, силы уже не те, – а работай и работай, трудись без конца... Мардасовичу – за лен, Бизуновскому – за выпас, а там и за картошку пашы и пашы что ни день на отработках, так что свое **не хватает времени** засеять в пору. Вот и теперь, соседи уже давно отсеялись и взбороновали, а Матей только первый день вышел на свой загон, и то был болен.

Бедната, адзіноцтва, сілы ўжо не тыя, – а рабі і рабі, працуй без канца... Мардасовічу – за лён, Бізунойскаму – за пашу, а там і за бульбу плужы і плужы штодзень на адработках, так што сваё, хоць і вузка, але **і то лында, і то няхват часу** ў пару засеяць. Вось і цяпер, – суседзі ўжо даўно пасялі і пабаразілі, а Мацей толькі першы дзень выйшаў на сваё і то быў хворы.

Бел. *жыта* по стилю соответствует рус. *рожь*, бел. *замільгаець* – рус. *замелькать*, *запестреть*. Не сохраняется акцентирующий повтор *зярнят* – зерне:

VI Однако, пересиливая себя, насыпал **жита** в подол, поплевал в горсть, зачерпнул **зерен** и со словами «роди, Боже» сыпанул **их** на черную землю.

Зерна **заблестели** на пашне. А Матей стоял с помутневшими глазами и шептал:

Не могу... Очень уж голова болит и сон морит».

И, не укладываясь, не стелясь, он как стоял, так и лег, так и заснул...

Аднак, перамагаючы сябе, насыпаў **жыта** ў хвартух, напляваў у жменю, чарпануў **зярнят** і са словамі “радзі, Божа” сыпануў **зерне** на чорную глебу.

Зярняты **замільгацелі** на раллі. А Мацей стаяў з пасалавеўшымі вачыма і шаптаў: “Не магу... Надта ж галава баліць і сон морыць”.

І, не ўкладаючыся і не пасцілаючыся, ён, як стаяў, так і лёг, так і заснуў...

Ассоциативность в переводе теряет мистичность, заканчивается прозаизацией торжественного в оригинале слова. Ему соответствует фраза *испускать дух*:

VII Спал он, как пласт, поперек загона с раскнутыми руками. Лицо было бледным, губы черными от жажды, дышал он часто и **хрипло**. Издалека походил на человека, которого только что распяли и прибили к земле, и вот он медленно **кончается**...

Не сохраняется градация последовательности посредством повтора:

VIII Матей спал и видел **сон**. Видел, что собралось много народу на его **поле**: были там и молодые, и старики, и мужчины, и женщины и дети – в разных одеждах, и все кричали:

– Узко! Тесно! Мало!

Матею казалось, и он стоит среди этого народа, и все ждут, **что** он, Матей, скажет, и вот к его сердцу подступает необъяснимая **печаль**, и он тоже начинает кричать:

– Узко! Тесно! Мало!

Теряется ритмичность, образуемая повтором и двухсложными глаголами с одинаковой акцентацией на втором слоге:

IX И вот как будто выбегает сосед Остап, сжав кулаки, и кричит еще громче Матея:

– А где взять? **Откуда?** Скажи, **откуда?**..

Теряется напряжение; точнее будет – *задвигался / заколыхался; взревел:*

X Тогда **заволновался** народ и **зашумел**:

– Глядите, вот просторы! Вот **нивы**, леса, **поля**! Все это наше!..

А Остап:

– Лжете! Неправда! Не дадут: это казенное, **дворянское**, – ни я, ни вы не имеем права. Не дадут! Побьют!..

Стирается стиль библейского повествования с присоединением союзом *и*:

XI А потом кажется Матею, что из **толпы** выходят трое его сыновей: батрак, солдат и рабочий петербургский **и**, **став на колени**, клянутся громко, ясно, медленно:

– Мы дадим! Мы – сила! Мы – право!

Всеобъемлющее действие приобретает пространственное центрирование:

XII Матей обливается потом, сердце его бьется... И кажется ему, что **все вокруг повито туманом**, только борозды стоят, полные крови, а над ними висят три скрещенные ладони... И раздается тихо ясный голос:

– Мы – сила! Мы – право!

(Тётка, 1986, с. 83-85)

Белорусский текст характеризуется высоким эмоциональным напряжением, динамическим способом рассказывания, натуральной стихийной разговорностью в диалогах и внутренней речи главного персонажа, ритмизованной в отдельных фразах очень выразительно. Эти особенности существенно сохранять в переводе, чтобы не изменить композиционно-стилистические параметры оригинала, указывающие синтез и разнообразие ситуационно ориентированной образной основы.

Спаў, як пласт, упоперак загона з раскнутымі рукамі. Ліцо было бледна, губы чорны ад смагі; дыхаў ён часта і з **якімсь хрыпам**. Здалёк выглядаў на чалавека, каторага вот-вот раскрыжавалі і прыбілі да зямлі, і так ён паволі **канае**...

Мацей спаў і **сніў**. **Сніў** ён, што сабралася моц народу на яго **ніве**: былі там і маладыя, і старыя, і мужыкі, і кабеты, і дзеці – у розных апратках, і ўсе крычалі:

– Вузка! Цесна! Мала!

А Мацею здавалася, **што і** ён сам стаіць пасярод гэтага народу, і **што** ўсе чакаюць, **што і** ён, Мацей, скажаць, і **што** вот-вот к яго сэрцу падыходзіць нейкі **жаль**, і **што** ён таксама пачынае крычаць:

– Вузка! Цесна! Мала!

Аж, здаецца, выбягае сусед Астап, заціснуўшы кулакі, і крычыць яшчэ мацней ад Мацея:

– А **скуль** узяць? **Скуль** дастаць? Кажы, **скуль?**..

Тады **захістаўся** народ і **зароў**:

– Глядзіце, во прасторы! Во **нівы**, лясы, **палі**! Усё гэта наша!..

А Астап:

– Лжэце! Няпраўда! Не дадуць: то казённае, **дворнае**, – ні я, ні вы не маем права. Не дадуць, паб'юць!

Вось далей здаецца Мацею, што з **цьмы** народу выходзяць яго тры сыны: парабак, салдат і работнік пецяўбургскі і **становяцца** на калені і **прысягаюць** громка, ясна, паволі:

– Мы дамо! Мы – сіла! Мы – права!

Мацей абліваецца потам, сэрца яго б'ецца... І здаецца яму, што **ўсё гэта спавіў туман**: толькі разоры стаяць поўны крыві, а над імі вісяць тры скрыжаваны далоні... І раздаецца ціха ясны голас:

– Мы – сіла! Мы – права!

(Цётка, 2004, с. 201-202)

Перевод текста на словацкий язык был заключающим этапом работы с ним белорусистов. Анализ версий, которые предложили студенты 4 курса Прешовского Университета Михал Пиш (позиция 1), Марцел Янак (2), Матей Ткач (3) и Давид Боднар (4), позволяет выявить универсалии и индивидуальные переводческие решения. Первое предложение переведено всеми одинаково. Следующее в (3) указывает дословность, в (4) – архаизирующие тенденции при сохранении слова *nívy*.

I:1, 2. *Bol teplý jesenný deň. Polia po letnej práci ticho odpočívali. Temný les šepotal v hlbokom zamyslení. Bociany clivo leteli na juh.* – 3. *Polia ticho odpočívali po letnej práci. Bociany túžobne leteli do teplých krajín.* – 4. *Nívy ticho odpočívali po letnej práci.*

В следующем фрагменте неточно переведено слово *маркотны* – слв. *zarmútený*. Прослеживаются разные лексические реализации значения ‘с трудом, едва’ и архаизация (поэтизация) содержания в (4) версии:

II: 1. *Toho dňa sa starý Matej, unavený a zhrbený pod ťažkou chmárou neveselých myšlienok, horko-ťážko plazil do poľa.* – 2. *Toho dňa, unavený a zhrbený pod ťažkou chmárou neveselých myšlienok, sa starý Matej ledva – ledva plazil do poľa.* – 3. *Toho dňa sa starý Matej unavený a zhrbený pod ťažkou chmárou neveselých myšlienok len tak tak ťahal do poľa.* – 4. *...zničený a zhrbený pod ťiažou chmár neveselých dúm, ledva ledva pošiel starý Matej na pole.*

Комплексная презентация и рассмотрение художественного текста в связи с культурно-историческими реалиями, отраженными в нем или повлиявшими на автора, во-вторых, синтезированный языковой и литературный анализ, в-третьих, перевод, на наш взгляд, являются оптимальным способом осознать специфику литературы как национальной модели в контексте истории славянских литератур и теории литературы.

Литература

- ВАСЮЧЭНКА, Пятро Васільевіч. *Беларуская літаратура XX стагоддзя і сімвалізм*. Мінск : Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, 2004. 155 с. ISBN 985-460-033-5
- КАРАТКЕВІЧ, Уладзімір Сямёнавіч. *Зямля пад белымі крыламі*. Нарыс. 2-е выданне. Мінск : Народная асвета, 1992. 192 с. ISBN 5-341-00578-3
- ЛОЙКА, Олег. *Первая из первых*. In: Тётка. *Избранное*. Минск : «Юнацтва», 1986, с. 3-8.
- ТЁТКА. *Избранное*. Перевод с белорусского Петра Кошеля. Минск : «Юнацтва», 1986, 222 с.
- ТЫЧКА, Галіна Казіміраўна. *Творчасць Янкі Купалы і традыцыі духоўнай рэгіянальнасці ў польскай літаратуры XIX – пачатку XX стагоддзяў*. Мінск : УП “Тэхнапрынт”, 2001. 144 с. ISBN 985-6373-93-X
- ПЯТКЕВІЧ, А. М. *Цётка* (03(15).07.1876г. – 05(17).02.1917г.). In: *250 асоб з Беларусі ў дыялогах культур / 250 People from Belarus in the Dialogue Cultures*. Даведчае выданне. Мінск : УП “Экаперспектива”, 2008, с. 217-219. ISBN 978-985-469-259-3
- ЦЁТКА (Пашкевіч, Алаіза). *Прысяга над крывавымі разорамі*. In: *Беларуская літаратура XI – пачатку XX стагоддзяў. Класікі*. / Склад. Л. А. Ламека, Н. У. Ламека. Мінск : “Сучаснае слова”, 2004, с. 201-202. ISBN 985-443-436-2

Summary

The article contains the analysis of the most well-known short story by Tyotka – one of the founders of the Belarusian prose. Historic, cultural and political context is taken into consideration as well as the role of symbolism, which influenced typological features of the peculiarities of fiction that correlate in Belarusian, Ukrainian and Slovak literatures. The writer pictured the image of revolution with the help of stylistic features of romanticism and symbols from the Bible. The Russian translation of the story is being revised. The article also examines forms and methods of using the given materials within Slavonic and Russian studies in the literature class and within Belarusian studies in speech practice class.

80-Е. МИР СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА ОБЪЕКТИВОМ СЕРГЕЯ БОРИСОВА

Мартин Лизонь

Фотография – застывшее мгновение. Сознательно или случайно отобранный отрезок времени и пространства. Реальность или попытка убедить зрителя, что реальность именно такова, какой ее представляет фотография? Фотопленку ведь нельзя обмануть, она является зеркальным, хоть и перевернутым, отражением реальности. Образ, в данном случае, является продуктом физических и химических процессов, не вмешиваясь в которые, сохраняет тождество с отображаемым. Но неужели можно отождествить с реальностью листок бумаги, на котором черно-белые или цветные пятна организованы во что-то понятное, узнаваемое. Не представляет ли фотография уже совершенно другое, новое качество, новую реальность, которую рассматриваем в контексте решительно отличающемся от контекста ее создания?

Вступая в общение с произведениями фотоискусства (прежде всего с документальной фотографией) сталкиваемся с попыткой отождествить образ с реальностью, с исторической памятью, с тем историческим моментом, который фотографией запечатлен. Однако уже сама фотография является всего лишь крошечной частью отображаемой реальности. Вольфганг Вельш в этом отношении говорит об аистетике, сочетании эстетики (интереса, вовлечения) и анестезии (равнодушия, слепоты). Иначе говоря, (не)способности замечать тексты (образы, явления, звуки и пр.) из окружающей нас среды. Каждая фотография представляет собой новую реальность, которая требует прочтения, декодирования ее собственной знаковой системы. Происходит процесс, похожий на коммуникацию с любым другим видом искусства, который, все же, больше всего напоминает декодирование произведений живописи.

Фотография в свое время была попыткой заменить живопись, чем одновременно помогла его дальнейшему развитию. Удивительное сходство с источником, подлинным образом, в значительной степени определило ее функции. Известно, что первые фотографии отнюдь не считались искусством. Служили тем, чем раньше, более или менее успешно, занимались рисунок, графика или живопись, а именно иллюстрированием вербальных текстов, прежде всего в сфере науки. Тут можно вспомнить работы русского химика и ботаника, академика Юлия Федоровича Фрицше – одного из первых фотографов работающих в России. Тем не менее, уже к концу XIX века фотография освобождается от присужденной ей роли документалиста, приобретая статус самостоятельного искусства. Раньше доминирующие информативная и познавательная функции дополняют эстетическая, гедонистическая и коммуникативная. Период свободного от идеологического влияния развития искусства фотографии продолжался относительно коротко. Уже в 20-х гг. XX века складывается ситуация,

в которой определение фотографии как искусства довольно проблематично. Фотография наряду с другими видами искусства становится одним из средств всепоглащающего механизма советской пропаганды. Виктор Тупицын ставит под сомнение даже произведения великанов русской фотографии – Александра Родченко, Бориса Игнатовича или Елеазара Лангмана. «Будучи воспроизведенными на фотобумаге с оригинальных негативов, они имели смысл и как уникальные художественные объекты. Тем не менее, эти фотокадры не являлись "конечным творческим продуктом". Их качеством было то, во что — в соответствии с законами диалектики — переходило количество, измеряемое десятками тысяч журнальных и газетных репродукций». (8)

В 30-х годах стало ясно, что фотографии в иерархии искусств предназначена второстепенная роль. Она не обладала ни уникальностью, ни монументальностью архитектуры, скульптуры или живописи, ее увековечение, по сравнению с указанными видами искусства, оказалось неосуществимым. Вопреки тому ее роль была не маловажна. Хотя конкретные фотографии быстро заменяли другие, вместе с газетными статьями, лозунгами, радиопередачами и другим пропагандистским материалом создавали советскую реальность. «Фактографические практики (включая фоторепортаж и документальное кино) перерождались в мифографические,

приобщаясь к задачам "стабилизации референта, подчинению его такой точке зрения, которая наделяет его узнаваемым смыслом"». (8) В отличие от фотографов – конструктивистов, новые мифотворцы значительно упростили язык фотографии. Стали рассчитывать на заложенное в сознании людей восприятие визуальных текстов. Образ равен реальности. Фотографии вернули ее исходную роль – роль документалиста. Пространство, на котором проходил диалог между властью и народом, было словно заставлено мифографическим материалом, заменяющим реальность. Разрыв между реальной жизнью и реальностью представляемой текстами власти удалялся количеством. «Этой иллюзией, кстати, умело пользовались апологеты солярного мифа, считавшие, что для "победы" над реальным (контекстом) достаточно, во-первых, контролировать его репрезентацию, а во-вторых — сводить на нет сомнения в ее тотальности. Подобная подозрительность "излечивалась" и продолжает "излечиваться" гипнозом, в который нас погружает магия многотиражных повторов и итераций, а также — комплекс неполноценности перед большими цифрами, масштабами и расстояниями, выражающийся в неразличении между тем, чего много, и всем». (8)

Однако упрекать всех кумиров советской фотграфии в низком уровне их работ тоже нельзя. Обобщение бы, в таком случае, привело к несправедливой деградации всего художественного материала созданного в советское время. Притом, например фотографии Евгения Ананьевича Халдея – фотографа и военного корреспондента, несомненно эстетически ценные. Дело заключалось в том, что работы Халдея как и фотографии Родченко, Лангмана или Игнатовича не могли в советской культурной среде выступать вне предназначенного им контекста. Тот, с одной стороны - объяснял их значение, с другой – явно ограничивал их смысл. В итоге, работы Халдея и других советских фотографов часто воспринимались только в качестве документального материала, становясь символами лишь в контексте советского мифа.

Такова ситуация продолжалась в советской официальной культурной среде вплоть до объявления Горбачевым гласности. Неофициальная культура, формирующаяся с 50-х гг. развивалась, по сравнению с официальной культурой, в совершенно других условиях. Она стала попыткой продолжить, подавленную социалистической властью, культуру начала XX века, попыткой присоединения к художественному процессу запада. Вопреки данным стремлениям, фотография оставалась довольно долго в стороне от актуальных культурных событий. Пожалуй, единственным исключением были работы Франциско Инфантэ-Араны, представляющие собой сочетание фотоискусства и land-art. Лишь в 70-х гг. фотография частично приобретает потерянный статус. Этот подъем значения фотографии в 70-х гг. вызван новой формой презентации изобразительного искусства (перформансы), требующего запечатления на фотопленке. «В 70-х и 80-х годах некоторые из московских художников, в особенности члены перформансной группы "Коллективные действия" (КД), оказались вовлеченными в создание обширного фотографического досье, явившегося частью Московского Архива Нового Искусства (МАНИ) и направленного на документирование событий альтернативной художественной жизни. Среди них — Игорь Макаревич, Андрей Абрамов, Георгий Кизевальтер, Андрей Монастырский и — позднее — Сергей Волков, Андрей Ройтер и Мария Серебрякова, в той или иной степени примыкавшие к кругу МАНИ, а также "действовавшие в одиночку" Борис Михайлов, Владимир Куприянов, Валерий Щеколдин, Сергей Борисов, Игорь Мухин, Татьяна Либерман, Вита Буйвид, Галина Москалева, Сергей Кожемякин, Игорь Савченко, Сергей Леонтьев, Николай Бахарев, Владислав Михайлов и Василий Кравчук». (8)

Из сказанного ясно, что фотография даже в это время не переходит за границы документальности. Понятно, что перформансы снятые на фотопленку приобретают другое качество, тем не менее их роль в данном контексте фактографическая. Это во многом напоминает те функции, которые предназначались фотографии в официальной советской культурной среде. Вопреки тому, как утверждает Виктор Тупицын, цели которые фотографы – представители неофициальной культуры преследовали совершенно другие: «Неофактография характеризуется тем, что, в отличие от продукции "Октября" или РОПФа (Российское Объединение Пролетарских Фотографов), обслуживавших советский мейнстрим, неофактографы 70—80-х годов документировали альтернативную художественную активность. Более того, если фиксация происходившего в 20—30-х годах служит примером *фактографии*-

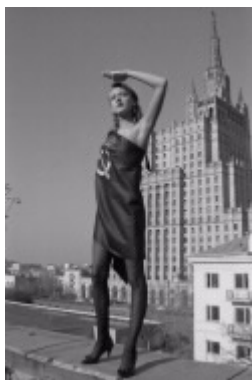
как-аффирмации (factography-as-affirmation), то неофактография, о которой здесь идет речь, это — фактография-как-сопротивление (factography-as-resistance). (8)

Среди упомянутых фотографов – одиночек, видное место в культурной жизни принадлежит Сергею Борисову, в работах которого встречаемся практически со всеми жанрами фотоискусства (портрет, фотодокумент, фотография как метафора (символ), фотография – концепт). «Борисову удалось создать портреты, или даже иконы эпохи, а это не так уж мало. Он остановил не просто летящие, а проносящиеся со скоростью света мгновения радикального катаклизма под названием «распад социально-экономической формации»». (5) Борисов показал новый, гуманистический взгляд на человека, максимально индивидуализировав его. «Борисова времен перестройки можно сравнить с Александром Родченко 1920-30-х годов: они оба вывели на сцену "нового человека". Но если у Родченко этот человек переместился в центр фотокадра прямо из цехов и сельских полей (не случайно его физкультурницы и ударники столь наивно простонародны), то у Борисова он – представитель плоть от плоти подпольной, художественной или рок-тусовки. Отщепенец и маргинал на фоне имперских городов». (5) Ему позировали художники – нонконформисты: Анатолий Зверев, Эдуард Штейнберг, Илья Кабаков, Влад Мамышев-Монро, Тимур Новиков; поэты: Евгений Рейн, Татьяна Щербина; музыканты: Виктор Цой, Олег Газманов, Жанна Агузарова, Борис Гребенщиков, Михаил Боярский; теоретики и критики искусства Виктор и Маргарита Тупицыны и многие другие личности, составляющие российский культурный слой конца тысячелетия.

Знаменитостью Борисов, понятно, не стал бы только благодаря этому. Отличительная черта творчества Борисова, его авторский стиль. Со своими моделями он работает создавая собственную картину мира, в которой культурные знаменитости, но и простые люди превращаются в арт-объекты, в актеров его театра. С их помощью строит собственные метафоры, одновременно раскрывая те черты своих героев, которые нельзя запечатлеть простому фотографу - наблюдателю.

В его творчестве немаловажное место принадлежит фоторепортажу, в котором реагирует на важнейшие моменты перестроечного времени. В этих работах заметно не только отражение результатов экономического кризиса, к которому привела государственная система управления советским хозяйством – фотография «*Очередь на Малой Грузинской*», но и решительный отказ от предложенного советской властью нового пути – фотография «*Перестройка и гласность*». Данная фотография - символ потерянной веры. Это образ химеры-реформы, осуществить которую нельзя не меняя притом коренным образом государственную систему. Тема дефицита в 80-х гг. встречается и в работах других фоторепортеров, среди которых надо упомянуть хоть бы Дмитрия Борко, Павла Маркина, Владимира Соколаева, Александра Щемляева и Александра Тягни-Рядно.

Дружба с художниками – нонконформистами и встречи в зале на Малой Грузинской и позже в его художественной мастерской «Студия 50А» в некоторой степени повлияли на, кажется, известнейшие работы Борисова «Дефиле», «Полет» и «Диалог». Эти работы несут в себе следы доминирующих в то время концептуализма и соц-арта. Фотографию «Дефиле» можно, не сомневаясь, отнести к соц-артовским произведениям.

Сочетание типичных для советской власти символов — сталинская высотка и государственный флаг с табуизированной в советское время эротикой, знаковый прием соц-артистов. Именно благодаря таким приемам соцартисты добивались разрушения до того незыблемого представления о советском обществе. Екатерина Андреева замечает, что эротика в работах западных художников, прежде всего поп-артистов, является проявлением несогласия, носит некий революционный оттенок. Однако если произведения поп-арта нацелены против культа массового потребления и эротическое в данном случае явно иронизируется (довольно часто встречается в работах Класа Ольденбурга), в фотографиях Борисова эротическое играет и другую роль. Оно служит средством раскрытия сути искусства социалистического реализма. По словам Екатерины Деготь, искусству социалистического реализма свойственна эротичность, которая проявляется в некоем наслаждении изобилием пропагандистских образов, наслаждением мифологическим материалом. Заменяя его откровенной эротичностью, Борисов продолжает традицию начатую соц-артистами. «Сегодня многие его задумки и находки, приемы и решения кажутся дешевой провокацией, салонным авангардизмом, календарной эстетикой. Но тогда обнаженная красавица в военных ботинках и с двумя утюгами в руках или модники в майках с советской символикой действительно были оригинальным ходом — и диагнозом складывавшейся постсоветской культуре, в которой было еще много неискоренимо советского». (5)

Если «Дефиле» близко соц-арту, то «Диалог» стоит наряду с произведениями концептуалистов писателей - Дмитрия Пригова, Тимура Кибирова, Льва Рубинштейна и художников — Ильи Кабакова, Ивана Чуйкова и группы Коллективные действия. Соппротивление здесь выражено сопоставлением горизонтального с вертикальным.

В классификации Владимира Паперного, горизонтальное это Культура 1 — дореволюционная, международная не замкнутая в идеологически сплоченном пространстве. Вертикальное это Культура 2 — значит культура послереволюционная, советская. В культуре 2 повсюду возникают непереходимые границы. «Строчки популярной в 30-е годы песни — «Эй, вратарь, готовься к бою, часовым ты поставлен у ворот, ты представь, что за тобою полоса пограничная идет» (слова из к/ф «Вратарь» слова В. Лебедева-Кумача) — довольно точно передают отношение культуры к границам». (4) «Диалог» это попытка преодоления разрушения границ.

Фотография «*Полет*» по своей сути очень близка работам Ильи Кабакова, находившего единственный путь освобождения от советской действительности в бегстве от нее, в смерти.

«И над этим уснувшим пейзажем вдруг влетает потерявшая земное тяготение фигура». (7) Несмотря на некоторое сходство «*Полета*» с работами Кабакова, надо отметить одно существенное различие. Оно заключается именно в том, какое восприятие фотографии сложилось в сознании советских жителей - фотография это реальность, это правда. Вторжение нереального в повседневную реальность нарушает это восприятие и ставит под сомнение любое отождествление образа с реальностью. Рождается новый миф, который все же нельзя отождествить с мифотворством социалистического реализма. Борисов не строит замкнутое «горизонтальное» пространство, наоборот, показывает возможности другого восприятия окружающего нас мира, доказывая, что фотография не простой документалист реалист а ее создатель.

Литература

- АНДРЕЕВА Е., Постмодернизм. Искусство второй половины XX - начала XXI века, Москва, Азбука-Классика, 2007
Деготь Е., *Искусство между букв*, Литературно-художественный альманах Личное дело №_, Москва, 1991
КУЛИК И., «Солидные мне неинтересны» in <http://azbuka.gif.ru/critics/solidnye/>
ПАПЕРНЫЙ В., *Культура Два*, Москва, Новое литературное обозрение, 1996
РОМЕР Ф., *Сергей Борисов "Люди и время"* in <http://www.timeout.ru/text/display/81218/>
САХАРОВ А. Н., *История России. С древнейших времен до начала XXI века*, Москва, Издательство Астрель, 2005
СОЛОВЬЕВ С., *Дефиле из подполья* in <http://azbuka.gif.ru/critics/defile/>
ТУПИЦЫН В., *Коммунальный (пост)модернизм*, Москва, Ad Marginem, 1998
WELSCH W., *Estetické myslenie*, Bratislava, Archa, 1993

Resumé

Príspevok si kladie za úlohu predstaviť tvorbu Sergeja Borisova, jednej z najvýraznejších postáv ruskej fotografie osemdesiatych rokov. V krátkom historickom exkurze poukazuje na typické znaky fotografie a odкрýva genézu jej vnímania v európskom a ruskom kontexte. Opierajúc sa o tieto poznatky, na základe vybraných diel analyzuje tvorbu Borisova a dokazuje jeho významné postavenie v okruhu predstaviteľov neoficiálneho umenia.

RECEPCIA DIELA A. SOLŽENICYN V RUSKU A NA SLOVENSKU

Viktoria Kniazkova (Sankt-Peterburg)

Na Slovensku i v Rusku je Alexander Solženicyn (1918 – 2008) známy predovšetkým svojou prvou publikovanou poviedkou *Jeden deň Ivana Denisoviča* a monumentálnym románom *Súostrovie Gulag*. Hoci Solženicyn napísal vyše štyridsať diel, práve tieto dve, venované problematike sovietskych pracovných táborov v období stalinizmu, sa stali poznávacími znakmi nielen celej tvorby a života ich autora, ale aj symbolmi doby. *Jeden deň Ivana Denisoviča* a *Súostrovie Gulag* predstavujú fenomén z hľadiska literárneho, historického i sociálno-politického. V našom príspevku sa budeme venovať hlavne prvej Solženicynovej poviedke, pretože práve ona je priamym odrazom recepcie tvorby autora doma i v zahraničí.

Keď sa v roku 1962 poviedka *Jeden deň Ivana Denisoviča* objavila v časopise *Новый мир*, stala sa skutočnou senzáciou literárneho i spoločenského života šesťdesiatych rokov v Sovietskom zväze i na Západe. Náklad 11. čísla časopisu *Новый мир* predstavoval 95 tisíc výtlačkov, ale záujem o poviedku ho značne prevyšoval. Už v roku 1963 poviedka vyšla v časopise *Роман-газета* nákladom 700 tisíc výtlačkov a knižne v počte 100 tisíc výtlačkov. Reakcia bola takmer okamžitá nielen v Sovietskom Zväze, ale aj v iných krajinách. Počas nasledujúcich dvoch rokov bolo prvotne A. Solženicyna v Sovietskom zväze venovaných viac než šesťdesiat recenzií a článkov [Кузьмин 1998: 7].

Príčin takejto obrovskej popularity je niekoľko. Jednou z nich je ideologická zmena v interpretácii historických udalostí po XX. Zjazde komunistickej strany (1956) známom vystúpením N. S. Chruščova *O kulte osobnosti a jeho následkoch* a po XXII. Zjazde (1961), na ktorom odznela ostrá kritika stalinizmu. Týmto sa začalo krátke obdobie relatívneho politického odmäku, umožňujúce A. Solženicynovi publikovanie svojich prác. Samotná téma jeho prvej poviedky bola veľmi páľčivá – išlo o prvú oficiálne vydanú pravdu o stalinskom pracovnom tábore. Preto väčšina ohlasov na Solženicynovu tvorbu tohto obdobia uvažuje predovšetkým o verejno-politickom význame tejto poviedky, menej o literárnom a takmer vôbec o jazykovom význame. Avšak práve pre svoju literárnu a jazykovú formu sa poviedka mohla stať natoľko úspešnou medzi čitateľmi a kritikmi vtedajšej doby a dodnes nestratiť svoju popularitu. Fakt, že pred vydaním diela meno Solženicyn nebolo známe, sa stal základom domnienky, že ide o prvé dielo tohto spisovateľa. Avšak ešte dávno pred uverejnením *Jedného dňa Ivana Denisoviča* existovalo niekoľko autorských redakcií románu *V kruhu prvom*, prvopis niekoľkých kapitol *Súostrovia Gulag* a iné práce. Dlhé roky Solženicyn písal tajne a dlhé roky veril, že jeho tvorba je dôležitá preto, aby sa zachovalo svedectvo o strašnej pravde, hoci nevedel, či sa dožije dňa, keď ho bude môcť publikovať. V čase vydania prvého diela bol teda A. Solženicyn už zrelý spisovateľ s vlastným pohľadom na dejiny a realitu, s vyvinutou literárnou a jazykovou koncepciou. O týchto aspektoch jeho tvorby budeme hovoriť neskôr. Teraz sa pozrieme na to, aké ohlasy malo Solženicynovo dielo v Rusku a v zahraničí, predovšetkým na Slovensku.

Keď sa A. Solženicyn odvážil priniesť svoju poviedku *Šč-854 (jeden deň jedného väzňa)* do redakcie časopisu *Новый мир*, nedostala sa hneď do rúk hlavného redaktora A. Tvardovského, ale čítali ju členovia redakcie, ktorí sa zhodli na tom, že poviedka je napísaná, so silným citom, presne, tak, že „veríš, že je to pravda. Ale ten uhol pohľadu: v tábore je všetko hrozné, ale aj vonku (v živote) je to hrozné. Komplikovaný prípad... nepomôže tu pravdepodobne žiadny predslov ani doslov“ [Банюков 1999: 8]. A. Tvardovskij sa o poviedke vyjadril takto: „Nič podobné som už dávno nečítal. Dobrý, čistý, veľký talent“, a rozhodol sa ju po niekoľkých úpravách publikovať [Банюков 1999: 7]. Pred uverejnením sa A. Tvardovskij stretol s N. Chruščovom, ktorý schválil jej vydanie so slovami, že „ide o životodarné dielo, rozvíjajúce závery XXII. Zjazdu. Poviedka by mohla byť škodlivá a nebezpečná, keby bola napísaná s menším talentom“ [Банюков 1999: 10]. *Jeden deň Ivana Denisoviča* vyvolal v sovietskej spoločnosti značný rozruch. Významní literárni kritici, spisovatelia, osobnosti verejného života – všetci sa nejakým spôsobom vyjadrili k tomuto dielu. Vo všetkých významných literárnych časopisoch (*Znamia*, *Okťabr*, *Zvezda*, *Neva*, *Literaturnaja gazeta*, *Ogoňok*, *Družba narodov*, *Literatura i žizn* a iné) boli uverejňované články venované *Jednému dňu Ivana Denisoviča*. Napriek tomu, že všetci dielu priznávali veľký politický a historický význam, vznikla ostrá polemika týkajúca sa jeho umeleckého významu. Polemika spočívala v podstate charakteru hlavného hrdinu – v tom, či

ide o predstaviteľa a pravdivý obraz celého ruského národa alebo o nereálnu postavu, ktorej chýba ideovosť, občianske myslenie a úsilie o odpor.

Začiatok šesťdesiatych rokov predstavoval pre A. Solženicyna veľkú zmenu. Stal sa známym nielen vo svojej vlasti ale i v zahraničí (o čom svedčia vydania takých emigrantských časopisov ako *Grani* a preklady *Jedného dňa Ivana Denisoviča*). Situácia v Sovietskom zväze však bola veľmi napätá a neistá. Obdobie politického uvoľnenia netrvalo dlho a po páde Chruščovovej vlády v roku 1964 sa takáto popularita stala pre A. Solženicyna veľmi nebezpečná.

Začiatkom roku 1963, niekoľko mesiacov po ruskom vydaní *Jedného dňa Ivana Denisoviča*, boli vydané preklady v Holandsku, Portugalsku, Švédsku, Švajčiarsku, Nemecku, Kórei, Dánsku, Španielsku, USA, na Islande, ďalej vo Fínsku, Maďarsku, Taliansku, Japonsku, Nórsku. Ani slovanské krajiny neboli výnimkou. Dva mesiace po uverejnení v Sovietskom zväze bola poviedka preložená do bulharčiny (preložil Vencel Rajčev, 1963), v Československu vyšiel český preklad (Sergej Machonin, 1963) a slovenský preklad (Ján Ferenčík, 1963). V Juhoslávii vyšli koncom toho istého roku srbské preklady troch poviedok (*Jeden deň Ivana Denisoviča*, *Matrionina chalupa*, *Príbeh na stanici Krečetovka*, ktoré preložili Zoran Žujović, Ana Grdan, Svetomir Durbič, 1963). Chorvátske a slovinské preklady *Jedného dňa Ivana Denisoviča* vyšli o niekoľko rokov neskôr (v roku 1971 a 1982). Do poľštiny bola najskôr preložená poviedka *Prípad na stanici Krečetovka*, uverejnená v časopise *Literatura radziecka*. *Jeden deň Ivana Denisoviča* vyšiel vo varšavskom týždenníku *Polityka* (názov časopisu už sám o sebe svedčí o povahe recepcie A. Solženicyna a jeho diela v Poľsku).

Dejiny výskumu a prekladov Solženicynových diel do slovenčiny sú odrazom vzájomného vzťahu dvoch slovanských národov: striedajúce sa obdobia povinného priateľstva, politického tlaku, slepeho nadšenia a nepriateľstva. Koncom päťdesiatych rokov 20. storočia následkom politického odmäku v Sovietskom zväze nastali v tomto vzťahu isté pozitívne zmeny. Český vedec M. Hrala píše: „Tehdy také vystoupila nová literární generace, která byla schopna svými nejvýraznějšími talenty (Aksjonov, Vesjolj, ale i Zoščenko, Vozněsenskiij) překrýt neblahou stopu právě uplynulého období a oživit zájem nejen o tzv. sovětskou klasiku, ale též o ruskou modernu a avatgardu. Politický i literární význam Solženicynův není třeba příliš připomínat, je samozřejmý“ [Hrala 2002: 236]. Aj tu sa dostáva do popredia predovšetkým politický význam Solženicynovho diela. Na Chruščovove reformy slovenská rusistická obec reagovala veľmi pohotovo. Objavili sa desiatky kníh už známych autorov (v reedíciách a častejšie v nových prekladoch), ale aj preklady nových diel. A do takejto situácie, charakteristickej pre celé šesťdesiate roky, prichádza preklad poviedky *Jeden deň Ivana Denisoviča*.

Neprišiel však hneď uceleným knižným vydaním, ale začiatkom roku 1963 vychádzal časopisecky. V *Slovenských pohľadoch* bola uverejnená celá poviedka na pokračovanie v prekladoch rôznych prekladateľov. Prvá časť poviedky vyšla v 1. čísle, ročníka 79, v preklade A. Vrbackého. Ďalej v 2. a 3. čísle časopisu bola uverejnená druhá a tretia časť poviedky v preklade M. Andráša. Úryvky z poviedky vyšli aj v týždenníkoch *Svet socializmu* a *Život*. Na uverejnenie diela A. Solženicyna v týchto týždenníkoch redakcia *Slovenských pohľadov* v čísle 2, ročník 79, v roku 1963 v rubrike *O čo ide* reagovala výčitkou, že išlo iba o „dobré vnadidlo na čitateľov po zvýšení ceny“, o „senzáciu, a nie uskutočnenie nejakého hlbokého, pravdivého a všestranného záujmu o sovietsku literatúru“ [Slovenské pohľady 1963]. Prvý úplný slovenský preklad *Jedného dňa Ivana Denisoviča* bol realizovaný Jánom Ferenčíkom a vyšiel knižne v roku 1963.

V šesťdesiatych rokoch bol v Československu značný záujem o osobnosť A. Solženicyna. Svedčia o tom slová úradníka Československého veľvyslanectva v Moskve povedané o A. Solženicynovi na jar roku 1965: „V Československu je to náš obľúbený spisovateľ, voláme ho „ruský Fučík“. Jeho popularita je veľmi veľká. My na veľvyslanectve to cítime, pretože na dostávame pre Solženicyna množstvo pozvaní do našej krajiny. Odovzdávame ich Zväzu spisovateľov a Spoločnosti priateľstva s ČSSR. Ale zvyčajne nám odpovedajú cez ministerstvo zahraničia, že Solženicyn je chorý, že má rakovinu a nemôže cestovať ďaleko z Riazane. Aká škoda, veď je to taký talentovaný spisovateľ“ [Медведев 1973: 49].

Uverejnenie prekladov Solženicynových diel v Československu vyvolalo množstvo ohlasov na stránkach novín a časopisov. Na Slovensku sa v rokoch 1963 – 1965 články o *Jednom dni Ivana Denisoviča* objavili takmer vo všetkých ústredných periodikách (*Slovenské pohľady*, *Život*, *Svet socializmu*, *Kultúrny život*, *Pravda*, *Učiteľské noviny*, *Východoslovenské noviny* a iné). Typickou črtou týchto príspevkov bol zvýšený záujem o politickú a ideologickú stránku diela a o autora ako verejno-

politickú osobnosť. Nielen že sa nevenovala pozornosť umeleckým kvalitám poviedky, ale popierala sa akákoľvek svojráznosť autorovho štýlu. Jedným z takých je článok M. Drozdu, v ktorom autor vyzdvihuje zásluhy spisovateľa „v publicistickej rehabilitácii nevinných“, ale zároveň píše: „Jeho próza neoslňuje nápadnými stylistickými prostriedkami, ani neobvyklými kompozičnými postupmi“ [Drozda 1964: 4]. Ďalším príkladom toho, ako politická senzácia môže zatieniť objektívnu analýzu umeleckej stránky diela, sú slová Z. Mátejovej: „Sila Solženicynovej knihy spočíva nielen v odhalení dôsledkov individualistických pokrivenín určitého obdobia budovania socializmu, ale vo vyzdvihnutí tvorivého optimizmu ľudí, ktorí bolestne tápali touto spoločenskou anomáliou, a predsa žili pre svoje miesto v budúcnosti. ...Odhládnuť od všetkých prínosov knihy vo smere ideovom, badať na umeleckom formovaní obsahu ešte určitú nedopracovanosť, ktorá na niektorých miestach knihy novinárskym, príliš reportážnym štýlom pôsobí dojmom emocionálnej nezúčastnenosti s čitateľom“ [Mátejová 1963: 4].

V prvej polovici šesťdesiatych rokov sa o A. Solženicynovej tvorbe v Rusku i na Slovensku uvažovalo podobne. Prvé obdobie výskumu Solženicynovho diela sa obmedzovalo iba na zdôrazňovanie politických a historických aspektov. Solženicynovmu veľmi svojráznemu jazyku a štýlu sa nevenovala takmer žiadna pozornosť.

Sľubne sa rozvíjajúce prekladateľské a editorské aktivity sa prudko zastavili po roku 1968. Pre slovenskú rusistiku to bola skutočná katastrofa. Počas obdobia normalizácie, keď oficiálna literárna politika a konjunkturálne preklady zatienili skutočne hodnotné sovietske práce, bolo meno A. Solženicyna takmer zabudnuté. V týchto rokoch nevyšiel ani jeden slovenský preklad jeho diela. V Rusku aj na Slovensku sa prestali publikovať akékoľvek články o jeho tvorbe. Od konca šesťdesiatych rokov, po zákaze publikovania Solženicynových diel a autorovom odchode do emigrácie, pokračovalo uverejňovanie jeho diel a ich výskum v západnej Európe a USA. Tak boli vydané Solženicynove významné romány *Rakovina*, *V kruhu prvom*, *Súostrovie Gulag* a ďalšie diela v parížskom vydavateľstve YMCA-PRESS. Vedecké monografie o Solženicynovej tvorbe vyšli vo Francúzsku (G. Nivat), Anglicku (Ž. A. Medvedev) a v USA (V. Carpovich). A. Červeňák poukazuje na to, že na Slovensku Solženicynove „práce obdobia emigrácie boli dostupné iba rusistom a odborníkom, preto nemohli ovplyvniť ani slovenských čitateľov, ani slovenských spisovateľov“ [Červeňák 1992: 60].

Po roku 1989 sa podmienky pre vydávanie ruskej literatúry zásadne zmenili. Padli politické zábrany, čo umožnilo vo veľmi krátkej dobe vydať preklady, dovtedy nezverejnené, ale pripravené už v minulých desaťročiach. Ide o slovenské preklady Solženicynových diel *Rakovina* (preložila Magda Takáčová) a *Súostrovie Gulag* (preložili Dušan Slobodník, Igor Slobodník, Elena Linzboothová), ktoré boli vytvorené už v sedemdesiatych rokoch, ale vyšli až v roku 1991.

Pokiaľ ide o slovenskú verejnosť, deväťdesiate roky priniesli zákonitý pokles záujmu o Rusko a jeho kultúru. Bol to pochopiteľný dôsledok štyridsaťročného „povinného“ priateľstva a rusistickej nadprodukcie.

Vedecká rusistika sa však snažila dobehnúť to, čo sa zameškalo v období normalizácie. Preto prvé sympóziu Asociácie rusistov Slovenska (po roku 1989) bolo venované práve tvorbe A. Solženicyna. Ako odznelo v úvodnom slove I. Slimáka, úlohou sympózia nebolo uzavrieť výskum tvorby tohto ruského spisovateľa, práve naopak – podnietiť jej výskum v budúcnosti [Slimák 1992: 9]. O vplyve poviedok, preložených v roku 1964 (*Matrionina chalupa*, *Príbeh na stanici Krečetovka* a *Vo vyššom záujme*), na slovenských spisovateľov konca 20. storočia A. Červeňák píše: „Sme hlboko presvedčení, že nové ideovo-estetické myslenie takých autorov ako P. Jaroš, I. Feldek, R. Sloboda, P. Vilikovský, L. Ballek ... sa formovalo v orbite pôsobenia „malého trypticha“ A. Solženicyna“ [Červeňák 1992: 59].

Začiatkom 21. storočia, keď sa Solženicynova tvorba stala dostupnou pre ruských čitateľov a bádateľov, vzniklo množstvo vedeckých prác, ktoré sa venovali už viac literárnej a jazykovej stránke diel (sú to práce N. M. Golubkova, L. V. Kirpikovej, V. V. Kuzmina, P. G. Palamarčuka, L. Rževského, G. P. Semionovej, P. E. Spivakovského, D. A. Šumilina, A. V. Urmanova, M. J. Žukovej a mnohých iných). Slovenskí čitatelia znovu upriamili pozornosť na ruskú literatúru, ale teraz ich zaujímali hlavne „temné zákutia“ minulosti Ruska. Opäť prichádza ďalšia vlna popularity Solženicynových diel zaoberajúcich sa problematikou gulagov a v roku 2003 vzniká nový slovenský preklad necenzurovaného originálu *Jedného dňa Ivana Denisoviča* z pera Oľgy Hirnerovej.

Ako je známe, verzia poviedky uverejnená v roku 1962 bola značne pozmenená cenzúrou. Pôvodná autorská verzia vyšla až v roku 1978 v parížskom vydavateľstve YMCA-PRESS. Práve túto verziu autor považoval za správnu (tak je to poznačené aj v samotnej publikácii). Príkladom textových zmien sú informácie o nepríjemných momentoch v dejinách komunistického Ruska. Takou je zmienka o veľkej škode spôsobenej poľnohospodárstvu organizáciou kolchozov, ktorá v publikácii z roku 1962 chýba.

<...> ничего так жалко не было за восемь лет, как этих ботинок. В одну кучу скинули, весной уж твои не будут [Солж. 1962: 12].

...ničoho mu za tých osem rokov nebolo tak ľúto ako tých bagančí. Na jednu hrbu ich nahádzali, na jar už tvoje nebudú [Solženicyn 1963: 14].

<...> ничего так жалко не было за восемь лет, как этих ботинок. В одну кучу скинули, весной уж твои не будут. **Точно, как лошадей в колхоз сгоняли** [Солж. 1978: 13].

Za celých osem rokov mu za ničím nebolo tak ľúto ako za tými bagančami. Všetky nahádzali na jednu kopu, na jar už veru jeho nebudú. Celkom ako keď kone zháňali do kolchozu [Solženicyn 2003: 12].

Vo verzii z roku 1962 sa nehovorí ani o tom, ako sa do väzenia dostávali všetci, ktorí sa vracali do vlasti z emigrácie:

А он вырос и самодумкой назад – в Эстонии институт кончать [Солж. 1962: 26].

Keď vyrástol, hybaj svojvoľne nazad, do Estónska, študovať inštitút [Solženicyn 1963: 44].

А он вырос и назад, дурандай, на родину, институт кончать. Тут его и взяли [Солж. 1978: 33].

No len čo vyrástol, zmyslel si hlupák, že sa vráti do vlasti a doštuduje techniku. A tam ho hneď zobrali [Solženicyn 2003: 41].

Keď analyzujeme dva preklady Solženicynovej poviedky, máme dočinenia nielen s odlišnými verziami originálu, ale aj s rôznymi prekladateľskými koncepciami. Tie sa týkajú predovšetkým jazykových riešení, ktoré sú pri preklade tvorby A. Solženicyna obzvlášť zložené. Solženicynov jazyk predstavuje svojrázny systém, v ktorom sa spájajú tradície ruskej klasickej literatúry a autorove reformátorské tendencie, predovšetkým snaha vrátiť ruskému národnému jazyku bohatstvá ľudovej slovesnosti. Spisovateľ sa snažil zbaviť ruštinu tých jazykových šablón, ktoré sa stali zaužívané v období socializmu, a ktoré boli najlepším prostriedkom na vyjadrenie stereotypných myšlienok. Jeho hlavnou snahou bolo znovuzrodenie jazyka ako prostriedku na vyjadrenie pravdy, z čoho vyplýva úsilie o zrealizovanie tohto premysleného jazykového programu v umeleckých dielach. A to sa mu dokonale podarilo. Práve preto mali jeho diela takú moc v období, keď vznikli, a práve preto sú dodnes obľúbené u ruských čitateľov.

Nie je potrebné pripomínať význam J. Ferenčíka v oblasti prekladateľskej teórie a praxe na Slovensku. Treba len upozorniť na to, že princípy slovenskej prekladateľskej školy, sformulované J. Ferenčíkom, sa v plnej miere odrazili aj v tomto preklade diela ruského spisovateľa. Z prekladateľských princípov a zásad, podrobne opísaných v knihe *Kontexty prekladu* [Ferenčík 1982], pre preklad *Jedného dňa Ivana Denisoviča* je zvlášť dôležitá zásada dobrej slovenčiny. Rozumie sa ňou, že „nenormované jazykové prvky možno používať len prísne funkčne a v rámci všeobecnej zrozumiteľnosti. Zároveň platí zásada uprednostňovať významovú totožnosť pred formálnou“ [Ferenčík 1982: 36 – 37]. Ďalej J. Ferenčík túto zásadu rozvíja o „pravidlo neprekladať regionálny dialekt originálu akýmkoľvek regionálnym dialektom slovenčiny... použiť štylizovaný dialekt vytvorený ad hoc... sociálny dialekt zas prekladať zodpovedajúcim sociálnym dialektom slovenčiny“ [Ferenčík 1982: 55]. V každom prípade však J. Ferenčík vyzdvihuje koncepcnosť, ktorá znamená systematickosť riešení v celom texte prekladu. Tieto zásady a princípy sú obzvlášť dôležité a zároveň problematické pri preklade Solženicynovej tvorby z hľadiska zvláštnosti jeho umeleckej reči.

Okrem toho, „za zdôraznením spomínaných princípov je aj istá reakcia na prekladateľskú stratégiu, prekladateľské riešenia Z. Jesenskej. Ide predovšetkým o jej preklad *Tichého Donu*, keď časť čitateľských ohlasov protestovala proti „turčiansky“ hovoriacim (a akoby v Turci sa pohybujúcim) donským kozákom. Diskusia o románe *Tichý Don* a okolo Zory Jesenskej mala iste svoj ideologický aspekt (naznačuje to aj E. Maliti v úvahách nad prekladateľskou tvorbou Zory Jesenskej)“ [Kusá 1999: 168]. Protikladnosť prekladateľských princípov J. Ferenčíka a Z. Jesenskej sa prejavila v plnej miere aj pri prekladaní Solženicynovho diela. Tak, nárečové prvky v *Jednom dni Ivana Denisoviča* slovenský prekladateľ nikdy nevyjadruje slovenskými dialektizmami, snaží sa len naznačiť ľudovú povahu reči hlavného hrdinu hovorovou lexikou alebo syntaxou:

В летошнем году заготовили одну соленую морковку – так и прошла баланда на чистой морковке с сентября до июня. А нонче – капуста черная. [Солж. 1978: 16]

Vlani nasolili samú mrkvu – a tak sa od septembra do júna varila žbrnda čistej mrkvy. Tohto roku naložili červenú kapustu. [Solženicyn 1963: 17]

Z. Jesenská v preklade Solženicynovej poviedky *Matrionina chalupa* bohato využíva slovenské nárečové slová:

<...> картофь необлупленная, или суп картонный <...> [Солж. 1963/1990: 118].

...švábočka v kožke, alebo švábovica... [Solženicyn 1964/2003: 12].

Podľa D. Kužela, prekladateľská koncepcia Z. Jesenskej je ideálnym riešením pre reprodukciu jazykových hodnôt A. Solženicyna, ktorý „s vášňou zberateľa zaznamenáva originálne výrazy a slovné spojenia z bohatej pokladnice ľudového jazyka. Tým pripravil svojim prekladateľom veľa bezsenných nocí, ťažko si predstaviť, že by to u nás preložil niekto iný ako Zora Jesenská“ [Kužel 1965: 4].

Prekladateľ Solženicynových textov z prostredia gulagu čelí aj ďalšiemu takmer neriešiteľnému problému – reči táborového väzňa, ktorá sa sformovala ako zvláštny sociolekt na vyjadrenie pomerov a vzťahov, fungujúcich v sovietskom pracovnom tábore. Nič podobné neexistuje v žiadnom inom jazyku, preto preklad tzv. táborového argotu sa stáva otázkou nielen prekladateľskej koncepcie, ale aj súdobej situácie v prijímajúcej kultúre.

Ako upozorňuje J. Ferenčík, „nespisovné prvky originálu často stavajú prekladateľa do neriešiteľnej situácie: regionálny dialekt sa prekladá zaužívanou formou, sociálne dialekty zas na Slovensku temer absentovali a – (i literárne) vlastne aj dnes temer absentujú“ [Kusá 1999: 169]. J. Ferenčík sa orientuje na normovanosť jazyka prekladu a zdôrazňuje nevyhnutnosť normujúceho a normovaného prístupu. „Faktom však ostáva, že keď Ferenčík začiatkom 80. rokov uvažuje takýmto spôsobom, súvisí to i so súdobými prekladanými textami. Ani z ruskej, ani z iných literatúr sa v ČSSR 70. rokov nevyberali na preklad také diela, ktoré by zámerne (a často výlučne) pracovali s jazykom mimo normy. Vybočenie z normy jednoducho znamenalo nebezpečenstvo, relativizáciu viery v absolútnosť akejkolvek – teda i jazykovej normy. Zdá sa, že práve tento aspekt si uvedomil Ferenčík, keď pri uvažovaní o funkcii editora v preklade upozorňuje, že tento musí „zodpovedne prehodnocovať“ váhu jednotlivých jazykových (hovorových, nárečových, slangových) výrazov, lebo má zodpovednosť z hľadiska vývinu jazyka (a formovania jazykového vedomia čitateľov) [Kusá 1999: 169].

Preto sa tak výrazne odlišuje koncepcia J. Ferenčíka od koncepcie O. Hirnerovej. Prvá spočíva v nahrádzaní ruských táborových argotizmov spisovnými slovenskými výrazmi alebo v prevzatí rusizmov, druhá sa vyznačuje tendenciou k slangovosti a adaptácii Solženicynovho jazyka reči súčasného slovenského čitateľa. Ako príklad uvádzame preklad argotizmov *кум* a *опер*, ktoré autor vysvetľuje takto: „Кум, опер – оперуполномоченный. Чекист, следящий за настроениями зэков, ведающий осведомительством и следственными делами. (Вероятно – от истинного значения по-русски: "кум" – состоящий в духовном родстве)“ [Солж. 1978: 121].

*– Здесь, ребята, закон – тайга. Но люди и здесь живут. В лагере вот кто **погибает**: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать.*

Насчет кума – это, конечно, он загнул. Те-то себя сберегают. Только бережение их – на чужой крови. [Солж. 1962: 9]

*„Chlapci, tuná je zákonem tajga. Ale aj tuná ľudia žijú. V tábore **skape** len ten, kto misky vylizuje, kto sa spolieha na maródku a kto donáša vyšetrujúcemu." To s tým donášaním, to pravda prestrelil. Tí sa udržia. Lenže udržia sa za cenu cudzej krvi.* [Solženicyn 1963: 7 – 8]

*– Здесь, ребята, закон – тайга. Но люди и здесь живут. В лагере вот кто **подыхает**: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать.*

Насчет кума – это, конечно, он загнул. Те-то себя сберегают. Только бережение их – на чужой крови. [Солж. 1978: 7 – 8]

*– Chlapci, tuná platí zákon tajgy, ale tí, čo sú ľudmi, môžu vyžiť. Poviem vám, kto v tábore **skape** – ten, kto vylizuje misky, kto sa zachraňuje na maródke a kto chodí donášať „strýčkovi“.*

Pokiaľ ide o donášačov, pravdaže, prehnal, akurát tí sa zachránia. Lenže za ich záchranu zaplatia vlastnou krvou iní. [Solženicyn 2003: 6]

Uvedený citát sa odlišuje v textoch z roku 1962 a 1978 slovesom *погибает/подыхает*, ktoré však vďaka silnej vnútornej štylistickej integrovanosti diela správne vycítil i prvý prekladateľ Solženicynovej poviedky. A tak v oboch prekladoch vidíme ako ekvivalent slovo *skape*. Argotizmy

кум / *onep* a s nimi logicky spojené sloveso *стучать*, v tomto prípade, ako aj v celom texte prekladu J. Ferenčíka nahrádzajú ekvivalenty *кум / onep* – *vyšetrujúci*, *стучать* – *donášať*. Na tomto mieste je zjavné nahradenie štylisticky príznakových lexém neutrálnymi ekvivalentmi. Inak je to v preklade O. Hirnerovej. Po prvé, pre každý prípad prekladateľka používa iné slovo, po druhé, jej ekvivalenty sú expresívnejšie. Pri prvej zmienke o *куме* O. Hirnerová uvádza prekladateľský okazionalizmus „*strýček*“ v úvodzovkách. Je to nepochybne vydarený preklad, pretože význam, ktorý obsahuje táto slovenská lexéma (protekciónárstvo na základe príbuzenského vzťahu) odráža základný význam ruského argotizmu. Na nasledujúcich stranách slovenská prekladateľka používa rôzne ekvivalenty: *начелник безопасности (strýček)* [Solženicyn 2003:10], *вышetrovateľ* [Solženicyn 2003: 111], *dozorca* [Solženicyn 2003: 25], *eštebák* [Solženicyn 2003:122].

Iným príkladom, vyjadrujúcim rozdielnosť prekladateľských koncepcií je slovo *карцер*:

С выводом на работу – это еще полкарцера, и горячее дадут, и задумываться некогда. Полный карцер – это когда без вывода [Солж. 1978: 10].

Карцер по práci — to nie je celý карцер: teplé jedlo dajú a na smutné myšlienky nieta času. Ozajstný карцер — to je карцер bez nástupu do práce [Solženicyn 1963: 10].

Баса popri robote je vlastne len polovičná, там dajú teplé jedlo a niet času na hlúpe myšlienky. Правá basa je, keď človek nechodí do práce [Solženicyn 2003: 9].

V úsilí odlíšiť sa od pôvodného textu, povedať niečo po svojom, priblížiť lexiku originálu súčasnej reči O. Hirnerová niekedy zanedbáva celkovú autorovu štylistiku. J. Ferenčík sa pridrižiava tradičných postupov, čo často vedie k lepšiemu výsledku:

Снаружи бригада вся в одних черных бушлатах и в номерах одинаковых, а внутри шибко неравно – ступеньками идет. [Солж. 1962: 13; 1978: 15]

Navonok mala celá brigáda rovnaké čierne bušlaty a rovnaké čísla, ale vo vnútri bola veľká nerovnosť – jestvovali stupne. [Solženicyn 1963: 16]

Navonok bola celá brigáda ako jeden, všetci mali čierne bušlaty, všetci mali čísla, ale medzi trestancami boli veľké hierarchické rozdiely. [Solženicyn 2003: 15]

Установку печки не оплатят [Солж. 1978: 60]

Postavenie pece nezaplatia [Solženicyn 1963: 72]

За инсталáciu pece nezaplatia... [Solženicyn 2003: 69]

<...> и мороз как будто совсем его не брал [Солж. 1978: 11].

...a mráz akoby sa ho ani nechytal [Solženicyn 1963: 11].

...akoby mráz preňho neexistoval [Solženicyn 2003: 10].

Но это были не серые эски, а твердые лагерные придурки <...> [Солж. 1978: 94].

Ale to neboli šediví trestanci, lež mocní táборовí poskoci... [Solženicyn 1963: 113].

Neboli to obyčajní trestanci, ale prominentní ulievači... [Solženicyn 2003: 109].

Lexémy ako *hierarchický*, *инсталация*, *existovať*, *prominentný* sa pociťujú ako nevhodné, čo je podmienené nielen štylistikou poviedky *Jeden deň Ivana Denisoviča*, ale aj individuálnym štýlom celej Solženicynovej tvorby, zamierenej na zbavovanie ruského jazyka všetkého cudzieho a návratu k tradícii ľudovej reči.

Pri skúmaní recepcie Solženicynových diel a ich slovenských prekladov treba mať na zreteli veľký časový odstup jednotlivých prekladov a hlavne radikálne zmeny, ktoré sa udiali v samotnom Rusku i na Slovensku, ako aj vo vzťahoch medzi týmito krajinami. Dva preklady jednej Solženicynovej poviedky svedčia o ceste, ktorou prešlo vnímanie celej spisovateľovej tvorby. Podľa D. Sabolovej „príčinou zastarávania prekladu nebude pravdepodobne meniaci sa jazyková norma, ale meniace sa poznanie o prekladanom diele... pri opakovanom preklade dochádza k ďalšiemu (hlbšiemu) začleňovaniu preloženého diela, pôvodne svojím spôsobom cudzorodého, do domácej kultúry. ...A predpokladáme, že práve na tejto ceste vývoja je viacnásobný preklad tým prostriedkom, ktorý tomuto zblížovaniu napomáha, a zároveň dôkazom toho, že takýto proces prebieha“ [Sabolová 1999: 159].

Poznámky

ČERVENÁK, A.: *Malý triptych A. Solženicyna*. In: A. I. Solženicyn v kontexte európskej literatúry. Zborník príspevkov zo sympózia o tvorbe A. I. Solženicyna. Bratislava, 1992. s. 50 – 60.

DROZDA, M.: *Jeden deň Ivana Denisoviča*. In: *Východoslovenské noviny*, 25.7.1964. s. 4.

- FERENČÍK, J.: *Kontexty prekladu*. Bratislava, 1982.
- HRALA, M.: *České preklady z ruské literatury*. In: Kapitoly z dějin českého prekladu. Praha, 2002.s. 185 – 241.
- KUSÁ, M.: *K východiskám prekladu nespisovnej lexiky*. In: Chiméra prekladania. Antológia slovenského myslenia o preklade. Bratislava, 1999. s. 167 – 174.
- MÁTEJOVÁ, Z.: *Vidieť ponad osobné krivdy presný cieľ*. In: Učiteľské noviny, 22.VIII. 1963, roč. XIII, č. 31-33, s. 4.
- SABOLOVÁ, D.: *Viacnásobný preklad a jeho funkcie v národnej kultúre*. In: Chiméra prekladania. Antológia slovenského myslenia o preklade. Bratislava, 1999. s. 158 – 162.
- SLIMÁK, I.: *Úvodné slovo*. In: A. I. Solženicyn v kontexte európskej literatúry. Zborník príspevkov zo sympózia o tvorbe A. I. Solženicyna. Bratislava, 1992. S. 123 – 134.
- SOLŽENICYN, A.: *Jeden deň Ivana Denisoviča*. Bratislava, 1963.
- SOLŽENICYN, A.: *Jeden deň Ivana Denisoviča*. Bratislava, 2003.
- SOLŽENICYN, A.: *Matrionina chalupa*. Bratislava, 2003.
- Slovenské pohľady, č. 2, roč. 79, 1963.
- ВАНЮКОВ, А.И.: «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына в литературной жизни 1960-х годов (Узел первый: 1962 – 1964) // А.И. Солженицын и русская культура. Межвузовский сборник научных трудов. Отв. ред. А.И. Ванюков. Саратов, 1999. – с. 7 – 20.
- КУЗЬМИН, В.В.: *Поэтика рассказов А.И. Солженицына*. Тверь, 1998.
- МЕДВЕДЕВ, Ж. А.: «Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича». Лондон, 1973.
- СОЛЖЕНИЦЫН, А. И.: *Один день Ивана Денисовича*. // Новый мир, № 11, 1962, с. 8 – 74.
- СОЛЖЕНИЦЫН, А. И.: *Один день Ивана Денисовича*. // Собрание сочинений в 20 тт. Т.3. – Вермонт-Париж, 1978. С. 7 – 122.
- СОЛЖЕНИЦЫН, А. И.: *Матренин двор*. // Рассказы. М., 1990. С. 112 – 146.
- Na ďalší výskum recepcie tvorby A. Solženicyna v Rusku:
- ВИНОКУР, Т.Г.: *О языке и стиле повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»* // Вопросы культуры речи, Вып.6., 1965, с. 16 – 32.
- ГОЛУБКОВ, Н.М.: *Александр Солженицын: перечитывая классику*. – М., 1999.
- ЖУКОВА, М.Ю.: «Языковое расширение» в творчестве Александра Солженицына. Tsukuba, 1999
- ПАЛАМАРЧУК, П.Г.: *Александр Солженицын: путеводитель*. М., 1991.
- РЖЕВСКИЙ, Л.: *Творец и подвиг: Очерки по творчеству А.Солженицына*. Франкфурт-на-Майне, 1986.
- СОЛЖЕНИЦЫН, А. И.: *Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни*. М., 1996.
- СПИВАКОВСКИЙ, П.Е.: *Полифоническая картина мира у Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына* // Между двумя юбилеями (1998 – 2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М, 2005.
- УРМАНОВ, А.В.: *Творчество Александра Солженицына*. М., 2004.
- ЧАЛМАЕВ, В.А.: *Александр Солженицын: Жизнь и творчество*. – М., 1994.

Perception of Solzhenitsyn's work in Slovakia and Russia

The article tells about appearing of the first Solzhenitsyn's works in Russia and the way they were accepted by the contemporaries. The analysis is concentrated first of all on the short-story *One Day in the Life of Ivan Denisovich* as the brightest example of the perception of Solzhenitsyn's work in Russia and abroad. The detailed information about Slovak translations of this short-story and their significance in the receiving culture is given in the article. Two different translation methods are compared in the article; and a conclusion about importance and necessity of a few translations of such works is made.

UMELÉ JAZYKY V MODERNEJ LITERATÚRE A ICH VZŤAH K JAZYKOM PRIRODZENÝM. VÝZNAMOTVORNÉ PRINCÍPY NABOKOVOVEJ „ZEMBLANČINY“ A BURGESSOVHO „NADSATU“

Marián Pčola (Praha)

„Když se Burgess setkal s Borgesem, mluvili spolu starou anglosaštinou.“
(M. Amis: *Na návštěvě u paní Nabokovové a jiná setkání*)¹

„...now the rustic clockwork shall work again, for I have the key.“
(V. Nabokov: *Pale Fire*)²

Ak sa zamyslíme nad pojmom *umelý jazyk* v literatúre, obvykle si predstavíme čosi ako protiklad k jazyku *prirodzenému*, autorský konštrukt vytvorený s určitým umeleckým zámerom. Zrejme nás pritom medzi prvými napadne Orwellov „newspeak“ (termín, ktorý sa stal aj v mimoliterárnej oblasti synonymom verbálneho produktu odlúštených, ideologicky zmechanizovaných – či len zmechanizovaných – spoločenských vzťahov), prípadne jazyky, ktorými komunikujú v čase i priestore vzdialení obyvatelia vedecko-fantastických literárnych svetov.

Ak uvažujeme nad možnými cieľmi, ktoré autor sleduje začlenením podobného jazyka do jazyka „prirodzeného“, už z vyššie uvedených príkladov môžeme vyvodiť, že väčšinou ide buď o umelecky expresívnu hyperbolizáciu spôsobov, akým jazyk ako komunikačné médium napomáha systematickému rozkladu samostatného myslenia hrdinov literárnych antiutópií (okrem „newspeaku“ môžeme pripomenúť matematicky vytvorený jazyk „ptydepe“ z hry *Výrozumění* Václava Havla³), alebo jednoducho o jeden z autorských spôsobov znázornenia exotickosti románového časopriestoru.⁴ Skúsme si teraz na dvoch konkrétnych príkladoch detailnejšie priblížiť niektoré možnosti a funkcie, ktoré môžu umelé jazyky v modernom prozaickom texte vykonávať.

Čitateľ próz Vladimíra Nabokova, ktorý má podobne ako sám autor záľubu v symbolike čísel, určite ocení, že v rovnakom roku, kedy sa na pultoch amerických kníhkupectiev objavuje prvé vydanie *Bledého ohňa* (t.j. v roku 1962), vychádza v Anglicku román s podobne oxymoricky ladeným názvom – *Clockwork Orange* (*Mechanický pomaranč*). Jeho autorom je v tej dobe ešte pomerne neznámy prozaik, literárny kritik, autor kníh z teoretickej lingvistiky, príležitostný filmový scenárista a skladateľ filmovej hudby Anthony Burgess.

Už pri zbežnom porovnaní oboch románov sa vyjaví neobvyklý spôsob, akým sa v nich narába s anglickým jazykom, pričom táto neobvyklosť sa vymyká i štylizáčnej ekvilibristike, na akú sme viac či menej pripravení pri stretnutí s experimentálnym prozaickým textom. Pri hlbšom ponore do týchto próz objavíme ďalšiu podobnosť – zjavné prelínanie minimálne dvoch kultúrno-rečových prostredí: anglosaského a slovanského, resp. ruského. Nejde tu však len o tradičné prieniky cudzojazyčných motívov do základného jazyka textu, ozvlášťujúce reč jednotlivých postáv. Tu sa táto cudzojazyčnosť (výstižnejšie je možno inojazyčnosť či „inakojazyčnosť“) podieľa nielen na celkovej štruktúrno-kompozičnej výstavbe textu, ale ovplyvňuje i jeho celkové pochopenie.

Tak môže mať čitateľ *Mechanického pomaranča* sprvoti dojem, že príbeh štvorice výrastkov je podávaný akýmsi podivne artikulujúcim ruským emigrantom, ktorý sa len nedávno usadil v anglojazyčnom prostredí a do ešte nedostatočne osvojenej reči vkladá výrazy a gramatické tvary z

¹ Amis 2006, s. 204.

² Nabokov 1962, s. 137.

³ Podrobný výpočet umelých jazykových konštruktov v českom literárnom prostredí uvádza napr. Petr Mareš (Mareš 2003, s. 47 – 60).

⁴ Aj antiutópie samozrejme neraz zobrazujú udalosti priestorovo a/alebo časovo vzdialené, ale použitie umelého jazyka tu má oveľa dôležitejšiu úlohu ako len názorné poukázanie na tento fakt. Jazyk poznačený utopistickými ideológiami vystupuje zároveň ako určité metonymické zastúpenie celkového „ovzdušia“ autorom vytváraného fiktívneho sveta.

materinského jazyka (jav známy ako „pidgin English“). Postupne si však začíname uvedomovať dôležitý paradox: angličtina, bohatá na slangové výrazy, je rozprávačom zjavne zvládnutá oveľa lepšie, ako by sa čakalo od začiatočníka. A naproti tomu formulácie zdanlivo preberané z ruštiny pôsobia akosi podozrivo. Pristáhoval, nevedomky vsúvajúci do angličtiny rusizmy v snahe prispôbiť ich gramatickým pravidlám angličtiny, by teoreticky mohol použiť slová ako „droogs“, „chelloveck“ alebo „choodesny“, ale určite by nepoužil slovo „bratchny“ v pejoratívnom význame „bastard“ (antonymum k pôvodnému ruskému „брачный“, t.j. „manželský“), ruské sloveso „видеть“ („vidieť“) v tvare „viddy“, substantívum „tolchok“ (úder, štuchanec) vo forme slovesa, ani sémanticky zhodné prívlastky „skorry“ a „quick“ v jednej vete (buď by použil ruský alebo anglický výraz).

Keďže dej tohto do istej miery dystopického románu sa odohráva v budúcnosti, v krajine, ktorá sčasti pripomína Veľkú Britániu, sčasti sovietske Rusko a jej hlavnými protagonistami je Alex (súčasne rozprávač príbehu) a jeho gang mladých výtržníkov, autor sa pokúsil o vytvorenie určitého umelého argotu budúcnosti. Ten nemal byť priamo prebratý z angličtiny ani iného prirodzeného jazyka – ako je známe, hovorové výrazy majú tendenciu pomerne rýchlo zastarávať – a mal zároveň zvukovo pripomínať každodennú reč z druhej strany železnej opony.⁵

Okrem častých kalkov z ruštiny⁶ v texte narážame na morfológicky podobné, homonymicky i paronymicky znejúce ruské a anglické výrazy radené vedľa seba.⁷ Vznikajú tak voľné asociácie, ktoré vytvárajú dojem etymologickej príbuznosti (napr. „his glazzies glazed“ vo význame „oči sa mu leskli“). Iné slová zas vznikli odtrhnutím koreňovej morfémy z pôvodného ruského slova: tak pôvodne ruské substantívum „человек“ („človek“) prechádza poangličtením v transliterácii „chelloveck“ až po konečný slovný amputát v podobe „veck“. Okrem toho nachádzame v texte viacero lexém, ktoré majú spoločný pôvod (ang. „minute“, rus. „минута“ – z lat. „minutus“), ktoré autor pretvára na akýsi foneticko-ortografický hybrid („minoota“ – výslovnosť ruská, transkripcia anglická). Konkrétne použitie a výsledná písomná podoba týchto jazykových prostriedkov sú pritom často podriadené ich zvukovej podobe. Preto je dôležité, aby čitateľ zobrazované udalosti nielen čítal, ale i „počúval“ – s výslovnosťnými odtieňmi i prízvukom samozrejme odlišnými od ruského štandardu, ale zároveň sa k nemu komickým spôsobom približujúcimi. (Hudobne nadaný Burgess sa vyžíva v používaní neobvyklých fonetických konštruktov, aj keď zjavne dáva prednosť tvarom, ktoré pre anglofónneho čitateľa nie sú až také krkolomné.) Tento moment pridáva prítlačivosť aj epizodám, ktoré by inak pôsobili pomerne banálne. Okrem toho sa v texte – podobne ako v *Bledom ohni*⁸ – tu a tam vyskytnú aj vyložene dadaisticko-morgensternovské pasáže, v ktorých nachádzame len minimálny sémantický podklad, o to viac však pôsobia na náš sluch.⁹

⁵ Bližšie k výrazovým prostriedkom Burgessovho „nadsatu“ v rámci porovnávania originálu a českého prekladu pozri: Dudek 1993, s. 12 alebo Doležalová 1996, s. 246 – 248.

⁶ Niektoré kalky v románe spôsobujú, že veta, ktorá by inak znela anglicky len vulgárne, vyvoláva v takejto podobe spolu s expresívnym i komický efekt („filthy old soomka“ znie oveľa nevinnejšie a vtipnejšie než tradičné „filthy old bag“).

⁷ Paronymické dvojice sa však v prípade potreby – najčastejšie ako sarkastický podtón rozprávačskej výpovede – objavujú aj v jednojazyčnom (takmer štandardne anglickom) variante rozprávačovho prejavu: „Great Music, it said, and Great Poetry would like quieten Modern Youth down and make Modern Youth more Civilized. *Civilized* my *syphilised* yarbles [kurzíva – M.P.]“ (Burgess 1963, s. 42).

⁸ Porovn. zemblanskú ľúbostnú báseň v „jambickej“ úprave, v ktorej pozorné oko (a ucho) čitateľa objaví stopy poangličtených ruských slov i (za)umne porušenej anglickej syntagmy („would have“ ako „wod gév“): „On ságaren werém tremkín tri stána / Verbálala wod gév ut trí phantána“ (Nabokov 1962, s. 108).

⁹ Takým je napríklad hneď v úvode „glosolalický“ prejav jedného zo štamgastov mliečneho baru Korova, bľabotajúceho v drogovom rauši: „Aristotle wishy washy works outing cyclamen get forficate smartish“ (Burgess 1963, s. 3). Komický efekt slov, ktoré samé o sebe zmysel majú, ale v danom spojení sú len eufonickým zhlukom hlások a slabík, je tu umocnený uvedením slova Aristotle – mena, ktoré by sa chcelo automaticky považovať za garanta hlbšieho zmyslu. Ale obzvlášť pôvabné je krátke včlenenie ďalšieho subštandardného jazyka do Alexovho líčenia stretnutia s dvomi mladými „ptitsami“ v obchode s gramoplatňami. Snáď anglický ani ruský klasik, ktorých mená sa tu objavujú, by nenamietali nič proti jemne parodickej hre s aliteračnými postupmi – ktoré mali koniec koncov sami v

Parodický kontrast k rozprávačovým neologizmom a okazionalizmom tvorí občasné začleňovanie archaizovaných vetných konštrukcií – v snahe znížiť ostražitosť svojich budúcich obetí,¹⁰ ale tiež pri parodickom oslovovaní čitateľa formulkou *Your Humble narrator*, vypožičanou u anglických klasikov. Takéto pasáže už zväčša neobsahujú štylistiku *nadsatu* – ukazujúc, že jeden i druhý spôsob jazykového prejavu hrdinu je vlastne len určitou formou jeho mimikry. (Kto v detstve nezažil slasť zistenia, že je možné vytvoriť si zašifrovaný jazyk, ktorému porozumie len úzky okruh vyvolených?)

Zemblančina, t.j. jazyk, ktorým sa hovorí v mysterióznej krajine Zembla z Nabokovovho románu *Bledý oheň*, je v porovnaní s Burgessovým *nadsatom* zastúpená v texte len veľmi sporadicky – tu a tam presakuje skrze prevažne bezchybnú Kinboteovu angličtinu, korenenú občasnými vsuvkami z francúzskeho jazyka. Okrem toho je jej etymológia¹¹ a funkčne významová stránka oveľa menej zreteľná – podobne ako je nejasná geografická poloha i miera fiktívnosti samotnej Zemby vo vzťahu k ostatným ontologickým rovinám románu.¹²

V románe *Mechanický pomaranč* aj v Nabokovovom *Bledom ohni* je charakter radikálnej odlišnosti jazyka hlavných hrdinov súčasne príčinou i následkom ich odcudzenia okoliu. Tak Kinbote ako aj Alex svoj jazykový kód nielen používajú, ale ním a v ňom doslova žijú,¹³ plne sa s ním identifikujú a nedokážu (a ani nechcú) sa z neho vymaniť. Táto identifikácia hrdinu s jeho jazykom zároveň nahrádza akékoľvek autorské charakteristiky – všetko čo o rozprávačoch vieme, dozvedáme sa skrze ich individualizovaný rečový prejav a kusé – štylizované ako všetko ostatné – autocharakteristiky. Rozdiel je ale v tom, že Alexov žargón je vymyslený ním samým a jeho kumpánmi – čitateľ má neraz pocit, že mnohé výrazy vznikajú priamo v procese reči (používajú sa nekonzistentne, jedna vec je v rôznych miestach označená rôznymi spôsobmi – resp. raz anglicky, inokedy „nadsatsky“ –, nejednotný je spôsob písania niektorých slov, naznačujú sa odlišnosti v ich výslovnosti a pod.) –, zatiaľ čo Kinbote používa materinský jazyk (ak teda prijmeme jeho verziu príbehu). Navyše Nabokovov rozprávač žije vlastne v dvojitej emigrácii: je utečencom z revolúciou zmietanej vlasti, ale navyše aj – pre narcistickú zahľadenosť do vlastnej osoby ako i z dôvodu nedokonalého povedomia o bežných amerických reáliách – utečencom zo spoločnosti, ktoré mu poskytlo azyl.¹⁴

Životný priestor, ktorý jazyk poskytuje asociálnemu Alexovi, je zas podmienený jeho zameraním takmer výhradne na telo a telesnosť (v *nadsate* takmer chýbajú abstraktné pojmy, zato hýri odkazmi na jednotlivé časti tela, telesné orgány a ich funkcie, polohy, grimasy a pod.) a zužuje sa o to viac, o čo sú ním používané slová zmyslovo konkrétnejšie. Preto hoci sa občas snaží vo svojich vnútorných monológoch (dialógoch s pomyselným čitateľom) rozvinúť súvislejšie úvahy na spôsob ospravedlnenia vlastného svetonázoru, tieto úvahy sa zadrhávajú pre nedostatok dostatočne zovšeobecňujúcich pojmov. Oproti Kinbotovmu kvetnatomu štýlu prekypujúcemu terminológiou z

oblúbe: „Who you gotten, bratty? What biggy, what only?” These young devotchkas had their own like way of govoreeting. ‘The Heaven Seventeen? Luke Sterne? Goggly Gogol?’ And both giggled, rocking and hippy.“ (Tamtiež, s. 43).

¹⁰ „I said in a very refined manner of speech, a real gentlemen's golos: ‘Pardon, madam, most sorry to disturb you, but my friend and me were out for a walk, and my friend has taken bad all of a sudden with a very troublesome turn, and he is out there on the road dead out and groaning. Would you have the goodness to let me use your telephone to telephone for an ambulance?’“ (Tamtiež, s. 20).

¹¹ Etymologické korene jednotlivých zemblanských slov – siahajúce údajne až k stredovekým severským ságam a staroislandčine – sa snaží vysledovať napr. Priscilla Meyerová v monografii *Find What the Sailor Has Hidden* (Meyer 1988, s. 103 – 116). Mnohé východiská i závery tejto práce – štýl ktorej Brian Boyd označuje za „extremely erratic“ a niektoré tvrdenia dokonca ako „dotty“ (Boyd 1999, s. 269, pozn. 9) – je však nutné brať s určitou rezervou.

¹² Jedno z možných členení jednotlivých románových rovín v schematickej podobe a s podrobnými komentármi k nim uvádza Pekka Tammi (Tammi 1985, s. 198n.), vlastnú verziu predkladá aj Michal Sýkora (Sýkora 2004, s. 96 – 121; táto štúdia vyšla aj samostatne v časopise *Svět literatury*, 1999, č. 18, s. 31 – 53).

¹³ Porovn. Sýkora 2004, s. 112.

¹⁴ Žije tak, ako poznamenáva M. Sýkora, v akomsi zmysluprázdnom vákuu („pomlčke“) medzi dvomi svetmi a jazykmi. – Tamtiež.

tých najšpecializovanejších oblastí ľudskej činnosti je tak Alexov žargón len akýmsi „protojazykom“, založeným na náhodných onomatopoických spojeniach,¹⁵ a nabokovovské napätie medzi „komickým“ a „kozmičným“¹⁶ tu nenachádzame.

V oboch románoch je silne prítomný s cudzojazyčnosťou (inakojazyčnosťou) bezprostredne súvisiaci motív jej interpretácie a prekladu. Kinbote túži vlastniť Shadeovu báseň nielen fyzicky, ale chce si privlastniť aj jej význam. Predstavuje tak učebnicový príklad nadinterpretácie – neustále „nachádzajúc“ v komentovanom texte odkazy na báju krajinu Zembla a jej slávneho kráľa, ktorým je – ako nám znovu a znovu nenápadne naznačuje – on sám (alebo je o tom aspoň presvedčený). V jeho podaní sa potom tragická, intímne lyrická spoveď básnika mení na pateticko-utopickú oslavu akejsi novodobej Atlantídy.¹⁷ To má zas evidentný súvis s jeho nemenej chorobnými prekladateľskými pokusmi zo zemblančiny do angličtiny a opačne. Keďže je však Kinbote rozprávačom tzv. nespoľahlivým, hoci zdanlivo vševediacim (vzniká tu ironické napätie medzi týmito dvomi polohami, pre Nabokova typické), nespoľahlivé a zavádzajúce sú i jeho preklady. Je preto výhradne na čitateľovi, aby si takto vznikajúce prázdne miesta v skladačke sám dopĺňal – nezabúdajúc pritom, že nové prázdne miesta vznikajú zároveň s tým, ako sa iné zaplňajú – a postupoval „v protismere“ voči zdanlivo ho navádzajúcemu rozprávačovi.¹⁸

Kinbote sa tak pripodobňuje iným dezinterpretátorom skutočnosti z predchádzajúcich Nabokovových románov – Humbertovi Humbertovi, ktorý v mladej Dolores nevidí človeka z mäsa a kostí, ale len akési metaforické zosobnenie vlastných estétsko-erotických predstáv, či hlavnému hrdinovi z *Lužinovej obrany* – považujúcemu ľudské *vzťahy* za *ťahy* na šachovnici.¹⁹ Práve tak i Kinbotea na svojom geniálnom susedovi a kolegovi priťahuje len to estetické (jeho báseň) a erotické (Shade ako idealizovaný objekt jeho homosexuálnych túžob). Každodenné starosti Shadea a jeho manželky, samovražda ich dospievajúcej dcéry a pod. ho nielen nechávajú chladným, ale sú mu v jeho artistných interpretáciách (textu i skutočnosti) len na obtiaž.

V *Mechanickom pomaranči* je táto téma rovnako silne prítomná – nachádzame tu však i odlišnosti. Tak na intratextovej úrovni má dezinterpretácia asymetrický, „jazykovo-skutočnostný“ ráz: postavy mimo Alexovu komunitu poväčšine nechápu jeho zašifrovaný jazyk, on zas nechápe ich manipulačné snahy voči svojej osobe. Čo sa týka interpretačných možností, ktoré románový jazyk poskytuje samotnému čitateľovi, nachádzame ich hneď niekoľko. Vysvetlivky k jednotlivým výrazom z rozprávačovho „zaumného“ jazyka sa občas objavajú – podobne ako u Kinbotea – priamo v zátvorkách. Častejšie sme ale nútení vyvodzovať, najprv bezprostredne denotatívne a následne i asociačne konotatívne, významy jednotlivých rečových prvkov výhradne z kontextu. Ten je v románe dvojaký: textovo-jazykový (predchádzajúce výpovede hrdinov, domýšľanie sa významov jednotlivých

¹⁵ Pôvodne ironicky objavnú slovnú hru medzi adjektívami „interior“ a „inferior“ v spojení „Minister of the Interior“ Alex opakuje tak často, až začne pripomínať detský blábot.

¹⁶ Porovn. Bodenstein 1977, s. 127n.

¹⁷ Názov Kinbotovej údajnej vlasti neodkazuje len k ruskému „земля“, ale i k anglickému „semblance“ – zdanie, iluzívny klam. Po poskladaní všetkých Kinboteových narážok do relatívne súdržnej stavebnice zisťujeme, že Zemblu nie je možné presne lokalizovať nielen geograficky, ale ani časovo (porovn. Boyd 1999, s. 90n).

¹⁸ Na metatextovej úrovni potom vidíme (ak teda apriórne nevylúčime legitimitu podobných uhlov pohľadu), ako môžu niektoré autorove názory na správny literárny preklad vplývať i na povahu fiktívneho „prekladania“ vnútri jeho románu. Ako je známe, paralelne s písaním *Bledého ohňa* Nabokov pracoval na preklade Puškinovho *Eugena Onegina* do angličtiny – doslova utopeného v gigantickom mori pridruženého poznámkového aparátu. Môže byť postava Kinbotea sčasti chápaná i ako paródia na nesprávne pochopenie autorom striktne presadzovanej doslovnosti v preklade poézie (t.j. doslovnosti na úkor zachovania rýmu a prozódie, zato kompenzovanej mimoriadne podrobnými komentármi)? Alebo je tu badať aj istý odtieň sebaaparódie?

¹⁹ Na druhej strane, chápanie postáv Humberta a Lolity ako určitého personifikujúceho vyjadrenia pokrivenej opozície „preklad“/„text“ či celého románu ako paródie na anglojazyčné preklady *Eugena Onegina* (porovn. Meyer 2007, s. 20n) pôsobia – napriek všetkým nájdeným „styčným bodom“ – pomerne absurdne. (Mimovoľne sa vnucuje prirovnanie ku Kinbotovým aktivitám na poli interpretácie Shadeovej poézie.) Ale na druhej strane, netvorí i toto zaplňanie prázdnych stránok nabokovovského textu občas kontroverznými „poznámkami pod čiarou“ súčasť rafinovaného autorského zámeru?

slov na základe celkovej skladby vety a pod.) a sprostredkovane situačný (vyvodzovanie na základe aktuálne rozohrávaných dejových epizód).

V prípade oboch románov ale konečný význam lexikálnych aj vetných celkov závisí v mnohom len od fantázie a intuitívnych asociácií samotného čitateľa. Nehovoriac už o tom, že zásadným pri porozumení takto jazykovo mnohoznačným textom je zdanlivo triviálny fakt – či ich čítame v origináli alebo v preklade, resp. či máme možnosť porovnávať preklad s originálom.²⁰ A samozrejme viac než len to, mnohé významové nuansy závisia od konkrétneho jazyka recipienta textu. Je zrejmé, že úplne inak bude rusizmy i „rusizmy“ (t.j. autorské neologizmy a okazionalizmy pripomínajúce ruštinu) vnímať čitateľ v anglofónnom a inak v slovanskom prostredí.²¹ Zároveň je otázne, ktorý z čitateľov môže mať z textu potenciálne väčší pôžitok – či ten ovládajúci ruštinu a príbuzné slovanské jazyky, zákonite inklinujúci skôr k akcentovaniu významovej stránky slov zvukovo podobných vlastnej materčine, alebo čitateľ ktorému slová ako „malenky“, „baboochka“ (*Mechanický pomaranč*), „Zembla“ či „Gradus“ (*Bledý oheň*) nič nehovoria, takže sa môže oddávať výhradne ich exoticky znejúcej melódii a rytmike.

Na rozdiel od významovo bohato členeného nabokovovského textu, v ktorom tvoria asociačné zvukovo-sémantické hry zemblančiny len jeden z mnohých, hoci dôležitých prvkov,²² Burgessov *Mechanický pomaranč* na podobných „hrách“ doslova stojí a padá. To však neznamená, že ak by sme si ich aj odmysleli a autorom vytvorený *nadsat* nahradili tradičnou angličtinou, zostala by len holá kostra príbehu, komixovo ladenej science-fiction s prvkami antiutópie. Žiadny takýto príbeh by totiž vzniknúť nemohol – je to práve tento jazyk, organicky vrastený do myslenia a konania rozprávača, kto je jeho neodmysliteľným hýbateľom. Práve on vo svojej klamlivej poetickosti – bohatej zvukovej a aliteráčnej výbave na úkor významovej plytkosti – neumožňuje hrdinovi až do samého záveru preniknúť za jeho *slastne stiesňujúce* (pomôžme si i my aliteráciou) hranice. Aj v tomto momente sa oba – poeticky samozrejme nezlučiteľné – romány prelínajú, naberajú charakter moderného mýtu. Hrdina blúdi jazykovým labyrintom vlastného textu a všetky „preklepy“ a „prešmyčky“, na ktoré cestou naráža, sú mu zároveň prekážkou i vyslobodením.

²⁰ Tak v ruštine existujú hneď dva odlišné preklady románu, pričom jeden zachováva burgessovské „rusizmy“ v takmer pôvodnom znení len s ruskými koncovkami (písané latinkou, takže sa vydeľujú zo zvyšku textu i graficky); druhý ich naopak nahrádza výrazmi angloamerického slangu, ktorý prenikol medzi veľkomestskú sovietsku mládež v 60. – 80. rokoch minulého storočia (s transliteráciou do azbuky). Preklady do slovenčiny a češtiny naopak predstavujú zmes najvšemožnejších výpožičiek z cudzích jazykov (v slovenskej verzii nachádzame okrem amerikanizmov, germanizmov a rusizmov dokonca aj čechizmy či rómske výrazy). Spoločným rysom týchto prekladov je, že v porovnaní s originálom pôsobia veľmi nepresvedčivo – Alexov prejav jednoducho neznie ako fiktívny slang budúcnosti. Zostáva ale otázkou, či je to – ako sa domnievajú autori vyššie uvedených recenzií na český preklad *Mechanického pomaranča* – spôsobené len nevhodne volenými lexikálnymi ekvivalentmi, alebo je Burgessov román do slovanských jazykov jednoducho nepreložiteľný. (K tomuto druhému názoru sa zrejme prikláňal Stanley Kubrick, keď si stanovil podmienku, že jeho filmová adaptácia románu sa môže v ruských kinách premietiť len v pôvodnom znení s titulkami.)

²¹ A aj vnútri slovanského areálu budú iste určité rozdiely. (Tak napr. Alexom hojne používané pejoratívum „kal“ má v slovenčine alebo češtine oveľa neutrálnejší odtieň než v ruštine.)

²² Na to že slovné kalambúry u Nabokova zďaleka nie sú založené len na voľných asociáciách upozorňuje napr. J. T. Lokrantzová, ktorá nachádza v Nabokovovom diele päť základných typov slovných hračiek (aluzívne, konektívne, tematické, ironické a ornamentálne) a priradzuje im konkrétnu funkciu v danom kontexte (porovn. Lokrantz 1973, s. 41 – 62). J. Bodenstein (Bodenstein 1977, s. 122 – 152) takýchto typov rozlišuje jedenásť a G. F. Rachimkulovová dokonca až trinásť (Rachimkulova 2003, s. 98 – 126).

Literatúra

Primárna literatúra

- BURGESS, A. *A CLOCKWORK ORANGE*. New York: W. W. Norton & Company, 1963.
BURGESS, A. *Mechanický pomaranč*. Prel. O. Kořínek. Bratislava: Ikar, 2004.
BURGESS, A. *Mechanický pomeranč*. Prel. L. Šenkyřík. Praha: Volvox Globator, 2002.
NABOKOV, V. *Pale Fire*. New York: G. P. Putnam, 1962.

Sekundárna literatúra

- AMIS, M. *Na návštěvě u paní Nabokovové a jiná setkání*. Praha: Volvox Globator, 2006.
BODENSTEIN, J. *The Excitement of Verbal Adventure. A Study of Vladimir Nabokov's English prose. Part I*. Heidelberg, 1977.
BOYD, B. *Nabokov's Pale Fire: the Magic of Artistic Discovery*. Princeton: Princeton University Press, 1999.
DOLEŽALOVÁ, P. „Vy gražny bračny...“ *Mechanický pomeranč Anthonyho Burgesse v českém překladu*. In *Čeština doma a ve světě*, 1996, č. 4, s. 246 – 248.
DUDEK, P. *Porouchaný mechanismus pomeranče*. In *Literární noviny* 4, 1993, č. 5, s. 12.
LOKRANTZ, J. T. *The underside of the weave. Some Stylistic Devices Used by Vladimir Nabokov*. Uppsala: Almqvist och Wiksell, 1973.
MAREŠ, P. „Also: nazdar!“: *aspekty textové vícejazyčnosti*. Praha: Karolinum, 2003.
MEYER, P. *Najdite, čto sprjatal matros: „Blednyj ogon“ Vladimira Nabokova*. Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije: 2007.
RACHIMKULOVA, G. F. *Olakrez Narcissa. Proza Vladimira Nabokova v zerkale jazykovoj igry*. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2003.
SÝKORA, M. *Vladimir Nabokov. „Americká“ témata*. Brno: Host, 2004.
TAMMI, P. *Problems of Nabokov's Poetics. A Narratological Analysis*. Helsinki, 1985

Summary

I tried to compare artificial literary languages contained in the two well-known 20th century novels (*Pale Fire* by V. Nabokov and *A Clockwork Orange* by A. Burgess), both of which are in a way embedded in two cultural areas – Anglo-Saxon and Slavonic. The problem of a foreign language (no matter if a "natural" or an "artificial" one) is closely connected with a problem of its translation – both inside and outside the fictional text. This question is also dealt with in the article. Much has already been written about Nabokov's stylistic approaches, as well as about the enigmatic novel itself. Therefore I focused almost entirely on the Zemblan language and its functional roles in the novel as compared with its counterpart – the *Clockwork Orange* teenage slang.

РОМАН ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ «МЕДЕЯ И ЕЕ ДЕТИ» - КАК КОНФРОНТАЦИЯ РАЗНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Юлия Кубиниова (Братислава)

Новая русская женская проза – явление сложное и динамичное. Еще в конце 1980-х – начале 90-х годов она преимущественно опробовала возможности малых литературных форм, пыталась реализовать себя в стужке их выразительных форм. Однако уже в середине 1990-х новая женская проза раздвигает границы своего понятийного и жанрового пространства.

Людмила Улицкая вошла в современную литературу как создатель нового женского романа. В отличие от других писательниц она никогда публично не возражает против рассмотрения ее творчества в рамках женской прозы. И тем не менее это был тот редкий в своем роде случай, когда и читатели, и критики единодушно отдали симпатии женскому роману. Роман Людмилы Улицкой «Медея и ее дети» раскрывает тему женского бытия, плотно вплетенного в исторический и культурный контекст сменяющих друг друга исторических эпох. В центре произведения стоит женщина, консолидирующая вокруг себя свою многочисленную семью. Большая часть ее жизни уже за плечами, и мы становимся свидетелями подведения итогов, предшествующему смерти героини. Медея размышляет над своей судьбой, не мыслимой вне связи с судьбой ее семьи. А размышления рассказчицы помогает осмыслению ей жизни в перспективе более широких исторических и культурных обобщений.

Улицкая выбрала для своей героини имя, которое несет многоуровневую культурную коннотацию, восходя к одной героине Коринфского эпоса Медеи. В произведении писательницы мифологизм становится тем инструментом, при помощи которого структурируется повествование. Автор вступает в игру с мифологическими образами и мотивами, такими как: хаос и космос; связь жизни и смерти; важность символов родственных связей и др. Одной из первых в современной русской женской литературе Улицкая предпринимает попытку отойти от культурных клише, пересмотреть традиционные интерпретации мифологических образов. Так, роман «Медея и ее дети», беря за основу античную мифологическую систему, разрушает его образную структуру и творит на его месте новый мир и новую реальность. Медея Улицкой лишена не только черт яростной царицы, но и потомства. Она не убивает своих сыновей, а собирает вокруг себя детей и внуков своих многочисленных братьев и сестер.

«Аппелируя к нарративной структуре бытового сказа – вполне традиционного жанра самовыражения женщины в культуре, и широкому полю символических значений, связанных с женщиной, а также определенным культурным знакам»¹, которыми в первую очередь являются имена героинь, Людмила Улицкая создает новый мономиф, центром которого становится женщина. Несмотря на то, что героиня активно участвует в общественной сфере (работает в больнице), ее работа упоминается автором как дополнительная информация к ее психологическому и нравственному портрету. Основная жизнь Медеи вращается вокруг ее дома и семьи – основных составляющих ее бытия. Это бытие и представляет собой символическую модель мира женщины, которую реконструирует писательница.

Рассмотрение образа Медеи Синопли невозможно вне античного мифа о Медеи из Колхиды. Имя царевны Медеи в истории и культуре слишком яркое. В одноименной трагедии Еврипида Медея предстает страстной и ревнивой женщиной. Ее гордость женщины, царевны, жрицы богини не в силах перенести нанесенного ей оскорбления, и она жестоко мстит своим обидчикам. Автор раскрывает и другую сторону ее образа, а именно как колдунью. Секреты магии Медеи открыли высшие силы, к божественному потомству которых она принадлежит. Она владеет знанием о лечебных травах, умением составлять яды и наносить удары мечом.

Все источники сходятся в том, что Медея принадлежит к потомкам бога Солнца Гелиоса, о чем свидетельствует ее лучистый взгляд. Однако в генеалогии Медеи есть свидетельства о том, что она является дочерью Гекаты, которая связывает мир живого и мертвого, олицетворяет мрак. Как ее единокровная приемница Медея обладает многими из свойств и черт своей покровительницы. Представленная в Коринфском эпосе простой смертной она вершит свой суд над людьми с бесжалостью богов, и боги признают за ней это право. Казалось бы, ее

должна постигнуть кара за убийство своих сыновей и за все злодеяния. Однако за все это она не наказана. Даже после своей смерти она оказывается на острове блаженных. Над ней не властны ни боги, ни рок, ни судьба. Она «из расы тех, кто судит и решает, не возвращаясь больше к принятым решениям»².

Что же общего у Медеи Синопли с древнегреческой царевной? На первый взгляд она ничем не напоминает свою знаменитую тезку. Связь между ними кроется в самой внутренней структуре мифа. Мифологический сюжет заложен в самой истории семьи Синопли: мать Медеи Матильда бежала из Батуми, чтобы выйти замуж за грека Георгия Синопли. Родившаяся на древнейшей земле, Медея была названа в честь своей Тифлийской тетки. Грузинское происхождение имени и вплетение его в греческий остов семьи также не выходит за рамки традиционного мифа. «Чистопородная гречанка в семье, поселившейся в незапамятные времена на родственных Элладе таврических берегах»³, Медея Синопли, как и ее славная тезка в Калхиде, кажется местным неземной. Гордая и непокорная красавица являясь одушевленной частью местного пейзажа. Работая фельдшером в местной больнице, она всю жизнь оказывает помощь людям. И не случайно местные жители в ее честь называют скалы, стоящие при входе в бухту.

В облике Медеи проступают черты античной богини – ипостаси Афины – Артемиды – Коры. Высокая стройная фигура, прекрасные рыжие волосы, горделивая осанка, классические черты сурового лица, немногословие, величавость. Она производит впечатление смотрящей сверху на происходящее внизу. Жизнь Медеи делится не три периода: 30 лет до замужества, двадцатилетняя жизнь с мужем Самуилом Мендесом и более чем тридцатилетнее вдовство. У героини романа нетрадиционные представления о смысле жизни женщины, «она не тяготится ни поздним девичеством, ни отсутствием детей, ни долгим ухаживанием за умирающим мужем, ни жизнью в одиночестве. Замужество не внесло никаких изменений в ее психологический портрет, она сохраняет целостность целомудрия Девы».⁴ Наступившее вдовство ей кажется прекраснее ее счастливого замужества, потому что в нем вновь обретает целостность Девы.

Глаза и взгляд Медеи Синопли выдают ее принадлежность к роду Гелиадов, но ее способность видеть в темноте, которая передается в семье Синопли по женской линии, восходит все же не к солнечному божеству, а к Гекате своей способностью различать суть явлений недоступных обычному глазу. Подобно Селене Медея видит все, происходящее в семье, но продолжает оставаться бесстрастным сторонним наблюдателем.

Медея Синопли обладает еще одним свойством своей предшественницы, она уверенно творит мистерии жизни и смерти. То, как она чистит раны своего мужа после операции, вымывая яды из его организма настоем из трав, которые сама собирала, ясно перекликается с эпизодом, когда Медея выпускала старую кровь из Эсона, отца Ясона и вливала в него живительный отвар, который должен был вернуть ему молодость. Одновременно храня верность своей подземной богине Медея воздает должное умершим. Потеряв отца и мать в 16 лет и оставшись с маленькими братьями и сестрами на руках, она не задумываясь тратит половину суммы денег, получившую от родственников, на мраморный крест своим родителям.

Несмотря на всю очевидность обладания Медеей Синопли чертами кровного сходства, знаниями и волшебными способностями, внутренней силой Медеи из Колхиды, она во всех смыслах является анти-Медеей. Образ новой Медеи призван гармонизировать хаос, восстановить равновесие, нарушаемое внешними силами политических, национальных и социальных факторов. Это и понял перед смертью ее муж Самуил. «Единственным человеком...живущим по какому-то своему закону, была его жена Медея. То тихое упрямство, с которым она растила детей, трудилась, молилась, соблюдала свои посты, оказалось не особенностью ее странного характера, а добровольно взятым на себя обязательством, исполнением давно отмененного всеми и повсюду закона».⁵ Внутренняя дисциплина, высокая требовательность к себе и верность пути христианской добродетели – это те принципы, которыми руководствуется Медея на протяжении всей своей жизни. «Ни античная монументальность, ни архаические черты ее образа не вступают в противоречие с ее искренней верой. В ней словно нашел воплощение дух Софийности, который стабилизирует, уравнивает национальную и религиозную разномастность семьи».⁶

Понятие «София» имеет одинаково важное значение и в античных, и в иудаистических, и в христианских мифологических представлениях. Впервые этот термин возникает в Греции и употребляется в качестве эпитета Афины в аспекте, касающемся упорядочения, строительства и ремесла. София – активное начало по отношению к миру, зодчий или плотник, созидаящая мир – дом. Огражденный от хаоса высокими стенами веры, воплощающий в себе символ обустроенного мира, этот дом является одним из центральных символов христианской Софии.

Внутренний мир героини романа – это дом Софии. И дом Медеи, своим расположением в Верхнем поселке, только усиливает эту символику.

Как мы могли наблюдать, образ Медеи Синопли воплощает в себе три ипостаси богини Геката/Медея – Артемида/Афина/Таврическая Дева - Афина/София. «Сближение столь разных по семантике мифологических персонажей и возможность воплощения их в образе одной женщины – новой Медеи, говорит о глубоком внутреннем единстве традиционно противопоставляемых женских начал.»⁷

Исследуя образ Медеи, необходимо пояснить кто же является ее детьми. Но для начала необходимо вернуться в историю древнейших очагов цивилизации. Многие источники сходятся во мнении, что Медея приходит в греческую мифологию из более древних культур, образовавшихся в пространстве Причерноморья.

Циркумпонтийская зона, по определению современных археологов, включает в себя обширные территории, кольцом прилегающие к Черному морю. Общие черты религиозных культур, сходные способы ведения хозяйства, обработки металлов, организации могильников и др. факторы позволило ученым высказать предположение о едином регионе, который связывал не протяжении нескольких тысячелетий в IV – II тыс. до н. э. культуры Малой Азии, Балкан, Северного Причерноморья и Закавказья. По мнению ученых область вокруг Черного моря – это место, где закладывалось будущее западной цивилизации. Проводимые исследования историков, лингвистов, археологов, антропологов свидетельствуют о широкой географии распространения племен, живших в этом регионе на территории Азии, Восточной, Центральной и Южной Европы, Балкан, Балтики и т.д.

Развитие и география расселения семьи Синопли позволяют нам предположить, что она повторяет путь, пройденный их предками. Автор рассказывает нам историю о жизни двух семей, судьбы которых исторически пересеклись в Крыму. Семья Медеи в то время проживала в Феодосии. Их дом своим описанием напоминал древнегреческий храм. Но постепенно терял четкость очертаний, разрастаясь террасами, пристройками и верандами, отвечая требованиям увеличенной семьи в первом десятилетие XX века. Тридцать лет пытался дед Медеи обзавестись наследником. Шесть детей умерло в младенчестве, и только седьмой сын Георгий, не только выжил, но и стал отцом 13 детей. Корнями своими семья уходит к древним правителям Микен и Итаки. Армянская семья Степанян, к которой принадлежит лучшая подруга Медеи Елена, переехала в Крым тоже из Грузии.

География распространения семьи Синопли складывается следующим образом: сестры Анеля и Настя живут в Тбилиси, Сандручка – в Москве. Из выживших в войнах братьев Федор поселяется в Ташкенте, Афанасий и Платон сначала живут в Софии, потом в Югославии, а затем их пути расходятся: Афанасий уходит странником в Грецию, а Платон переселяется в Марсель. Брат Дмитрий оказывается в Литве.

По мере того как носители греко-иранской цивилизации естественным образом распространяются по Евразии, идет обратный процесс насильственного переселения народов в Крым, проводимой политикой Советского Союза. После войны в Крым были перемещены переселенцы из Северного Кавказа, Сибири, Украины и других уголков СССР. Людмила Улицкая в своем романе назвала Крым «скромной сценической площадкой всемирной истории».⁸

Если рассмотрим происхождение фамилии Синопли, то выясним, что она восходит к названию древнейшего города Синопу. Через Синоп проходила древняя символическая граница между Европой и Азией, которая делила малую Азию на две области: западная часть считалась Малой Азией в Европе, а восточная – Азией. Как видим, уже в самой фамилии семьи зашифрована идея возможности сближения различных культур, религий и народностей.

Рассказчица прослеживает родословную Синопли до пятого колена.

В представлениях Медеи ничто не связывает семью крепче их общих черт. Соединение семьи обеспечивает общая кровь, а не национальные, региональные и социальные параметры. А дом Медеи приобретает в этом контексте особое символическое значение. Располагаясь на самом высоком месте поселка, он становится центром и вселенной огромной семьи.

Скромный образ жизни Медеи внушает почтение. Ее дом – это храм, внутренняя жизнь которого воспроизводит характер мистериальных практик. Никто из близких Медеи не собирается менять установленный ее домашний порядок. Каждый, кто переступил порог дома Медеи, соблюдает его строгие и необъяснимые законы: не входить в комнату Медеи, не ходить за водой после наступления темноты и др. Еще раз проводя параллель между мифом и ритуалом авторка нам объясняет, что «чем закон необъяснимей, тем и убедительней».⁹

«Сложная и многоуровневая структура символов, сопровождающая сюжетную и композиционную организацию текста как реконструкцию мифа служат определенной авторской задаче».¹⁰ Она может быть прочитана литературными исследователями по-разному. Однако в романе Улицкой «Медея и ее дети» отчетливо проводится идея о существовании общей для всех прародины на берегу общего моря – своеобразной протоиндоевропейской семьи, члены которой говорят на одном, общем для всех языке, участвуют в общих мистериальных культах.

⁹ Там же.С.36

¹⁰ Ровенская,Т.А..*Роман Л.Улицкой Медея и ее дети и повесть Л.Петрушевской Маленькая Грозная: опыт нового женского мифотворчества.*//Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.,2001.№2.С.155

Примечания

¹Ровенская, Т.А..*Роман Л.Улицкой Медея и ее дети и повесть Л.Петрушевской Маленькая Грозная: опыт нового женского мифотворчества.*//Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.,2001.№2.С.140

²Цит.по:Медея//Энциклопедия литературных героев.М.:Советская Энциклопедия,1998.С.265

³Улицкая, Л.: *Медея и ее дети.* М.: Вагриус, 1997.С.9

⁴ Ровенская,Т.А..*Роман Л.Улицкой Медея и ее дети и повесть Л.Петрушевской Маленькая Грозная: опыт нового женского мифотворчества.*//Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.,2001.№2. С.144-145

⁵Улицкая, Л.:*Медея и ее дети.*М.:Вагриус,1997.С.175

⁶ Ровенская,Т. А..*Роман Л.Улицкой Медея и ее дети и повесть Л.Петрушевской Маленькая Грозная: опыт нового женского мифотворчества.*//Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.,2001.№2.С.148

⁷ Там же.С.149

⁸Улицкая, Л.: *Медея и ее дети.* М.: Вагриус, 1997.С.10

⁹ Там же.С.36

¹⁰ Ровенская,Т. А.:*Роман Л.Улицкой Медея и ее дети и повесть Л.Петрушевской Маленькая Грозная: опыт нового женского мифотворчества.*//Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.,2001.№2.С.155

Литература

УЛИЦКАЯ, Л.: *Медея и ее дети.* М.:Вагриус,1997

РОВЕНСКАЯ Т.: *Роман Л.Улицкой Медея и ее дети и повесть Л.Петрушевской Маленькая Грозная: опыт нового женского мифотворчества.*//Адам и Ева.Альманах гендерной истории.М.,2001.№2.С.137-163

МЕЛЕТинский, Е.: *От мира к литературе.* М., 2000.

Энциклопедия литературных героев.М.: Советская Энциклопедия,1998.

Мифы народов мира: энциклопедия в 2-х т. М.: Советская Энциклопедия,1991.

Resumé

Na základe románu Ľudmily Ulickej *Medea a jej deti* sme v danom príspevku poukázali na konfrontáciu rôznych kultúrnych tradícií.

V románe Ľudmily Ulickej bol vytvorený nový monomýtus, centrom ktorého sa stáva žena koncentrujúca okolo seba svoju mnohopočetnú rodinu. Téma ženského bytia je pevne začlenená do historického a kultúrneho kontextu po sebe sa striedajúcich historických epoch.

Ulickaja vybrala pre svoju hrdinku meno, ktoré v sebe obsahuje mnohoúrovňovú kultúrnu konotáciu viažúcu sa na hrdinku korintského eposu Medea. My sme sa usilovali preskúmať vzťah medzi hrdinkou románu Medea Sinoplou a starogréckou kráľovnou, ktorá sa ukrýva v samotnej štruktúre mýtusu.

Vracajúc sa do histórie najstarších centier civilizácie si musíme uvedomiť, že Medea sa do gréckej mytológie dostala z ešte starších kultúr, ktoré vznikli v oblasti Čierneho mora. Ak budeme vychádzať z vedeckých zdrojov, môžeme predpokladať, že jestvoval jediný región, ktorý spájal počas niekoľkých tisícročí (4. až 2. tisícročie pred našim letopočtom) kultúry Malej Ázie, Balkán, severnú oblasť Čierneho mora a Zakavkazsko. Podľa názoru vedcov bola oblasť okolo Čierneho mora miestom, kde sa zrodili základy budúcej západnej civilizácie. Historické výskumy či už historikov, lingvistov alebo antropológov svedčia o širokom územnom rozšírení sa kmeňov, ktoré žili na území Ázie, východnej, strednej a južnej Európy, na Balkáne či v Pobaltsku.

Vývoj a usídľovanie sa rodiny Sinopli nás vedie k predpokladu, že opakuje cestu, ktorú prešli jej predkovia. A pri skúmaní pôvodu Sinoplinej rodiny sa dostávame k záveru, že súvisí s názvom starovekého mesta Sinop. Cez Sinop prechádzala dávna symbolická hranica medzi Európou a Áziou, ktorá delila Malú Áziu na dve oblasti – západnú časť pokladali za Malú Áziu v Európe a východnú za Áziu. Ako vidno, už v samotnom priezvisku rodiny je zašifrovaná idea možnosti zblíženia dvoch odlišných kultúr, náboženstiev a národností.

V závere konštatujeme, že v Ulickej románe *Medea a jej deti* sa očividne zjavuje myšlienka o existencii spoločnej prarodiny na brehu spoločného mora – akejsi proeurópskej rodiny, ktorej členovia hovoria spoločným jazykom a majú spoločnú kultúru.

O ZÁKLADNÝCH PRINCÍPOCH OPTIKY SERGEJA DOVLATOVA

Marta Kováčová (Banská Bystrica)

Dozaista nebudem ďaleko od pravdy, ak poviem, že jedným zo základných pocitov minulého storočia (a, žiaľ, nestrácajúceho sa ani v týchto dňoch), jednotlivca, ale aj spoločností – je zosilňujúci sa pocit absurdna.

Uplynulé storočie sa právom označuje ako storočie tzv. existenciálneho vákuumu¹, absurdna, keď veľa ľudí prežíva absolútnu neschopnosť nájsť v pozemskom jestvovaní nejaký pozitívny zmysel.

V úvodnom slove ku knihe *Ruské kvety zla* píše jej autor, Viktor Jerofejev, o 20. storočí ako o storočí zla. Celá ruská literatúra tohto obdobia bola odrazom tragických udalostí nielen v bývalom Sovietskom zväze, ale aj celosvetových katakliziem, aké predstavovali dve vojny. Napriek všetkému zostáva ruská literatúra filozofiou nádeje, duchovne bohatým priestorom, dedičstvom ruskej klasickej literatúry, známym gorkovským „человековедением“, o človeku a pre človeka. Aj v odkaze prózy Sergeja Dovlatova, ktorej venujem môj príspevok, rezonuje nielen to, čo súvisí s tzv. maličkým hrdinom a neprehliadnuteľnou pozornosťou Dovlatova k nemu, ale aj prvkami absurdna a paradoxu v tvorbe tohto významného predstaviteľa ruskej emigrantskej literatúry.

Meno Sergeja Dovlatova evokuje minimálne niekoľko atribútov: tretia vlna ruskej emigrácie, New-York, čechovovské: „краткость – сестра таланта“, výtvarné vlohy, bohémsky spôsob života, atď.

Sergej Dovlatov patril k tým spisovateľom bývalého Sovietskeho zväzu, ktorí sa rozhodli opustiť svoju vlasť a emigrovali, keďže doma nenašli to, čomu sa hovorí slobodný priestor pre tvorivosť. Spisovateľ žil od roku 1978 v Spojených štátoch amerických. Dlhých dvanásť rokov v ZSSR nemohla uzrieť svetlo sveta ani jedna z jeho kníh.

Boris Pasternak svojho času napísal:

Я лънул когда-то к беднякам
Не из возвышенного взгляда,
А потому, что только там
Шла жизнь без помпы и без парада.

„Жизнь без помпы и без парада“ bolo krédo Sergeja Dovlatova, ktorý, žartujúc, zvykol hovoriť: „От хорошей жизни писателями не становятся.“² . Sám Dovlatov o sebe povedal: „Я родился в не очень-то дружной семье. Посредственно учился в школе. Был отчислен из университета. Служил три года в лагерной охране. Писал рассказы, которые не мог опубликовать. Был вынужден покинуть родину. В Америке я так и не стал богатым или преуспевающим человеком. Мои дети неохотно говорят по-русски. Я неохотно говорю по-английски. В моем родном Ленинграде построили дамбу. В моем любимом Таллине происходит непонятно что. Жизнь коротка. Человек одинок. Надеюсь, все это достаточно грустно, чтобы я мог продолжать заниматься литературой...“

Dovlatov patrí k tzv. „deťom XX. zjazdu“, ktoré sa pokúsili prehovoriť ľudskou rečou. Hrdinovia Dovlatovových diel riešia častokrát problémy bezvýchodiskovosti, osamelosti, uvedomovania si vlastnej slabosti, vnútornej disharmónie, žijú v situáciách, kde je čosi absurdné, paradoxné – zložené, napriek tomu však nestrácajú zmysel pre humor.

Pozastavme sa pri slove „absurdum“. Latinské slovo absurdum znamená nezmysel, nemožnosť, hlúposť, dá sa povedať, že je to svet „naopak“ – antisvet. Pramene absurda sú založené v karnevalovej kultúre stredoveku.³

Svet v knihách Sergeja Dovlatova je neraz tragický a absurdný. Nerozvážnosť, šialenstvo, bláznovstvo sa stalo jeho prirodzenou súčasťou, a to, čo je normálne, pozitívne, sa dostalo na celkom opačnú stranu hodnôt. V medziludských vzťahoch vládne všetko možné, len nie to, čo je spojené s vyššie uvedenými pozitívami.

Hrdina Dovlatova si dáva otázku: Ako byť slobodným v podmienkach neslobodného sveta? Ako dosiahnuť slobodu ducha, slobodu tela, slobodu slova? Dostojevského Veľký inkvizítor hovorí, že ľudia nemajú radi slobodu a veľmi sa jej boja, v živote hľadajú oporu v podobe chleba, autority a zázraku. Hrdina Dovlatova sa dostáva z vonkajšej slobody do vnútornej neslobody. Kapitán Buš

formuluje tento jav slovami: slobodný nie je ten, kto bojuje proti režimu, nie ten, kto víťazí nad strachom. Slobodný je človek, ktorý nevie, že je neslobodný. U Dovlatova, možno povedať, že ruka v ruke idú častokrát paradox, absurdné s humorom, resp. humorná situácia je vymodelovaná prostredníctvom paradoxu a prvkov absurdna. Bogdan Dzemidok vo svojej práci *O komickom*⁴ spája pojem absurdna s takým druhom komického, akým je humor. Píše o tzv. absurdnom humore, domnieva sa, že práve táto estetická kategória komického prežíva svoje obdobie rozkvetu a v literatúre 20. storočia je svojráznym a charakteristickým javom.

Absurdno závisí v rovnakej miere od človeka aj od sveta. V *Zóne* Dovlatov napísal: „*Моя сознательная жизнь была дорогой к вершинам банальности. Ценой огромных жертв я понял то, что мне внушали с детства. Тысячу раз я слышал: главное в браке — общность духовных интересов. Тысячу раз отвечал: путь к добродетели лежит через уродство. Понадобилось двадцать лет, чтобы усвоить внушаемую мне банальность.*” Dovlatovov zborník poviedok *Zóna* je obrazom sveta, v ktorom vládne krutosť a násilie. „*Мир, в который я попал, был ужасен. В этом мире убивали за пачку чая*”. *Zóna* sú zápisky dozorca o živote v nenormálnom prostredí. Poviedky vznikli v roku 1964, v čase, keď sa už vedelo o Šalamovovi aj Solženicynovi. *Zóna* je modelom sveta, štátu a medziľudských vzťahov v ňom, je priestorom, kde vládne paradox a protiklady. Absurdné zrovnoprávňuje dobro a zlo, väzňa aj jeho väzniteľa. Väzniteľ je taká istá obeť okolností, ako aj jeho obeť – väzeň.

Hlavný hrdina „*Иной жизни*“ Sergeja Dovlatova – filológ Krasnoperov odchádza do Francúzska, aby tam pracoval s archívami Bunina. Priezvisko Krasnoperov v Rusku je také zriedkavé ako napr. Persikov, Deboširin. Dovlatova vždy znepokojovala otázka priezvisk: prečo je napr. Rubašnikovcov veľa a napr. Briučnikovcov len zopár? Dovlatov dáva svojim hrdinom zriedkavé a čoraz beznámejšie priezviská: Chaudjudujev, Gudbajev a i.

V Dovlatovovom príbehu o „*Иной жизни*“ možno hovoriť od začiatku o absurdnosti: Letci pijú gin v bare na letisku, letuška, ležiac na ležadle, číta Mumu, pasažieri niečo zašívajú, hrajú karty a ticho spievajú. Krasnoperov sa dostáva do sveta, kde sotva možno hovoriť o jestvovaní logiky, práve naopak: dostáva sa do „antisvetu“, nepochopiteľného neporiadku vecí a vzťahov, kde napr. dievčina kráčajúca po moste s kyticou kvetov (už ony sami osebe signalizujú život, nie smrť) zrazu skáče do vody. Policajt, ktorý tadiaľ prechádza, síce sprvoti prudko zabrzdí, ale vzápätí si len zašnúruje šnúрку na topánke a celkom pokojne odchádza; druhá – dobrovoľná a pre čitateľa skutočne absurdná samovražda: keď sa neznámy muž obesí pred jeho očami na konári z javora (predtým naňho čosi po švédsky zakričí a akoby len tak, mimochodom, mávne pred samotným hrozným skutkom rukou), a tretí prípad: keď mladý človek športového typu z ničoho nič skáče z tretieho poschodia priamo dolu hlavou, aby skončil so životom. Nikto z okolia na smrť nereaguje, kapitola sa bez vysvetlenia končí. Na malej ploche textu – podobne ako napr. u Daniila Charmsa alebo majstra miniatúry Genricha Sapgira – sa odohrajú absurdné situácie, ktoré sú v konečnom dôsledku len akousi – nazvime to – introdukčnou situáciou, premisou pre ďalšie sujetové postupy.

Dovlatov niekedy nazýva svet absurdným a niekedy normálnym, ako to poznamenáva v úvode k 1. časti zborníka Andrej Ariev. Podľa Dovlatova je ľudský život absurdný, ak je svetový poriadok normálny. „*Но и сам мир абсурден, если подчинен норме, утратил качество изначального хаоса.*“ – píše ďalej autor úvodných slov k zborníku.

Poetika Dovlatovovej tvorby sa vytvára ako harmonický výsledok niekoľkých úrovní. Ide predovšetkým o jemný humor, ale aj o dovlatovovský lyrizmus, ktorý je neprehliadnuteľný na stránkach jeho poviedok. On sám o sebe hovoril, že sa ani tak necíti byť spisovateľom ako „*рассказчиком*“.

Spisovateľ Sergej Dovlatov sa nepochybne svojím dielom rozhodol demaskovať to, čo sám považoval za prekážku v komunikácii človeka s človekom, a dozaista aj v komunikácii krajín, ktoré sú navzájom od seba vzdialené tisíce kilometrov – tak, ako to bolo v jeho prípade.

Lev Nikolajevič Tolstoj hovorieval: „*Всё, что человек сделает для другого, к нему вернётся*“ a Dovlatov, nadväzujúc na neho: „*Что отдал – твоё*“. V tomto duchu spisovateľ žil a viedol dialóg so životom, ktorý v jeho prípade – svedectvom je samotná tvorba tohto nonkonformistu – býval kruto absurdný, nezmyselný a neraz ho tlačil do úzkej uličky. A bol to práve Dovlatovovi vlastný humor, ktorý – nech by to bolo bývalo akokoľvek paradoxné – mu pomáhal nájsť ono prepotrebné svetlo na konci tunela...

Sergej Dovlatov zomrel 24. augusta 1990 v NewYorku na následky srdcovej slabosti. Je pochovaný na židovskom cintoríne Mount Hebron.

Prečo dnes Sergej Dovlatov? Dovolím si citovať pána profesora Červeňáka, ktorý vo svojej knižke *Ruská literatúra v súčasnom svete* napísal: „Tri optiky, tri sudičky stoja pri narodení literatúry (ale aj človeka) – Včerajšok, Dnešok a Zajtrajšok – a od toho, čo im dajú do vienka, závisí ich Bytie v Čase. Mnoho diel ruskej literatúry včerajška vchádza do dneška a vojde aj do zajtrajška. Koľko ich bude a ktoré to budú, rozhodne Sudca (recipient, literárny vedec, módný trend) – Čas v čase, resp. nečase pre hodnoty, ktoré sú v nich obsiahnuté“.⁵

Básnik Josif Brodskij, nositeľ Nobelovej ceny za literatúru z roku 1987, o Sergejovi Dovlatovovi napísal: „Читать его легко. Он как бы не требует к себе внимания, не настаивает на своих умозаключениях или наблюдениях над человеческой природой, не навязывает себя читателю. Я проглатывал его книги в среднем за три–четыре часа непрерывного чтения: потому что именно от этой ненавязчивости его тона трудно было оторваться. Неизменная реакция на его рассказы и повести – признательность за отсутствие претензий, за трезвый взгляд на вещи, за эту негромкую музыку здравого смысла, звучащую в любом его абзаце. Тон его речи воспитывает в читателе сдержанность и действует отвлекающе: вы становитесь им, и это лучшая терапия, которая может быть предложена современнику, не говоря – потому“.⁶

Poznámky

¹Autorom danej myšlienky je Viktor Frankl (1905-1997) – rakúsky neurológ a psychiater, autor myšlienky, na ktorej založil a prepracoval svoju psychoterapeutickú koncepciu : Človek je bytosť hľadájúca zmysel (logos). Život je potenciálne zmysluplný za akýchkoľvek podmienok.

V.E. Frankl prežil Osvienčim, Dachau a Terezín, jeho príbuzní zahynuli v týchto koncentračných táboroch. Napriek životným tragédiám Frankl nestratil zmysel života a zachoval si schopnosť vnímať život cez jeho pozitíva, ku ktorým priradil humor. K jeho najznámejším prácam patrí kniha pod názvom *Napriek všetkému povedať životu áno*, ktorú písal v čase svojho väzenia v táboroch. Knihu niekoľkokrát zničili, po vojne sa mu ju však podarilo spamäti zrekonštruovať.

² DOVLATOV, S.: *Sobranije sočinenij*. T. 1. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2000, s. 13.

³Porov. BACHTIN, M. M.: *François Rabelais a lidová kultura středověku a renesance*. Praha: Argo 2007, s. 9 – 70.

⁴DZIEMIDOK, B.: *The comical: A Philosophical Analysis*. London 1993, 207 s.

⁵ČERVEŇÁK, A.: *Ruská literatúra v súčasnom svete*. Nitra – Bratislava 2005, s. 32.

⁶ DOVLATOV, S.: *Sobr. soč.*, t. 1, Sankt-Peterburg, 2000, s. 14.

Literatúra

BACHTIN, M. M.: *François Rabelais a lidová kultura středověku a renesance*. Praha: Argo 2007, s. 9-70.

ČERVEŇÁK, A.: *Ruská literatúra v súčasnom svete*. Nitra – Bratislava 2005, s.32

DOVLATOV, S.: *Sobranije sočinenij*. 4 toma. Sankt-Peterburg, 2000. RASSADIN, S.: *Sovetskaja literatura. Pobežd'onnyje, pobediteli*. Moskva 2006, 367 s.

Tradície a perspektívy rusistiky. Традиции и перспективы русистики. Bratislava: Univerzita Komenského, 2003, 383 s.

Резюме

Автор статьи уделяет внимание творчеству известного русского представителя эмигрантской литературы Сергея Довлатова. Его произведения пронизаны юмором и иронией, отмечены своеобразным артистизмом, изысканной простотой и легкостью стиля. Статья уделяет внимание прежде всего элементам иронии и абсурда в творчестве С. Довлатова.

IDEOLOGICKÁ PODMIENENOSŤ RECEPCIE WILLIAMA SAROYANA NA SLOVENSKU

Ľubica Brenkusová (Banská Bystrica)

Sú autori, ktorí sa do dejín svetovej literatúry zapísali tým, že vlastné životné osudy či osudy priamych predkov ich predurčili k tomu, aby sa stali pars pro totum akousi miniatúrou či personifikáciou križovatky dvoch rozdielnych kultúr. Zväčša ide o autorov, ktorí sa dobrovoľne či nedobrovoľne, pod vplyvom nepriaznivých podmienok, museli vzdať svojej vlasti a nájsť si nové miesto v novej krajine, v ktorej museli čeliť okrem jazykovej bariéry aj mnohým kultúrnym, náboženským, rasovým a iným predsudkom zo strany majoritnej populácie. Písané slovo sa pre takýchto autorov stalo spôsobom vyrovnávania sa s realitou, ako aj s minulosťou svojich predkov; spôsobom, akým sa vracali ku svojim koreňom, hodnotám a tradíciám, ktoré ich formovali.

Jedným z takýchto autorov je aj americký autor arménskeho pôvodu, **William Saroyan (1908-1981)**. Cieľom nášho príspevku je na pozadí tematickej a formálnej koncepcie jeho diel predstaviť Saroyana ako reprezentanta dvoch, v mnohom protichodných kultúr – východnej (arménskej) a západnej (americkej), ako aj poukázať na ideologickú podmienenosť jeho recepcie na Slovensku v závislosti od dobového politického diania v Československu v čase, keď bola krajina pod mocenským (politickým i kultúrnym) vplyvom socialistického Sovietskeho zväzu.

Aj keď je charakteristickým znakom tvorby Williama Saroyana večný optimizmus, oslava života a istá impresionistickosť v spôsobe zobrazovania reality, jeho súkromný život bol poznačený utrpením vyplývajúcim z tragických životných okolností. Narodil sa do rodiny arménskeho imigranta, presbyteriánskeho kňaza, ktorý sa prisťahoval do Kalifornie v roku 1905. Keď mal William 3 roky, jeho otec zomrel a deti umiestnili do sirotinca, kde strávili 6 rokov. Inšpirovaný prácami svojho otca sa William rozhodol stať spisovateľom. Formálne vzdelávanie ukončil ako 15-ročný; potom sa živil príležitostnými prácami a popri tom písal krátke prózy. Jeho prvotiny vyšli pod pseudonymom Sirak Goryan v časopise arménskych imigrantov *Hairenik* a v *The Overland Monthly* a prvé zbierky poviedok mu vyšli v 30-tych rokoch. Jeho prózy majú často autobiografický charakter, v mnohých z nich sa vracia do svojho detstva a prostredia arménskych imigrantov. Ku svojim koreňom sa však nevracal len vo forme písomných spomienok. Európu navštívil niekoľkokrát; z hľadiska úvah o hľadaní vlastných koreňov a identity je dôležitá návšteva v roku 1935, keď navštívil okrem západných metropol (Londýn, Paríž) aj Moskvu a Jerevan a nadviazal tu dôležité literárne kontakty, ktoré okrem iného neskôr vyústili do produkcie niekoľkých divadelných hier na európskych divadelných scénach (*The London Comedy*, *Settled Out of Court* – obe v roku 1959). Azda najvýraznejším symbolickým gestom vyjadrujúcim Saroyanovu príslušnosť k obom kultúrnym tradíciám je jeho posledné pranie – aby polovicu jeho popola uchovali v Spojených štátoch a polovicu v Arménsku.

Slovenský literárny kritik Emil Lehuta vyjadruje Saroyanovu „dvojdomovosť“ nasledovne: „Saroyan je ako keby kronikárom Arménov, ktorí sa prisťahovali do Ameriky. On je Američan, ale aj Armén. S trochou nostalgie pozoruje, ako nové prostredie postupne vstrebáva presídlenecov z vlasti jeho rodičov a predkov. No azda aj pre to spojenie s ďalekou otčinou zachováva si múdrosť potomka tisícročného národa [...]“²³

Vo svojej štúdii *The World of William Saroyan* (Svet Williama Saroyana) Nona Balakian predstavila Saroyana ako autora, ktorého tvorba smerovala od etnického charakteru až po plnú identifikáciu s americkým prostredím a kultúrou. Poukazuje na to, že z pocitu akejsi životnej neistoty a hľadania identity vyrástla Saroyanova potreba vytvoriť o sebe istý obraz, imidž. „Pre Saroyana je potreba poznania vlastnej etnickej identity dôležitá nielen preto, aby sa dopracoval k porozumeniu

²³ LEHUTA, E.: Nový Saroyan. In: Slovenské pohľady, r. 81, 1965, č. 5, s. 123

samého seba, ale aj preto, aby našiel prepojenie medzi svojimi koreňmi a umením, ktoré začínal tvoriť,“ konštatuje Balakian.²⁴

V slovenskom literárnom priestore sa William Saroyan po prvýkrát objavil v podobe prekladov jeho poviedok v roku 1949, ďalšie preklady nasledovali v rokoch 1950 a 1956. Aj keď literárna kritika nereagovala na konkrétne poviedky, už v roku 1949 reagovala na ich autora. Samotný názov článku, ktorý medzi inými americkými autormi pertraktuje aj Saroyana – *Americká literatúra hnije* – prezrádza, v akom duchu boli jeho diela v našom kultúrnom a politickom priestore prijímané. Autor recenzie predstavuje slovenskej verejnosti Saroyana ako šíriteľa ideovej bezduchosti, ktorý síce sám seba považuje za mysliteľa, avšak v skutočnosti je len ničiteľom pokrokových myšlienok, americkým reakcionárom. „Tým, že popiera socializmus, demokraciu, patriotizmus slobodnej a nezávislej otčiny, nastoľuje kozmopolitizmus, ktorý využíva reakcia na demoralizovanie ľudstva.“²⁵ Recenzent hodnotí dva Saroyanove romány – *Ľudskú komédiu* (Human Comedy) a *Dobrodružstvá Wesleyho Jacksona* (Adventures of Wesley Jackson), ktoré podľa neho spája myšlienka, že každá vojna je nezmyslom, a tým teda Saroyan dokazuje, že nevidí rozdiel medzi fašizmom a demokraciou. Záver recenzie je odsúdením celej jeho tvorby. „Saroyanov filozofický nihilizmus vedie priamočiaro do reakcionárskeho bahna: tento na obdiv stavaný Saroyanov apolitizmus je politikou imperializmu.“²⁶

V zmenených podmienkach v časoch prvého uvoľňovania ideologického zovretia (po roku 1956) a v kontexte udalostí smerujúcich k prelomovým udalostiam Pražskej jari (roky 1964-1968) sa vďaka snahe niektorých prekladateľov a vydavateľstiev stretávame aj s ďalšími Saroyanovými prácami. Aj keď v predchádzajúcom období sa slovenskí recenzenti snažili poprieť jeho novátorstvo a optimistického ducha, Saroyan svojou literárnou produkciou neprestával upevňovať svoje miesto tak v americkej, ako aj v inonárodných literatúrach.

Na Slovensku vyšlo začiatkom 60-tych rokov časopisecky šesť Saroyanových poviedok, z toho jedna v dvoch prekladoch. Uhol pohľadu na interpretáciu jeho posolstva sa v recenziách oproti predchádzajúcemu obdobiu výrazne mení. Kým v prechádzajúcom období ho väčšina recenzií prezentovala ako ničiteľa pokrokových myšlienok či amerického reakcionára, na prelome 50-tych a 60-tych rokov si ho niektorí recenzenti privlastňujú ako autora, ktorého „literárne príbuzenstvo by sme oveľa ľahšie našli v arménskej či ruskej literatúre, ako v anglo-americkej,“²⁷ ako autora neobyčajne citlivého a vnímavého, autora, ktorý predovšetkým miluje obyčajného človeka. Recenzia v denníku *Ľud* v tejto súvislosti konštatuje, že aj napriek tomu, že nepísal nikdy inak, ako anglicky, zostal v podstate verný svojmu arménskemu pôvodu. Táto vernosť sa však podľa recenzenta neprejavuje „vonkajškovým vlastenectvom, nejakým folklorizmom.“ Saroyan prejavuje svojmu národu viac úcty tým, že národný osud a povaha celého národa je preňho meradlom, cez ktoré si národ najpriamejšie overuje všeobecný ľudský údel vo svete.²⁸

Najdôležitejším prínosom bolo predovšetkým vydanie Saroyanovej *Ľudskej komédie* v preklade Ivana Krčméryho a s doslovom Zory Studenej (SVKL, 1961). Vo svojej recenzii *Diet'a učí človeka* hodnotí Magda Gregorová román ako dielo, cez ktoré sa autorov optimizmus prenáša na čitateľa a osobitosť Saroyanovej umeleckej metódy vidí v tom, že vie cez naivný pohľad štvorročného chlapca a cez zážitky štrnásťročného vykresliť nielen prostredie, ale sprítomniť aj veľmi vzdialenú vojnu. V závere svojho hodnotenia mierne polemizuje s doslovom Zory Studenej. Studená v ňom konštatuje, že Saroyan idealizuje americkú spoločnosť tým, že mu v podstate chýbajú negatívne postavy. Gregorová však v tomto kontexte zdôrazňuje sociálny podtón románu a Saroyanovu silu vidí v tom, že „výberom svojich postáv, [...] nastolením konfliktu a jeho riešením obžalúva a burcuje,“²⁹ pričom čitateľ si sám ľahko domyslí, kto je vinníkom.

J. Šuda je jedným z recenzentov, ktorí pri recipovaní *Ľudskej komédie* nešetria chválou. Hodnotí ju ako majstrovské rozprávanie, vyzdvihuje jeho kresbu postáv, ako aj jeho humor: „Najväčšie

²⁴ BALAKIAN, N.: *The World of William Saroyan*. Lewisburg: Bucknell University Press, 1998, s. 48

²⁵ In: *Obrana ľudu*, r. 5, 10.7.1949, č. 159, s. 9 – 12.7.1949, č. 160, s. 5

²⁶ *ibid.*

²⁷ GREGOROVÁ, Magda: *Diet'a učí človeka*. In: *Kult. život*, r. 16, 29.7.1961, č. 30, s. 4

²⁸ (sp): *Osobnosť a dielo Williama Saroyana*. In: *Ľud*, r. 11, 4.10.1958, č. 237, s. 5

²⁹ *ibid.*

majstrovstvo Saroyana je v tom, že dokáže bežné prejavy života uchopiť s takou istotou a humorom, že dôjde i bez „literátskej zložitosti“ k samotnej podstate života.³⁰

Aj denník *Ľud* reaguje na vydanie románu veľmi pozitívne. Hneď v úvode vyzdvihuje „citlivé pretlmočenie Ivana Krčméryho“ podobne ako už citované recenzie, aj táto si pre interpretáciu diela volí sociálnu optiku a Saroyanov arménsky pôvod. Za „psychicky účinnú a silnú“ považuje skutočnosť, že zlo vojny v knihe priamo nevystupuje, avšak visí kdesi medzi riadkami a medzi nedopovedanými myšlienkami.³¹

V uvoľnenej atmosfére druhej polovice 60-tych rokov vyšla v slovenských prekladoch celá plejáda Saroyanových diel. Časopisecky vyšlo v rokoch 1964-1968 až dvanásť poviedok, jedna poviedka vyšla v antológii amerických poviedok *Dni a noci Ameriky*. Okrem prekladov poviedok vydalo vydavateľstvo DILIZA aj preklad jednej zo Saroyanových úspešných divadelných hier, *Čas tvojho života* (The Time of Your Life). Aj keď preklady nevyvolali veľkú recepcnú odozvu vo forme recenzií v slovenských periodikách (vyšli iba dve recenzie – recenzie Emila Lehuta v Slovenských pohľadoch³² a Jaroslavy Blažkovej v denníku *Práca*³³), počet prekladov je najväčším svedectvom o Saroyanovej obľúbenosti v našom kultúrnom priestore.

Najnovším prírastkom v prekladovej produkcii diel Williama Saroyana je vydanie nového prekladu jeho diela *Tracyho tiger* (Tracy's Tiger) vo vydavateľstve Artforum.

Veľmi stručné informácie o osobnom živote Williama Saroyana, o tematickom a formálnom vývine jeho diel, ako aj o recepcii jeho literárnej tvorby na Slovensku sú obrazom toho, že Saroyan bol v americkej literatúre výnimočným zjavom, priesečníkom dvoch kultúr. Slovenská literárna kritika pristupovala k interpretácii a hodnoteniu umeleckej úrovne jeho diel často oportunisticky a badať u nej tendenciu usúvzťazňovať jeho príslušnosť k západnej/východnej kultúre v závislosti od momentálneho politického diania v našom domácom prostredí.

Literatúra

BALAKIAN, N.: *The World of William Saroyan*. Lewisburg: Bucknell University Press, 1998, s. 48

BLAŽKOVÁ, J.: Saroyan a ryža. In: *Práca*, r. 20, 1.4.1965, č. 78, s. 4

D.Z.: Americká literatúra hnije. In: *Obrana ľudu*, r. 5, 10.7.1949, č. 159, s. 9 – 12.7.1949, č. 160, s. 5

G.H.: Literatúra o pravde života. In: *Ľud*, r. 14, 14.7.1961, č. 168, s. 4

GREGOROVÁ, Magda: Diet'a učí človeka. In: *Kultúrny život*, r. 16, 29.7.1961, č. 30, s. 4

LEHUTA, E.: Nový Saroyan. In: *Slovenské pohľady*, r. 81, 1965, č. 5, s. 123

(šp): Osobnosť a dielo Williama Saroyana. In: *Ľud*, r. 11, 4.10.1958, č. 237, s. 5

ŠUDA, J.: Saroyanova „Ľudská komédia“. In: *Smena*, r. 14, 23.7.1961, č. 176, s. 4

Résumé

The aim of our paper is to present William Saroyan on the background of the contentual and formal features of his works as a representative of two (often contradictory) cultures – Eastern (Armenian) and Western (American). We also wanted to emphasize the ideological conditionality of the reception of his works in Slovakia that depended on the contemporary political situation in Czechoslovakia in times when the country was under the strong political and cultural influence of the former Soviet Union.

³⁰ ŠUDA, J.: Saroyanova „Ľudská komédia“. In: *Smena*, r. 14, 23.7.1961, č. 176, s. 4

³¹ G.H.: Literatúra o pravde života. In: *Ľud*, r. 14, 14.7.1961, č. 168, s. 4

³² LEHUTA, E.: Nový Saroyan. In: *Slovenské pohľady*, r. 81, 1965, č. 5, s. 123

³³ BLAŽKOVÁ, J.: Saroyan a ryža. In: *Práca*, r. 20, 1.4.1965, č. 78, s. 4

METAFORA V SLOVENSKOM A RUSKOM POLITICKOM DISKURZE

Irina Dulebová (Bratislava)

Politická moc sa vo významnej miere realizuje prostredníctvom jazyka. Reč politika sa musí dotknúť citlivej struny vo vedomí recipienta a jeho vyjadrenia musia byť totožné so súhrnom názorov a hodnotení „konzumentov“ politického diskurzu. Preto skúsený politik operuje symbolmi, archetypmi a rituálmi súzvučnými s masovým vedomím. Zvýšený záujem o výskum politických textov sa dá vysvetliť nielen internými potrebami jazykovedy, ale v prvom rade aj politologickými problémami výskumu politického myslenia, potrebou vypracovania metódy analýzy politických textov s cieľom definovať základné tendencie v oblasti spoločenského myslenia. Rovnako je dôležité naučiť sa rozpoznávať prostriedky manipulácie spoločenským vedomím. Politický diskurz sa stal predmetom interdisciplinárnych výskumov a súčasne doviedol lingvistiku k vzniku nového smeru – politickej lingvistiky, ktorá sa aktívne, aj keď v rôznom rozsahu vyvíja ako v Rusku tak aj na Slovensku. V rámci politickej lingvistiky sa dnes veľký priestor venuje práve opísaniu metaforických modelov moderného politického diskurzu a zákonitostiam ich fungovania v politickom diskurze.

V Rusku sa tejto problematike venujú najmä A. Baranov, D. Dobrovoľsky, J. Karaulov, A. Čudinov, M. Gavrilovová, T. Veršinina, A. Rjaposovová. Napr. T. Veršinina v práci *Метафора в политическом дискурсе: традиции и современность* dospela k záveru, že politickí extrémisti („pravícovi“ i „ľavicovi“) inklinujú k používaniu metafor v oveľa väčšej miere, ako ich politickí oponenti [Veršinina, 2001]. A. Rjaposovová v práci *Милитарная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе* podčiarkuje zvýšenú agresivitu politického prejavu komunistov a národne orientovaných politikov [Rjaposovová, 2001].

Na Slovensku sa zatiaľ politická lingvistika nachádza vo svojich začiatkoch a výskumy sú prezentované väčšinou v čiastkových štúdiách a v článkoch vo vedeckých zborníkoch. Učebnice, monografie alebo slovníky venované výlučne politickej lingvistike alebo konkrétne politickej metafore (aké môžeme nájsť v Rusku) zatiaľ k dispozícii nie sú, avšak, mnohí slovakisti už začali bádanie v tejto dnes mimoriadne aktuálnej oblasti lingvistiky. Osobitosti modernej publicistickej metafory pri svojom dlhoročnom pozorovaní publicistických textov so zvýšenou etnokultúrnou konotáciou skúma prof. J. Sipko z Prešovskej univerzity v práci *Texty со zvýшеною етнокультурною конотацією* (2002) aj v najnovšej monografii *В поисках истинного смысла* (2008). N. Demjanová z Katedry rusistiky a translatológie Prešovskej univerzity pod vedením prof. Sipka obhájila dizertačnú prácu *Проблематика эквивалентности в современном языке русских и словенских масовокоммуникационных средств*, v ktorej sa podrobne venuje štruktúrnemu a funkcionálnemu rozmeru politického diskurzu a zaoberá sa *problematikou ekvivalentnosti в современном publicистическом пространстве, активно реагирующем на политический дискурс* dneška. Podrobne analyzuje *axiologický, asociatívny a interpretačný rozmer konceptov ruskej kultúry в нadvязности на концепты русского политического дискурса* [Demjanová, 2008]. Politickej lingvistike sa venujú O. Orgoňová a A. Bohunická z FiF UK v Bratislave, ktoré uverejnili v zborníku *Studia Academica Slovaca* veľmi fundovanú stať *Obsahové, pragmatické a jazykové východiská recepcie súčasného politického diskurzu na Slovensku*. Autorky zdôrazňujú, že *pri uchopení dynamiky politickej komunikácie в súčasnom Slovensku možno konštatovať zosilnenie persuzívnosti politických prejavov в záujме konkurencieschopnosti rôznych politických subjektov... situácia súčasného slovenského politického diskurzu je determinovaná pluralitným politickým systémom, slobodou názoru a uvoľnením inštitucionálnych konvencií. Možno ju charakterizovať prívlastkami ako polemická, konfrontačná či kompetitívna в змисле постојов а зáмеров різне политичкы vyprofilovaných subjektov...* [Orgoňová - Bohunická, 2007].

Hlavným cieľom politickej komunikácie je nielen *описать (то есть не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию* [Demjankov, 1995]. Preto je potrebné efektívnosť politického diskurzu určovať vo vzťahu k dosahovaniu tohto cieľa. Za jednu z podstatných vlastností metafory sa považuje práve jej expresívnosť a jej presvedčovacia a povzbudzovacia komunikačná funkcia. V politickej lingvistike Ruska a Slovenska sa počas posledných rokov zvýšil záujem o analýzu nárastu používania metafor v politickej komunikácii, rast rozmanitosti obrazných výrazov s konštatáciou, že v politických textoch sa tento výskyt značne zvýšil v porovnaní s predchádzajúcim obdobím vývoja jazyka (t.j. v tzv.

socialistickom období). Presýtenosť textov metaforickými jednotkami lingvisti spájajú s celkovou demokratizáciou verejného života, absenciou politickej a jazykovej cenzúry a z tohto faktu vyplývajúceho voľnejšieho výberu jazykových prostriedkov. Ďalej, tento jav je spájaný s reštrukturalizáciou systému štýlov ruského a slovenského jazyka, so zvyšovaním emotívnosti moderného politického diskurzu, s hľadaním nových jazykových prostriedkov zvyšovania výraznosti a pôsobivosti textov s cieľom upútania čo najväčšej pozornosti recipienta a jeho následného ovplyvňovania a manipulácie. Metafora je dnes priam nevyhnutná v diskurze, ktorý už od začiatku 90. rokov prestal byť formálny a schematický a naopak, začal sa stále viac a viac profilovať ako „*agresívny a kritický; pretendujúci na absolútnu pravdu a „objektívny“; formalizovaný z aspektu „straníckosti“; polemický; orátorský; heslový; ideologický; agitačný; hyperbolizujúci a teatralizovaný; polemický a zároveň antidiplomatický; sugestívny a manipulatívny* [Demjanová, 2008]. Komunikačné úlohy metaforizácie sa v tomto smere javia z rôznych uhlov pohľadu. Niektorí jazykovedci vidia vo zvyšovaní výskytu metafor len to, že na základe obrazotvornosti zvyšujú výraznosť textov nakoľko ovplyvňujú emočnú a nie logickú stránku vnímania, niektorí iní zasa podčiarkujú eufemistický potenciál metafor a vidia hlavný cieľ jej použitia v snahe autora vyhnúť sa presnému a jasnému vyjadreniu vlastného názoru a vlastnej politickej pozície. Experimentálne a teoretické výskumy vedcov (napr. De Landsheer 1998, Gavrillová 2003) dokázali, že nárast množstva metafor v politickom diskurze je nepochybným príznakom krízy politickej a ekonomickej situácie, a že sila vplyvu metafory je pritom spojená nielen s jej aktuálnosťou a novotou ale aj s typom metaforického konceptu. Napríklad, metafora konceptu vojny, športu, choroby sú oveľa konfliktnejšie ako napríklad metafora rodiny, počasia, dopravy - a preto aj prevaha metafor príslušného typu je charakteristikou politického stavu spoločnosti. V politickom diskurze Slovenska a Ruska sa v súčasnosti metafora charakterizuje mimoriadnou dynamickosťou a všade prítomnosťou.

Metodologické zmeny v poznaní sa koncom 20. storočia stali základom formovania kognitívneho smerovania v lingvistike, ktoré napomáha zvyšovaniu pozornosti voči takému zložitému javu v jazyku ako je metafora. Novým podnetom k skúmaniu metafor sa stali práce George Lakoffa a Marka Jonsona, ktoré zmenili pohľad na význam metafor v jazyku a jej funkcií. Najznámejšia z ich kníh *Metaphors We Live By* hneď po svojom vydaní v roku 1980 sa stala mimoriadne populárnou v anglojazyčnom svete a jej preklad do ruštiny (*Метафоры, которыми мы живём*) mal množstvo vydaní po celom Rusku. G. Lakoff a M. Jonson pri vypracovávaní teórie konceptuálnej metafor podotýkali že *метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль, и действие. Наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе* [Лаккофф, Джонсон, 2008]. Nový pohľad na metaforu dovoľuje *увидеть в метафоре ключ к познанию и пониманию основ мышления, национально-культурных особенностей мировосприятия и создания “универсального образа” мира* [Арутюнова, 1999].

Koncom 20. storočia možno pozorovať expanziu metafor hlavne v oblasti politického diskurzu. Metafora sa stáva vlastne povinnou zložkou jazyka a najúčinnnejším prostriedkom výraznosti vyjadrovania, hodnotenia, agresivity, polemickosti a manipulácie, pričom plní množstvo ďalších funkcií. Komplexnú analýzu funkcií metafor rozpracováva A. Čudinov vo svojej práci *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*. Názorov na systematizáciu metafor z hľadiska jej funkcií v konkrétnom diskurze je dnes celý rad. Pri analýze slovenského a ruského politického diskurzu sa pokúsime dôsledne aplikovať metódu klasifikácie Čudinova, ktorá sa nám zdá byť najvýstižnejšou a aj najobsiahlejšou. Medzi hlavné funkcie metafor v politickom diskurze zaradíme kognitívnu, komunikatívnu, pragmatickú a estetickú. Pozrieme sa na špecifické črty každej z týchto funkcií na príklade slovenského a ruského politického diskurzu.

1. Kognitívna funkcia metafor

V tomto prípade metafora vystupuje ako spôsob myslenia, prostriedok pochopenia, vyjadrenia predstáv a hodnotenia nejakého politického javu s pomocou scenárov, konceptov, metaforických modelov, frámov a slotov z inej terminologickej oblasti. Takto vytvorené koncepty, pravdaže, závisia od národného, sociálneho a individuálneho vedomia... *Práve jednotlivé „vrstvy“ konceptu získavajú v jazyku a konkrétnom diskurze špecifické významy. Ich hĺbková diferenciacia sa odhaľuje v špecificky daných komunikačných situáciách i v celostnom kontexte sfér spoločenského života a ducha doby. Z*

lingvokognitívneho aspektu hovoríme o jednotlivých diskurzívnych štruktúrach (koncept, frame, slot, framová sémantika) a z lingvokulturologického o lingvokultúramach... [Demjanová, 2008].

Medzi čiastkové funkcie kognitívnej funkcie zaradujeme i nominatívnu a hodnotiacu, modelujúcu, inštrumentálnu a hypotetickú. Pri analýze metafory z kognitívneho hľadiska musíme mať sústavne na zreteli lingvokulturologický prístup a osobitosti moderného vývoja politických dejín v našich krajinách – Rusku a Slovensku, - značný rozdiel v smerovaní ktorých sa nemôže neodzrkadliť občas aj v odlišnom metaforickom vnímaní tých istých politických javov a udalostí.

1.1. Nominatívna a hodnotiaci funkcia; pri nej sa metafora stáva buď spôsobom pomenovania nových reálií (*непестройка*) alebo inak pomenováva už existujúci sociálny jav, napríklad, proces privatizácie sa metaforizuje v Rusku v slovách a výrazoch ako napr. *грабёж/ преступление/ каждому дали по бублику, а остались в руках только дырки от них/ воровство/ за копейки скупили всю Россию/ разграбление/расхищение собственности страны по частным карманам / делёжь пирога/ национальное пириество* a na Slovensku im veľmi podobne, napr. ako *zbojnícke orgie/ zbíjanie/okrádanie/grandiózne podvod*.

Pomocou metafory sa jav kategorizuje (podľa výrazu Lakoffa), t.j. autor metafory poukazuje recipientovi na podstatu javu a vyjadruje zároveň aj svoj vzťah k tomuto javu.

1.2. Modelujúca funkcia; sústava významovo spojených metafor napomáha vytvoreniu modelu politickej reality s pomocou metaforických konceptov, výsledkom čoho sa stáva to, že každá nová politická situácia sa predstavuje ako niečo už dobre a dávno známe a preto už zdanlivo existuje aj jasné hodnotenie tejto situácie.

Metafora modeluje vzťahy v prenesenom význame podľa logického princípu - *z tohto vyplýva toto*, - napríklad, keď privatizácia je označená za *грабёж*, jej organizátori sú v kontexte logiky metafory *бандиты*, prezident - *главарь банды, пахан, крестный отец*. Aj slovensky politický diskurz vidí metaforicky privatizérov ako vyčistiť *zbojníckej družiny / zbojnícke zberby z vysokej politiky* a ich činnosť je označovaná ako *amatérsky experiment/ krádež uprostred bieleho dňa/ lupéž pred očami divákov a pod*.

1.3. Inštrumentálna funkcia; napomáha určovať smer myslenia, „napovedá“ k prijatiu rozhodnutí, t.j. akoby bola „nástrojom“ myslenia. Keď privatizácia je *krádež / грабёж* mala by za ňou logicky nasledovať myšlienka o treste, o návrate „nakradnutého“ a podobné logické závery. Robert Fico konečne povedal niečo s čím môže súhlasiť aj slovenská pravica, keď prehlásil Juraja Jánošíka za *prvého socialistu*, lebo vraj aj on bohatým bral a chudobným dával. V tomto nebol úplne originálny nakoľko Jánošík je už tradične veľmi silne precedenčné meno v politickom diskurze na Slovensku, avšak veľmi nepremyslene touto metaforou určil smer myslenia, že ak je „zbojník (teda vlastne zlodej, bandita a lupič) Jánošík = prvý socialista“, potom musí platiť aj opačná strana rovnice: „socialista = zbojník, zlodej, lupič, bandita“.

1.4. Hypotetická funkcia; napomáha predstaviť si niečo ešte nie celkom uvedomené v racionálnej rovine a urobiť si odhad o podstate javu, ktorý je metaforicky pomenovaný. Napr., svojho času metafora *železnej opony* bola zamenená metaforou *общеевропейский дом*. Nové vzťahy medzi nedávnymi nepriateľmi ešte neboli presne určené, avšak metafora spoločného domu už dopredu vytvárala predpoklad susedských vzťahov, stability, porozumenia a pod.

2. Komunikatívna funkcia metafory

Ak je človek schopný myslieť metaforami, zákonite z toho vyplýva, že je aj schopný vnímať a odovzdávať informáciu s ich pomocou. Navyše, niekedy je metafora schopná odovzdať informáciu v „stráviteľnejšej“ pre adresáta podobe, napríklad *метафорическое обозначение политической организации "Медведь" воспринимается значительно легче, чем официальное ее наименование "Межрегиональное движение "Единство" или возможная аббревиатура МДЕ...* [Чудинов, 2003]

2.1. Eufemistický zámer; sila metafory spočíva v jej schopnosti bilancovať medzi povedaným a nedopovedaným, medzi určitosťou a neurčitosťou v prípadoch ak autor nepovažuje za potrebné a pre seba výhodné, pomenovávať a hodnotiť veci ich priamymi menami. Napríklad *odsunul celú tému na*

vedľajšiu koľaj/временно отложили в сторону je len eufemistické pomenovanie tej skutočnosti, že problémom sa prestali zaoberať. Množstvo protizákonných a nedemokratických javov je dnes v slovenskom aj ruskom politickom diskurze pomenované ako *panské huncútstvo* /барские забавы alebo *мужские игры* / *chlapské hry*. Veľmi populárnou je aj metafora *dočasnej choroby* /временной болезни alebo *aj detskej choroby*/детской болезни s poukázaním na to, že aj keď tento jav je negatívny, je však svojim spôsobom nevyhnutný, zároveň však najmä dočasný. Všeobecne je známe, že dieťa síce rastie s chorobami, ale tie vždy nakoniec pominú. V asociačnom poli metafor sa takýmto spôsobom eufemisticky prenášajú potrebné vlastnosti z pomenovania na pomenúvanú vec, resp. jav.

2.2. Popularizačná funkcia; dovoľuje aj slabšie pripravenému recipientovi pochopiť podstatu javu, dokonca aj zložitejšiu myšlienku, o čo vždy aj ide autorovi textu v politickom diskurze, t.j. aby oživil svoj prejav a aby sa vyzdvihla niektorá vlastnosť javu a aby vyjadrenie bolo názorné a obrazné. Čudinov výstižne v tomto prípade porovnáva metaforu s obrázkami v knižke pre deti *они призваны привлечь внимание к тексту, но служат единственным источником информации для детей, не научившихся читать.....* [Чудинов, 2003]

3. Pragmatická funkcia

Metafora vystupuje ako nenahraditeľný prostriedok formovania u recipienta stavu emócií, ktoré autor potrebuje vyvolať, t.j. aby vnímal politiku na úrovni pocitov a dojmov a následne ho povzbudil ku konaniu, na ktoré ho nabáda autor. Ide o silný prostriedok pretvárania politických názorov a upevňovania už existujúcich názorov. Na nie práve vždy faktami podložené vyjadrenia súčasného premiéra SR sa priam pýta asociačne pole „rozprávok“, ktoré sa realizuje v metaforách ako *rozprávkar Fico* / *Hans Christian Fico je neuveriteľný fenomén*. Zakaždým keď nejaký politik niečo neurčito ale sladko sľubuje nachádzame metaforu ako *Ujovia rozprávkar*/ *V exkluzívnom rozhovore s vnúčatami pre TASR deduško.../ Palko sa rozhodol písať žáner fantasy* a pod.

V tejto súvislosti nemôžeme hneď nezdôrazniť prevahu metafor z kriminálnej oblasti v ruskojazyčnom politickom diskurze. Máme pritom na mysli nielen rozšírené používanie na Slovensku i v Rusku všeobecne známych slov a výrazov spisovnej lexiky (*zlodeji*/ *преступники*, *banditi* / *бандиты*, *vrahovia*/убийцы a pod.), ale najmä používanie kriminálneho žargónu, poukazujúceho na znalosť autorov textov aj s najmenšími detailmi života, vnútornými vzťahmi a hierarchiou zločineckého prostredia. Historické pozadie daného javu nepotrebuje osobitné vysvetlenie, pretože smutné dejiny Ruska v 20. storočí sú všeobecne známe. A keď si aj prezident štátu dovoľí vo svojich verejných prejavoch *мочить в сортире, опускать, ставить на счётчик, опускать концы в воду и крышевать*, ťažko očakávať od jeho politických kolegov alebo politických oponentov, nehovoriac už o novinároch, stanovenie nejakých etických hraníc vo vyjadrovaní a verejných prejavoch. Okrem toho, smerodajným je aj ten fakt, že pri podobnej, na slovenský pohľad možno príliš zúženej a špecifickej metafore, ruský autor reči predpokladá recipienta pripraveného vnímať, chápať a predvídateľne reagovať na použitú metaforu. Slovenský adresát by zrejme iba ťažko pochopil metaforu ruského diskurzu ako napr. *правят паханы / пальцы веером / беспредел / крысятничать / смотреть за общим/ распальцовщики/ информационная заточка* a pod. množstvo ďalších výrazov z penitenciárnej komunikácie, argotu asociálov, väzenského slangu a iných zločineckých sociolektov. V Rusku však prekvapujúco práve takéto metaforu mávajú často veľmi dôležitú modelujúcu funkciu (s nepopierateľnými prvkami silného emotívneho vplyvu zastrašovania recipienta). Modelujú sa nimi dosť často vzťahy s politickými protivníkmi, vzťahy vnútrostranícke, vyjadrujú sa postoje k politickým oponentom, rovnako ako i k nevyhovujúcim ideám a politickým procesom, resp. javom.

3.1. Metafora s podnecujúcim zámerom; využívanie metafor sa môže stať silným podnetom k rastu politického záujmu a politickej aktivity jednotlivca. Napríklad metaforické heslo *выйти на решающий бой с врагами/ битва за справедливую Россию* sa vníma inak ako jednoduché pozvanie voliča ísť voliť. Mimoriadne silný účinok v zmysle podnecovania a nabádania na aktivitu, t.j. mobilizačný účinok, má v slovanskom prostredí najmä metafora rodiny a najbližšieho príbuzenstva. Nie nadarmo hneď na začiatku Vlasteneckej vojny upadli do zabudnutia „povinné“ výrazy typu *товарищи* a *граждане*. Stalin sa obrátil s rečou k ľudu slovami *братья и сёстры*,

a najpôsobivejším mobilizujúcim a podnecujúcim na obranu vlasti bolo metaforické heslo *Родина-Мать зовёт*.

3.2. Argumentačný zámer; metaforická argumentácia sa používa v politickom diskurze ako spôsob na dosiahnutie zmeny politických názorov recipienta alebo upevňovania už existujúcich postojov a je často oveľa účinnejšia ako racionálne argumenty, nad ktorými recipient potrebuje premýšľať, veď správna, t.j. dobre sformulovaná metafora je už hotovým postojom. S týmto zámerom dosť často dnes v politickom diskurze na Slovensku aj v Rusku pozorujeme proces premysleného „rozvíjania“ metafory. Napríklad, keď autor textu začne používať metaforicky model *politika - je divadlo*, snaží sa v prejave držať tohto modelu a potrebné asociácie pre vlastnú argumentáciu a prirovnania hľadá medzi framami a slotmi tohto modelu. Pri komparatívnom pozorovaní slovenských a ruských politických textov sme si všimli, že proces rozvíjania metafory „do hĺbky, t.j. do najmenších detailov“ s využitím čo najväčšieho čísla slotov jedného framu divadelnej metafory je viac typické pre ruskojazyčný diskurz. Logické vysvetlenie tohto javu je ťažké, keďže sa nám zdá, že v oblasti divadelníctva sa slovenský recipient nezdá byť o nič menej pripravený vnímať a chápať rozvinuté divadelné metaforu. Ako príklad pozrime sa ako sa rozvíja divadelná metafora v článkoch venovaných príprave k voľbám v Rusku (АИФ, 2007).

1.Frame- pracovníci divadla.

Slot 1.1.Autor hry alebo scenára: *сценаристы избирательной компании/ удивили президентских драматургов/ либретто получается любительским/ таким либреттистам не поможет и Чайковский/ предложили нам новую аранжировку*

Slot 1.2. Aktéri a ich úlohy: *обрёк себя на роль статиста/ вновь в своём любимом амплуа „кушать подано“/ этот либеральный кордебалет/ будет главным героем-любовником для избирательниц после сорока/ не понимает разницы между комиком и шутом/ им отведена роль участников массовки*

2. Frame - divadelná budova a rekvizity.

Slot 2.1. Divadelná budova: *сидеть ему с такой программой всё жизнь в суфлёрской будке/ но зритель лишь изредка смотрит в оркестровую яму/ на прошлогодней политической сцене/ его избиратель сидит на галерке/ эти разногласия заметят лишь в первых рядах партёра*

Slot 2.2. Divadelné rekvizity: *за кулисами творится хаос/ откажутся от унижительной роли декораций/ они марионетки в умелых руках кукловода/ гримируется под социалиста/ / лучший грим был у левых/ густой политический макияж*

3.3. Emotívny zámer; ak sa metafora využíva na ovplyvnenie emócií a pocitov recipienta a na vytvorenie emotívneho vzťahu k posudzovanému politickému javu. Používa sa na to, aby *перенести имеющееся у читателя эмоциональное отношение к понятию-источнику (его обозначает слово в основном значении) на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова*. [Чудинов,2003] Slovensko si počas Mečiarovej vlády zaslúžilo nelichotivý prívlastok *čiernej diery Európy*, dnes sa naopak teší metaforickému názvu *tiger pod Tatrami*. Emotívny náboj týchto výrazov je mimoriadne silný, veď čierne diery sú neviditeľné vesmírne objekty, ktorých silné gravitačné pole vťahuje okolitú hmotu do svojich neprebádaných útrob. Porovnávanie s tigrom je veľmi emotívne aj preto, že sa predpokladá dynamika, energia, sila, a aj preto, že je ustáleným výrazom pre dynamicky sa vyvíjajúce ekonomiky, ktorým sa na celom svete metaforicky hovorí *ázijské tigre*. Zoomorfná metafora je vždy v prvom rade emotívna. V slovenskom politickom diskurze často sa vedie reč o *vlkoch v baranej koži/ žralokoch / hyenách / vlkovi, ktorý klope kozliatkam/ mravcoch* a v ruskom jazyku sú populárne *медведь/ волк/ лев/ крокодил/ баран/ лиса*. Mimoriadne emotívne v každom z jazykov sú metaforu rodiny, choroby a vojny.

4. Estetická funkcia metaforu

Je dôležitá v prvom rade v umeleckom diskurze, avšak nezanedbateľná je zároveň aj v politickom diskurze, kde obrazné vyjadrenie myšlienky dodatočné upútava pozornosť recipienta a robí ju účinnejšou.

Vymenované funkcie metaforu samozrejme nie sú presne oddelené jedna od druhej a v texte i v diskurze sa navzájom prelínajú a dopĺňajú. Pozrime sa napríklad na v súčasnosti mimoriadne populárnu v politickom ruskom i slovenskom diskurze metaforu zo sveta počítačov

resetovať/reštartovať/ не перезагружать (politické vzťahy a pod.) Tá sa používa nielen v masmédiách ale aj v najvyšších politických kruhoch. V Rusku ju v poslednom období sústavne používajú prezident aj premiér, ktorí plánujú *не перезагружать* vzťahy s USA, EÚ, a dokonca aj so štátmi SNŠ. Táto metafora je mimoriadne výstižná, sémanticky „hutná“ a zároveň aj eufemistická (*reštartovať* neznamená predsa *napraviť*, čo by znelo oveľa horšie, aj keď by to bolo snád' bližšie k pravde), dostatočne popularizačná (skoro každý dnes vie zapnúť počítač a určite ho vie aj reštartovať), a inštrumentálna zároveň (hneď určuje smer myslenia, t.j. že zmena nevyhnutná, zároveň aj možná, reálna, nie príliš ťažko, naopak, pomerne rýchlo dosiahnuteľná). Emotívne poslanie tejto metafory je skryté, ale keď sa zamyslíme, je v podstate mimoriadne účinné, veď kto z nás už nepocítil moment sklamaní, ba až niekedy zúfalstva nad „zamrznutým“ počítačom a vzápätí neočakával s nádejou, že teraz - po reštarte - všetko sa zázračne napravi, „poukladá“ a znovu začne fungovať. Tento príklad nám jasne poukazuje na množstvo skrytých sémantických odtieňov a následne aj jazykových funkcií, ktoré v sebe môže ukrývať jedna jediná metafora.

Rozmanité metaforické modely politického diskurzu sú prezentované v *Словаре русских политических метафор* А. Баранова и Ю. Караулова. Heslá v tomto slovníku sú usporiadané veľmi prehľadne vo forme tezaurov v súlade s teóriou Lakoffa a Jonsona podľa východiskovej oblasti metaforického modelu (*sféra prameňa* metafory podľa Lakoffa) a aj podľa cieľovej oblasti (*sféra terču* metafory podľa Lakoffa).

Vo svojej podstate je metafora univerzálna a internacionálna, avšak musíme podčiarknuť, že vždy má základ v národnej a kultúrnej tradícii, nakoľko sa vždy vzťahuje na *metaforickú štruktúru základných pojmov danej kultúry* [Лаккофф, Джонсон, 1990]. Z tohto dôvodu musíme pri jej výskume mať vždy na zreteli lingvokulturologický prístup a sústreďovať sa na špecifické jazykové procesy z konfrontačného zorného uhla. Takýto prístup odhaľuje špecifické jazykovo-komunikačné prejavy, ktoré v „monolingvistickom“ zábere zostávajú často nepovšimnuté [Dudok, 2007]. Pri výskume využívania metafory je potrebné mať na zreteli vždy osobitosti národného komunikatívneho vedomia, ktoré možno chápať *ako celkovú sumu vedomostí, poznatkov, skúseností a princípov, zabezpečujúcich komplexnosť komunikatívnej aktivity človeka s človekom* [Dudok, 2007]. Metaforicky obraz sveta sa tak „zafarbí“ do národných a kultúrnych odtieňov. Politická komunikácia stále viac a viac sa snaží manipulovať vedomím svojho recipienta a vytvárať v jeho vedomí obraz modernej politickej situácie, ktorý potrebuje autor. „*Коренные социально-политические трансформации в России и в странах её бывших союзников привели к большим изменениям в системе коммуникации, в первую очередь имеем в виду либерализацию общественных отношений, которая концентрируется в свободе слова во всех СМИ....все названные процессы отражаются в языковой системе, в его культурном фоне.....а поэтому в центре нашего внимания находятся именно косвенные средства языковой оценочностии закономерно возникает вопрос о семантическом потенциале языковых единиц*“ [Sipko, 2008] a bohatý sémantický potenciál metafory v politickom diskurze je zreteľný, nespochybniteľný a neustále rastúci z hľadiska svojho významu a vplyvu na poslucháča a čitateľa ako na Slovensku tak aj v Rusku.

Bibliografia

- АРУТЮНОВА, Н.: *Язык и мир человека*. М., 1999.
- ВЕРШИНИНА, Т.: *Метафора в политическом дискурсе: Традиции и новаторство* // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001.
- ГАВРИЛОВА, М.: *Лингвистический анализ политического дискурса* // <http://politanalysis.narod.ru/gavrilova3.html>
- ДЕМЬЯНКОВ, В.: *Доминирующие лингвистические теории в конце XX века*, in: *Язык и наука конца 20 века*. М.: Институт языкознания РАН, 1995.
- ЛАКОФФ, Д., ДЖОНСОН, М.: *Метафоры которыми мы живём*, Издательство ЛКИ, 2008.
- РЯПОСОВА, А.: *Милитарная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе* // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001.
- СИПКО, Й.: *В поисках истинного смысла*. FFPU v Prešove 2008.
- ЧУДИНОВ, А.: *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической*

- метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург, 2001.
- ЧУДИНОВ, А.: *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*, Екатеринбург, 2003.
- DEMJANOVÁ, N.: *Problematika ekvivalentnosti v súčasnom jazyku ruských a slovenských masovokomunikačných prostriedkov*, Dizertačná práca, Prešovská univerzita v Prešove Filozofická fakulta, Katedra rusistiky a translatológie, Prešov 2008.
- DE LANDTSHEER CH.: *Function and the language of politics*. A linguistic uses and gratification approach // *Communication and cognition*. 1991. Vol. 24. № 3 / 4.
- DUDOK, M.: *Komunikatívne vedomie v slovenčine a blizkych (južnoslovanských) jazykoch*, in: *Studia Academika Slovaca* 36, Bratislava, 2007, s. 31-43
- ORGOŇOVÁ, O., BOHUNICKÁ, A.: *Obsahové, pragmatické a jazykové východiska recepcie súčasneho politickeho diskurzu na Slovensku*, *Studia Academika Slovaca* 36, Bratislava, 2007, s. 91-110.

Резюме

В современной политической лингвистике большое внимание уделяется описанию метафорических моделей и целям их использования в политическом дискурсе, подробно анализируются функции метафоры в языке политики. Автор подчёркивает возросшую роль метафор за последние два десятилетия как в языке политики словацком, так и русском, и подробно на примере конкретных метафорических концептов анализирует главные функции метафоры в политическом дискурсе, а именно функции когнитивную, номинативную, оценочную, моделирующую, инструментальную, гипотетическую, коммуникативную, эмотивную, популяризаторскую, прагматическую и эстетическую. Лингвокультурологический принцип анализа метафоры как ключа к познанию и пониманию основ мышления, национально-культурных особенностей мировосприятия позволяет автору подчеркнуть общее и особенное в её использовании в современном политическом дискурсе Словакии и России.

ETNOKULTÚRNE SYMBOLY V RUSKEJ FRAZEOLÓGII

Milada Jankovičová (Nitra)

Frazeológia je vrstva slovnej zásoby jazyka, ktorá výrazne odráža povahu národného spoločenstva, ktoré daným jazykom hovorí, špecifickosť jeho spôsobu života, kultúry a histórie. Možno ju preto právom pokladať za národnokultúrnu, čiže etnokultúrnu vrstvu slovnej zásoby. F. Miko v tomto zmysle používa termín *etnická špecifickosť frazémy*, ktorá podľa neho „spočíva vo fakte, že obraznosť frazém, ktorá je ich základom, nie je len hlbším postihnutím situácií po vecnej stránke, lebo prezrádza pritom aj optiku, zorný uhol, etnické hľadisko a mentalitu danej pospolitosti, ako sa to všetko odráža v hlbšom chápaní a riešení životných situácií, a to práve význačne charakteristicky“ (Mlacek – Ďurčo a kol. 1995: 25–26).

Z uvedeného citátu vyplýva, že etnokultúrny charakter frazém sa prejavuje v špecifickosti ich obraznosti, ktorou sa vo frazeologickej teórii chápe vnútorná forma frazémy, t. j. konkrétny obraz, ktorý vzniká vo vedomí používateľov jazyka na základe voľného slovného spojenia, ktoré sa stalo derivačnou bázou frazémy. V súvislosti s tým si môžeme položiť otázku, do akej miery sa na etnokultúrnom charaktere obrazných frazém podieľajú také komponenty frazém, ktoré sú vo voľnom použití pomenovaniami kultúrnych symbolov používaných výlučne v danom etniku, čiže etnokultúrnych symbolov. Pri hľadaní odpovede na túto otázku budeme vychádzať z ruskej frazeológie a sústredíme sa na zisťovanie etnokultúrnych symbolov vyskytujúcich sa v komponentovom zložení ruských frazém.

V jazykovede sa *symbol* sa definuje ako „všetko, čo konkrétne zastupuje abstraktný jav“ (Encyklopédia jazykovedy 1993: 428) alebo ako „označení konkrétného predmetu, ktorý je konvenčným znakom abstraktného pojmu“ (Filipec – Čermák 1985: 110).

Symbol je teda pôvodne konkrétny predmet, ktorý nadobudol schopnosť vyjadrovať nejaký abstraktný význam; jeho jazykovým označením je konkrétne substantívum, najčastejšie apelatívum, zriedkavo aj proprium. Pomenovanie konkrétneho predmetu na označenie abstraktného pojmu na základe vnútornej väzby medzi nimi patrí do metonymie; symbol má tak metonymický charakter. Výskyt symbolu v zložení frazémy znamená, že vo frazéme plní funkciu jej sémanticky kľúčového slova a často sa stáva motivačným centrom viacerých frazém, ktoré vytvárajú frazeologické hniezdo.

Súbor symbolov, ktoré fungujú v rôznych etnikách vo svete, je rozsiahly. H. Biedermann vo svojej práci Lexikón symbolov (Bratislava 1992) uvádza približne 550 symbolov rozdelených do 27 tematických skupín. Niektoré symboly sú univerzálne, celosvetové, iné fungujú len v niekoľkých kultúrnych areáloch, ďalšie len v jednom kultúrnom areáli (európsko-atlantickom, blízkovýchodnom, juhovýchodnoázijskom ap.). Rovnako aj vo frazeológii každého jazyka sa vyskytujú symboly univerzálne, symboly používané len v konkrétnom kultúrnom areáli a napokon symboly fungujúce iba v konkrétnom etniku. V ruskej frazeológii tak môžeme predpokladať výskyt univerzálnych symbolov, európskych symbolov a ruských symbolov.

Naším cieľom je zisťovanie špecifických ruských symbolov, ale pretože všetky tri vrstvy symbolov v ruskej frazeológii koexistujú, ako aj preto, aby sme sa vyhli etnocentrizmu pri hodnotení symbolov ako výlučne ruských, je potrebné zmieniť sa aj o univerzálnych a európskych symboloch.

1. Univerzálne kultúrne symboly v ruskej frazeológii

V ruskej kultúre sa vyskytuje vrstva univerzálnych symbolov, ktoré sú spoločné pre všetky kultúry; je to napríklad *kríž* ako symbol kresťanstva, ale aj ťažkého životného údela človeka, *kotva* – symbol nádeje a istoty, *holubica* – symbol pokoja, lásky a mieru, *brada* – symbol dospelého muža, *dážď* – symbol životodarnej vlahy, *fénix* – symbol nesmrteľnosti a vzkriesenia ap. Pomenovania niektorých z nich nachádzame aj v ruskej frazeológii, napríklad: *целовать крест, нести (принять) [свой] крест, якорь спасения, становиться на якорь, воскреснуть, как Феникс (феникс) из пепла, расти (вырастить) как (словно) грибы [после дождя]*.

2. Európske kultúrne symboly v ruskej frazeológii

Druhú vrstvu symbolov fungujúcich v ruskej kultúre tvoria európske symboly, ktoré vznikali v rôznych obdobiach vývoja materiálnej a duchovnej kultúry Európy od antiky až po súčasnosť. Z výkladu symbolov uvedených v Biedermannovom Lexikóne symbolov vyplýva, že v európskom kultúrnom areáli sa používa 334 symbolov. Tvoria relatívne heterogénny súbor, v rámci ktorého je možné vyčleniť nasledujúce tematické skupiny:

1. Ľudia podľa rôznych znakov – podľa príbuzenského vzťahu, spôsobu života a pod. (*otec, rytier, mních*); 2. Časti ľudského tela (*oko, zuby, krv*); 3. Súčasti odevu (*plášť, klobúk, rukavica*); 4. Potraviny (*chlieb, med, vajce*); 5. Stromy, kry a ich plody, zelenina (*dub, figovník, orech*); 6. Byliny (*kvet, bodliak, štvorlístok*); 7. Zvieratá a časti ich tela (*vlk, myš, roh*); 8. Konkrétne veci a nástroje (*koleso, kľúč, reťaz*); 9. Budovy a ich časti (*chrám, okno, brána*); 10. Neživá príroda, nerasty a prírodné javy (*riečka, kameň, blesk*); 11. Mená antických bohov a hrdinov antických mýtov a báji (*Jánus, Bakchus, Sisyfos*); 12. Mená mýtických a bájných bytostí a živočíchov (*Gorgóny, Pegas, Kerberos*); 13. Mená biblických postáv (*Lazar, Ahasvér, Šalamún*); 14. Mená biblických krajín a miest (*Babylon, Gehenna, Sodoma, Gomora*); 15. Čísla (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 24, 40, 50); 16. Farby (*biela, čierna, červená*).

Porovnanie významov európskych symbolov s významami substantív, ktoré vystupujú ako komponenty ruských frazém ukazuje, že v ruskej frazeológii sa na označovanie symbolov využíva iba 55 substantív. Na ich základe môžeme určiť, že európske kultúrne symboly vyskytujúce sa v ruskej frazeológii patria predovšetkým do troch tematických skupín:

1. Časti ľudského tela: *нога* – symbol prítomnosti človeka na nejakom mieste; *сердце* – symbol lásky; *кровь* – symbol života, ale aj rodinných vzťahov; *рот* – symbol reči; *рука* – symbol moci, vlády a vlastníctva; *глаз* – symbol duchovného zraku, *ухо* – symbol pamäti a i. Porov.: *нога кого, чья не ступит куда; ноги [больше] не будет чьей где; чтобы (чтоб) ноги не было (не ступало) чьей где; ни ногой к кому, куда, откуда; быть одной крови с кем; голос крови; узы крови; чья кровь течет в ком; плоть и кровь кого, чья; кровь говорит (заговорила) в ком; молодая кровь*.

2. Zvieratá a časti ich tela: *собака* – symbol vernosti a ostražitosti; *кошка* – symbol ľstivosti a falošnosti; *баран* – symbol cieľavedomosti a tvrdohlavosti; *овца* – symbol bezbrannosti, ale aj hlúposti; *осел* – symbol hlúposti a tvrdohlavosti; *петых* – symbol bojovnosti; *свинья* – symbol nečistotnosti, ale aj dostatku; *волк* – symbol krutosti, zákernosti, úskočnosti; *крылья* – symbol víťazstva nad zemskou príťažlivosťou; *рога* – symbol božskej sily, ale aj agresivity ap. Porov.: *предан как собака; играть как кошка с мышкой с кем; упрям (уперся) как баран кто; [быть] как стадо овец; глуп как осел, упрямый (упрям) как осел; драться как петыхи; грязный как свинья, жирный (толстый) как свинья; волк в овчарне кто; [будто (словно, точно)] крылья выросли у кого, расправлять крылья; вставать на рога, утираться рогом*.

3. Konkrétne veci a nástroje: *колесо* – symbol zrodenia a smrti, menlivosti osudu, nestálosti šťastia; *меч* – symbol vojny; *венец* – symbol víťaza; *цепь* – symbol zajatia a otroctva, poroby; *весы* – symbol spravodlivosti a správnych proporcií, *узел* – symbol zviazania, spútania, ako aj rozviazania, oslobodenia a i. Porov.: *колесо истории, колесо Фортуны (счастья); обнажить меч, поднять меч [на кого], точить меч на кого, скрестить мечи [с кем]; как с цепи сорвался кто, разрывать (разбивать) цепи чего; бросить на чашу весов что, класть на чашу весов что*.

Iné tematické skupiny sú zastúpené menším počtom substantív, napr.: *монах* – symbol utiahnutého života človeka; *хлеб* – symbol najdôležitejšieho pokrmu; *лавр* – symbol mieru po víťazstve nad nepriateľom; *смоковница* – symbol úsilia neprinášajúceho výsledky; *цвет* – symbol mladosti, mladého života; *порог* – symbol prechodu medzi vnútorným a vonkajším svetom; *ворота* – symbol vchodu, ale aj tajomného priestoru za ním; *вода* – symbol života, ako aj plynutia času; *ветер* – symbol nestálosti; *туман* – symbol neurčitosti, zóny medzi reálnym a nereálnym; *непел* – symbol pomínutelnosti všetkého pozemského; *камень* – symbol pevnosti, stálosti ale aj tvrdosti; *Янус* – symbol dvojtvárnosti; *Лазарь* – symbol chorého človeka; *Вавилон* – symbol neresti a chaosu a pod.

3. Etnokultúrne symboly v ruskej frazeológii

Tretiu vrstvu kultúrnych symbolov tvoria ruské symboly. Pretože ruské kultúrne symboly nie sú osobitne spracované, a neexistuje ani práca, ktorá by bola venovaná východoslovanským symbolom (ako aj slovanským symbolom vôbec), vzniká nebezpečenstvo, že konkrétny predmet, ktorý plní funkciu kultúrneho symbolu v ruskom národnom spoločenstve, môže v dôsledku dlhodobého spoločného historického a kultúrneho vývoja východoslovanských národov fungovať ako symbol aj v ukrajinskej a bieloruskej kultúre. Určovanie špecificky ruských (собственно русских) symbolov a ich odlíšenie od východoslovanských (древнерусских) symbolov tak naráža na rovnaké problémy ako určovanie pôvodnosti, autochtonnosti ruských frazém (porov. Янковичова 2000). Pri zisťovaní ruských etnokultúrnych symbolov a ich výskytu v komponentovom zložení frazém sa môžeme opierať len o poznatky diachrónej frazeológie, najmä o etymologický slovník ruskej frazeológie (Бирях – Мокиенко – Степанова 2005 – ďalej len БМС).

Na základe uvedeného slovníka môžeme usudzovať, že zdrojom ruských etnokultúrnych symbolov sú najmä folklórne žánre (byliny, rozprávky, povesti, piesne), ľudové obyčaje a obrady, ľudové povery a pohanská mytológia. Komponentmi ruských frazém, ich motivačným centrom, sa však stávajú len veľmi zriedkavo. Keď použijeme tematické triedenie európskych symbolov, môžeme ruské symboly zaradiť do nasledujúcich tematických skupín:

1. Ľudia podľa rôznych znakov:

казак – symbol slobodného života, nezávislosti: *вольный казак* – 1. ‘о независимом человеке, не признающем никаких притеснений’; 2. ‘о холостяке’ (sémantizáciu frazém uvádzame podľa БМС alebo podľa: Stěpanová 2007);

царь – symbol neobmedzeného vládcu: *царь и бог* кто [где] – ‘деспотичный человек, пользующийся неограниченной властью’.

2. Časti ľudského tela:

печёнка – symbol miesta vzniku negatívnych pocitov („В прошлом считалось, что чувство ненависти у человека связано с работой печени, вырабатывающей желчь“ – БМС: 531), *рогов.:* *всеми печёнками* (ненавидеть, презирать кого) – ‘очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать и т.п.)’, *сидеть в печёнках (в печёнке)* у кого – ‘очень досаждать, раздражать, надоедать до крайности кому-л.’.

3. Súčasti odevu:

лапти – symbol zaostalosti, chudoby a nekultúrnosti: *лаптем щи хлебать* – ‘жить, прозябать в нищете, невежестве; быть отсталым, некультурным’ (*рогов. aj antonymickú frazému не лаптем щи хлебать* – ‘хорошо разбираться в каком-л. деле, быть знакомым с последними достижениями в какой-л. области; уметь что-л. хорошо делать’); ako symbol chudoby sa často používa v opozícii s pomenovaním *сапоги*, ktoré symbolizujú bohatstvo a dostatok: *Правда в лаптях, а кривда в сапогах*.

4. Stromy, kry a ich plody, zelenina:

арбуз – symbol odmietnutia na pytačkách: *арбуз поднести (дать)* кому – ‘отказать жениху при сватовстве’; *арбуз получить* от кого – ‘получить отказ от кого-л. при сватовстве (обычно о женихе)’.

5. Konkrétne veci a nástroje:

печка a *лавочка* – symboly niečoho dobre známeho, domáceho („Печка и лавочка – неразлучные фольклорные символы. С ними связано много русских обычаев, обрядов и поверий. Печь – символ уважения к старикам, это законное место престарелых родителей; это символ благосостояния семьи и гостеприимства. Лавки, прикрепленные к трем стенам избы, заменяли мебель. На них сидели, спали, на них ставили утварь, они были как бы продолжением печи. На лавку клали и с нее выносили покойника. Печки-лавочки – это символ повседневной жизни, когда домашние разделяют и пищу, и ночлег, и радости, и горе“ (БМС: 531); *рогов.:* *печки-лавочки (печки и лавочки)* – ‘о чем-л. домашнем, родном, о чем-л. привычном, обыденном’;

дёготь – symbol hanby, potupy, ako aj zla („Деготь, несмотря на то, что в крестьянском быту он был важным и необходимым, из-за его черного цвета сделался символом бесчестия, зла. В деревнях дегтем вымазывали ворота девушке, потерявшей невинность до свадьбы“ (БМС: 177), *рогов.:* *мазать дёгтем* кого – 1. ‘позорить девушку, обвинять ее в бесчестии’, 2. ‘очернять, выставять кого-л. в черном цвете’; *ложка дёгтя (дёгтю) в бочке мёда (мёду)* – ‘небольшое зло, недостаток, портящие даже самую лучшую ситуацию’.

6. Mená pohanských božstiev, postáv z bylín a rozprávok, historických postáv, mená ľudí typické pre istú sociálnu skupinu:

Перун – symbol nadprirodzenej trestajúcej bytosti (Perún ako najvyššie pohanské božstvo slovanského panteónu, boh búrky, hromu a blesku), *рогов.:* *метать перуны* – ‘сердиться, сильно ругать кого-л., неистовствовать’; zároveň je Perún symbolom blesku, pretože „по древним верованиям, он ездил по небу в колеснице и пускал огненные стрелы – молнии, которые также назывались перунами“ (БМС: 526), *рогов. frazému перуны блещут* – ‘о сверкании молний’;

Кощей – symbol skúposti a chamtivosti (Кошчей je postava východoslovanských ľudových rozprávok, nesmierne bohatý, ale skúpy človek), *рогов.:* *скуп как Кощей (кощей)* – ‘об очень алчном, скаредно-скупом человеке’; pretože v ľudovom povedomí sa meno *Кощей* asociovalo so

slovom *кость*, stal sa Кощей aj symbolom veľkej chudosti: *тощий как Кощей (кощей) [бессмертный]* – ‘о крайне худом человеке’;

Илья Муромец – symbol sily a odvahy (Il’ja Muromec je hrdina ruských bylín), porov.: *[как] Илья Муромец* – ‘о сильном, здоровом, богатырского сложения человеке’;

Мамай – symbol chaosu, ničenia a pustošenia (tatársky chán Mamaj so Zlatou hordou plienil ruské územia), porov.: *как (будто, словно, точно) Мамай прошел (воевал); словно Мамай войной прошел* – ‘полный беспорядок, разгром, страшное опустошение где-л.’, *мамаево нашествие* – 1. ‘о неожиданном появлении многочисленных и неприятных гостей, посетителей и т.п.’; 2. ‘о полнейшем беспорядке, разгроме, опустошении где-л.’; *Мамаево побоище* – 1. ‘о кровавом сражении, жестокой схватке или драке и т.п.’; 2. ‘о полнейшем беспорядке, разгроме, опустошении где-л.’;

Алѣха – symbol hlúposti (Al’ocha je meno, ktoré dávali kedysi ľuďom nízkeho, neurodzeného pôvodu), porov.: *Алѣха сельский* – ‘безнадежный дурак, глупый, невежественный человек’;

Филька – symbol hlúposti (podobne ako meno Al’ocha dostávali ho prostí, neurodzení, a teda aj nevzdelaní ľudia), porov.: *филькина грамота* – ‘пустая, ничего не стоящая бумага, не имеющая никакой силы документа’ („Первоначально это грамота, написанная безграмотным человеком «подлого сословия», простофилей“ – БМС: 163);

Иванушка – symbol lenivosti a hlúposti (postava ruských ľudových rozprávok, lenivý a hlúpy človek), porov.: *Иванушка-дурачок* – ‘об очень глупом, несообразительном, крайне доверчивом человеке’.

Analýza frazeologického materiálu ukazuje, že v ruskej frazeológii sa vyskytuje len nevelký počet etnokultúrnych symbolov, pričom medzi nimi nenachádzame symboly, ktoré by patrili do takých tematických skupín ako sú Potraviny, Zvieratá a časti ich tela, Byliny, Budovy a ich časti, Neživá príroda, nerasty a prírodné javy, Čísla a Farby. Substantíva patriace do týchto tematických skupín pomenúvajú často typicky ruské predmety (самовар, балалайка, калина, березка, сарафан, валенок, щи, кисель, блины a i.) a stávajú sa komponentmi frazém, ale nemajú symbolický význam.

Viacere univerzálne a európske symboly nachádzajú však v ruskej frazeológii špecifické uplatnenie, ktoré sa prejavuje v tom, že buď vyjadrujú len niektoré významy viacvýznamového symbolu alebo k nim pridávajú ďalšie významy.

Napríklad v ruskej frazeológii v súlade s európskou symbolikou *pes* vyjadruje vernosť (*предан как собака*), hnev a zlobu (*злой как собака, злобный как собака, броситься как собака на кого, грызться как собаки, не буди спящую собаку*), bezcennosť, bezvýznamnosť (*каждая собака, обращаться с кем как с последней собакой; получить, чего собака не желает; облаять кого как собаку*) a i., nevyjadruje však ostražitosť (pes je „zvíra prahu“). Na druhej strane *mačka* je pre Rusov nielen symbolom falošnosti (*лжив как кошка*), ale aj zhýralosti (*блудлива как кошка*).

Biblická postava *Lazar* symbolizuje človeka trpiaceho na zemi chudobou a chorobami a odmeneného až po smrti (*беден как Лазарь, болен как Лазарь*), ale v ruskej kultúre je aj symbolom človeka, ktorý sa len vydáva za chudobného a trpiaceho (*прикидываться (притворяться) Лазарем, Лазаря (Лазарем) петь (тянуть, запевать)*).

Meč je symbolom vojny (v antike bol meč atribútom boha vojny Marsa, v kresťanskej Európe sa s mečom zobrazuje archanjel Michael). Tento symbol je vyjadrený vo frazémach *точить меч* na кого, *поднять меч* [на кого], *обнажить меч, скрестить мечи, предать мечу* [кого, что], *вложить меч в ножны*. Ale *meč* symbolizuje aj vládu (pričom dva skrížené meče predstavujú duchovnú a svetskú vládu), napriek tomu tento symbolický význam nemá v ruskej frazeológii svoje vyjadrenie.

Koleso je symbolom zrodenia a smrti, menlivosti osudu, vrtkavosti ľudského šťastia (rímska bohyňa šťastia Fortúna sa zobrazuje zväčša stojaca na guli alebo na kolese), ale v ruskej frazeológii sú zafixované len niektoré symbolické významy: *колесо Фортуны (счастья), колесо истории, пытаться повернуть колесо истории вспять*.

Зáver

Na etnokultúrnom charaktere ruských obrazných frazém sa podieľajú komponenty, ktoré vo voľnom použití fungujú ako pomenovania etnokultúrnych symbolov, len v malej miere. Za prejav etnokultúrnej špecifickosti ruských obrazných frazém obsahujúcich vo svojom komponentovom zložení pomenovanie symbolu však možno pokladať fakt, že tieto frazémy vyjadrujú často len isté (rozšírené alebo zúžené) spektrum významov príslušného univerzálneho alebo európskeho kultúrneho symbolu.

Literatúra

- BIEDERMANN, H.: *Lexikón symbolov*. Bratislava: Obzor 1992. 375 s.
Encyklopédia jazykovedy. Zost. J. Mistrík. Bratislava: Obzor 1993. 520 s.
FILIPEC, J. – ČERMÁK, F.: *Česká lexikologie*. Praha: Academia 1985. 284 s.
MLACEK, J. – ĎURČO, P. a kol.: *Frazeologická terminológia*. Bratislava: Stimul 1995. 160 s.
STĚPANOVÁ, L.: *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého 2007. 880 s.
БИРИХ, А. К. – МОКИЕНКО, В. М. – СТЕПАНОВА, Л. И.: *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп.* Москва: Астрель; АСТ; Люкс 2005. 928 с.
ЯНКОВИЧОВА, М.: *Свое и чужое во фразеологии языка: проблемы определения*. In: *Rossica Olomucensia XXXVIII (za rok 1999)*. 2. část. Red. Z. Pechal. Olomouc: Filozofická fakulta Univerzity Palackého 2000, s. 453–460.

Резюме

Этнокультурные символы в русской фразеологии

Фразеология любого языка в значительной мере отражает особенности культуры народа, говорящего на данном языке, поэтому ее по праву считают национально-культурным, или же этнокультурным пластом словарного состава. Этнокультурный характер фразем находит свое проявление в специфике их образности, под которой в теории фразеологии понимается внутренняя форма фраземы, т. е. конкретный образ, возникающий в сознании пользователей языка на основе свободного сочетания слов, ставшего деривационной базой фраземы. Автор статьи ищет ответы на следующие вопросы: 1) какую роль играют в создании этнокультурного характера фразем компоненты фразем, функционирующие в своем свободном употреблении в качестве бытующих исключительно в русском этносе наименований культурных символов, т. е. этнокультурных символов; 2) какие тематические группы образуют этнокультурные символы в русской фразеологии.

На основе сравнения набора приблизительно 550 символов, встречающихся в разных этносах мира, с их наименованиями, выступающими в качестве компонентов русских фразем, автор приходит к заключению, что 1) компоненты-наименования русских культурных символов играют в создании этнокультурного характера русских образных фразем лишь незначительную роль; 2) этнокультурные символы образуют несколько тематических групп: Люди по различным признакам; Части человеческого тела; Одежда; Деревья, кусты и их плоды, овощи; Конкретные предметы и инструменты; Имена языческих богов, имена героев русских былин и сказок, имена, характеризующие людей по их социальному статусу. Проявлением этнокультурной специфики русских образных фразем, имеющих в своем составе наименование символа, можно считать то, что русские фраземы нередко выражают лишь определенный (расширенный или суженный) спектр значений соответствующего универсального или общеевропейского культурного символа.

NEKODIFIKOVANÝ JAZYK RUSKEJ MLÁDEŽE NA PRELOME 20. A 21. STOROČIA

Katarína Mäsiarová (Bratislava)

Ruský jazyk, rovnako ako všetky živé jazyky fungujúce v organizovaných komunikatívnych spoločenstvách ľudí, je presiaknutý množstvom subštandardných prostriedkov, vrátane slangových výrazov, žargonizmov a argotizmov. Súvisí to predovšetkým so sociálnou, profesionálnou a vekovou heterogénnosťou nositeľov jazyka, ktorí sa snažia o vytvorenie svojich osobitých spôsobov vyjadrovania.

Existujú tri hlavné príčiny takéhoto procesu. Po prvé, medzi bežne zaužívanými výrazovými prostriedkami môžu chýbať jazykové jednotky, ktoré sú pre určitý okruh alebo skupinu ľudí nevyhnutné na označenie pre nich dôležitých javov skutočnosti alebo jestvujúce spisovné prostriedky nie sú dostatočne výstižné či úsporné, t. j. sú nevyhovujúce z hľadiska každodenného použitia, napr. rôzne mnohočlenné slovné spojenia, latinizmy, oficiálne termíny a pod. Po druhé, členovia niektorých skupín pociťujú potrebu používať špecifické vyjadrovacie prostriedky, ktoré by im umožňovali medzi sebou komunikovať tak, aby ich reč bola pre ostatných nositeľov jazyka nezrozumiteľná. Po tretie, používanie subštandardnej lexiky, vrátane žargonizmov, je samo osebe príznakom príslušnosti k istej skupine, zvyšuje autoritu hovoriaceho v očiach jej členov (Lingvističeskij enciklopedičeskij slovar 1990, s. 151).

Koncom 80-tych, začiatkom 90-tych rokov 20. storočia došlo v Rusku k značným spoločensko-politickým zmenám, ktoré sa intenzívne odrazili aj na stave ruského jazyka. Sloboda slova, odstránenie politickej cenzúry a tiež snaha novinárov zaujať nielen obsahom, ale aj formou spôsobilo, že na stránky novín a časopisov (neskôr aj internetu), do rádia, na televízne obrazovky začala aktívne prenikať subštandardná lexika. Jej „agresívnej“ expanzii sa nevyhla ani umelecká literatúra. V spoločnosti sa objavili nové sociálne skupiny ako „novýje ruskije“, „čelnoki“ (priekupníci so zahraničným tovarom), „neformálne“ mládežnícke skupiny atď., čo viedlo k vzniku nových lingvistických sociosystémov, „prebehla aktivizácia skupinových a profesionálnych žargónov“ (Maročkin 1998, s. 4).

Zvýšený záujem o sociolekty nielen zo strany lingvistov, ale aj spoločnosti priniesol množstvo vedeckých publikácií, slovníkov, dizertačných prác. O tom, že sa ruská reč posledné dve desaťročia nachádza pod intenzívnym vplyvom žargónu, nás presvedčajú názory mnohých ruských sociolingvistov a lingvistov, avšak hodnotenie výsledkov daného procesu je rôzne. Zatiaľ čo sa napríklad V. S. Jelistratov nazdáva, že je viac než pravdepodobné, že žargón v tej podobe, v akej jestvuje teraz, „bude tým činiteľom, ktorý v mnohom rozhodne o budúcnosti ruského jazyka“ (Jelistratov 1995, s. 88), V. G. Kostomarov poukazuje na to, že nižšia hovorová lexika, žargonizmy, ale aj ďalšie nespisovné jazykové prostriedky, ktoré sa začali intenzívne a široko používať, otvárajú cestu k celkovej nedbanlivosti, ktorá prináša nesprávne, často dokonca vulgárne vyjadrovanie. Takáto bezohľadná demokratizácia je výsledkom prílišnej zhovievavosti a tolerantnosti časti spoločnosti. Kostomarov však verí, že tento stav jazyka, ktorý mnohých znepokojuje, neraz až desí, sa časom zmení (Kostomarov 1997, s. 74, 96).

Vplyv takzvanej demokratizácie sa odráža aj na reči mladých ľudí, ktorí si snahou o slobodu a nezávislosť prerazili vlastnú cestu prostredníctvom „zašifrovaného“ jazykového kódu – mládežníckeho žargónu. Tento nekodifikovaný jazyk mládeže je jedným z najvýraznejších, najvábivejších a tiež najaktívnejších javov v rámci žargónového systému. S neuveriteľnou rýchlosťou reaguje na všetky globálne zmeny v spoločnosti, predovšetkým z hľadiska lexiky. Ide o jazyk viac-menej „uzavretej“ sociálnej skupiny, ktorý sa vyznačuje svojou „chytľavosťou“, dynamickosťou a životaschopnosťou.

Dôležitým podnetom k formovaniu jazyka mladých v Rusku a k jeho ďalšiemu rozvoju poslúžili mimojazykové činitele, predovšetkým psychologické, sociologické a spoločensko-politické. Krátko po skončení druhej svetovej vojny vo väčších mestách bývalého Sovietskeho zväzu vznikli neformálne mládežnícke organizácie na znak protestu voči vtedajšej realite, voči

totalitnému režimu. Čoskoro sa však začali vnímať ako relatívne nebezpečné, boli vyhlásené za „antisovietske“ a následne s členmi týchto skupín začali prvé súdne procesy. Druhá vlna „neformálov“ sa zodvihla v 50. – 60. rokoch, v čase tzv. odmäku. A práve toto obdobie vyvolalo najintenzívnejší záujem o skúmanie mládežníckeho žargónu zo strany lingvistiky a sociolingvistiky. V 70. rokoch dochádza k zrodu nových neformálnych mládežníckych skupín, z ktorých najrozšírenejším sa stáva hnutie „hippies“. To demonštratívne odmieta spoločenské konvencie a aktívne formuje svoj sociolekt. Otvorený protest mládeže voči vtedajšiemu režimu, jej boj za demokratizáciu spoločnosti vyvrcholil v období „perestrojky“, ktorá priniesla množstvo zmien a tie sa nemohli neodraziť aj na kvalitatívnej stránke jazyka a jeho podsystémov, vrátane mládežníckeho žargónu.

Po „perestrojke“, v spoločnosti, rovnako aj v jazyku, dochádza k výraznému narúšaniu všetkých doterajších noriem a stereotypov. Nová móda preniká do politiky, spoločenského správania, obliekania, ale aj komunikácie. Tieto tendencie sa najintenzívnejšie prejavili v reči mládeže, ktorá hľadá slobodu sebaujadenia medzi rovesníkmi, ďaleko od autority dospelých, od ich nekonečných pravidiel a poučení. Mládež má rada všetko nevšedné a netradičné. Snaží sa vytvoriť si svoj vlastný, relatívne uzavretý svet, v ktorom by fungoval aj iný hodnotový systém, iný jazyk. Ale tento pocit slobody v zmýšľaní, správaní, komunikácii, žiaľ, až príliš často prekračuje rámec vhodného, slušného správania, čo vyvoláva negatívne reakcie u veľkej časti obyvateľstva. Nemali by sme však všetkých mladých hodnotiť rovnako. Veď mládež sama osebe predstavuje osobitú vrstvu spoločnosti so svojimi cennosťami, kultúrou. Ako píše O. D. Miralajevová „zo sociálneho hľadiska ide o najperspektívnejšiu skupinu obyvateľstva, ktorej jazyková kompetencia a rečové správanie v mnohom určujú smer rozvoja aj ďalších jestvujúcich foriem celonárodného jazyka, vrátane hovorovej reči a spisovného jazyka“ (Miralajeva 1994, s. 3).

Samozrejme, môžeme sa rôzne stavať k rozšíreniu žargonovej lexiky, ale nie je možné prehliadnuť alebo ignorovať, že sa v reči mladých ľudí intenzívne vyskytujú špecifické nespisovné slová a výrazy, ktoré používajú v neoficiálnom styku. Keď chce dnes mladý človek zapadnúť do určitej mládežníckej partie, skupiny, je nevyhnutné, aby ovládal aj príslušný jazykový kód – mládežnícky žargón. Pre mnohých mladých ľudí je tento sociolekt jediným možným komunikatívnym kódom, pretože spisovný jazyk v komunikácii so svojimi vrstovníkmi rázne odmietajú. Pre ďalšiu časť mládeže, napríklad študentov stredných a vysokých škôl, žargón predstavuje alternatívny kód, t.j. v oficiálnej komunikácii používajú spisovný jazyk a v neoficiálnej uprednostňujú žargón. Teda v závislosti od situácie sa z času načas prepájajú na nekodifikovaný jazyk. Svojím spôsobom sa jedná o istý typ „kolektívnej hry“ (Maľceva 1998, s. 5). Dôležité je však podčiarknuť, že aj keď mládež medzi sebou komunikuje prostredníctvom osobitého jazykového kódu, jej reč nepozostáva zo samých žargonizmov či slangizmov, tie sú len včlenené medzi spisovnú lexiku, t.j. dochádza k špecifickému prepleteniu spisovnej lexiky s lexikou mládežníckeho sociolektu. Samozrejme, nakoľko častý je výskyt subštandardných prvkov v reči mladých ľudí, závisí od mnohých činiteľov, napr. od intelektuálnej úrovne, záujmov, sociálneho postavenia, veku, pohlavia atď.

Hlavným kritériom pre vyčlenenie nositeľov tohto jazykového podsystému je vekové kritérium. Dnes sa v Rusku pod pojmom mládež chápe sociálno-demografická skupina obyvateľstva vo veku od 13 do 25 až 30 rokov. Ide však o veľmi heterogénnu skupinu, do ktorej spadajú žiaci a študenti, mladí pracujúci a nezamestnaní, „neformáli“, mladí alkoholicy, narkomani, gambleri, mládež prepojená s kriminálnymi štruktúrami a pod. V reči mládeže tak neraz dochádza k zmiešaniu jednotiek rôznych jazykových podsystémov (nižšia hovorová lexika, slang, žargón, argot), nositeľmi ktorých sú rovnako mladí ľudia. Preto sa v rámci mládežníckeho žargónu dajú vyčleniť nasledujúce lexikálne vrstvy:

a) vrstva skupinovo ohraničených mládežníckych žargonizmov – tvorí ju lexika mládežníckych skupín, napr. žiakov, študentov, „neformálov“, hudobníkov, narkomanov, gamblerov, hakerov, ktorá je takmer neznáma, t.j. neuplatňuje sa za hranicami týchto skupín, napríklad: *барабашки* – bicie (hud.); *гудошник* – človek, ktorý veľmi rád spieva, ale falošne (hud.); *конса, консерва* – konzervatórium (hud.); *домашка* – domáca úloha (žiac.); *литвед* – literárna veda (štud.); *завал* – nespraviť skúšku (štud.); *посадить на иглу* – vtiahnuť niekoho do narkománie (nark.) atď.;

b) vrstva skupinovo neohraničených mládežníckych žargonizmov – pozostáva zo žargonizmov, ktoré používa väčšina mladých ľudí odhliadnúc od ich profesionálneho zaradenia, činnosti a záľub, napr.: *уизанутый* – nenormálny; *пельмень* – hlúpy človek; *шланг* – zaháľáč; *даун* – depresia; stagnácia, nečinnosť, úpadok; *пату* – večierok atď.;

c) vrstva funkčných mládežníckych žargonizmov – zahŕňa lexikálne jednotky, ktoré sa často vyskytujú v reči mládeže, boli však prevzaté z iných jazykových podsystémov a tiež lexikálne jednotky, ktoré kedysi patrili do prvých dvoch vrstiev, ale postupne prenikli za hranice mládežníckeho sociolektu, „dešifrovali sa“, dostali sa do povedomia širšej spoločnosti, napr.: *мент* – policajt; *бабки* – peniaze; *заколебать* – mať niekoho po krk; *на халяву* – zadarmo; *бухать* – piť alkoholické nápoje; *улет* – eufória, nadšenie; *знать пургу* – klamať a pod.

Ako sme si mohli všimnúť, pre slovnú zásobu mládežníckeho žargónu nie je príznačná homogénnosť. A preto v rámci tohto jazykového podsystému možno vyčleniť jadro, ktoré pozostáva zo skupinovo ohraničených a skupinovo neohraničených mládežníckych žargonizmov a perifériu, ktorú tvoria jednotky iných sociolektov (viz Maročkin 1998, s. 26-27).

Jednou z dominantných čŕt mládežníckeho žargónu je neustále obnovovanie jeho lexikálnych prostriedkov. Ich životnosť je približne 10 rokov. V priebehu tohto obdobia slovná zásoba aktívne reaguje na všetky vonkajšie zmeny. Nositelia sociolektu pozorne sledujú, aby sa zo žargonizmov nevytrácala ich expresívno-emocionálna zložka. „Ošúchané“ alebo „dešifrované“ jednotky sa zamieňajú za nové. Tie žargonizmy, ktoré z toho či iného dôvodu predsa len preniknú do reči veľkého počtu ľudí, stávajú sa jednotkami slangu, nižšej hovorovej lexiky alebo dokonca jednotkami spisovného jazyka.

K obohacovaniu žargónového slovníka mladých ľudí dochádza rôznymi spôsobmi. Mládežnícky žargón preberá lexikálne jednotky prakticky zo všetkých jestvujúcich foriem národného jazyka – spisovnej, štandardnej a subštandardnej. Nezastavuje sa však len pri národnom jazyku, ale svoj slovník dopĺňa aj o jednotky prevzaté z cudzích jazykov. Z nášho výskumu vyplynulo, že žargón ruskej mládeže čerpá slovnú zásobu predovšetkým z kodifikovaného spisovného jazyka (ide o najproduktívnejší spôsob prostredníctvom metaforizácie a metonymizácie), ďalej z argotu a cudzích jazykov, z ktorých dominuje angličtina. V krátkosti by som sa ešte pozastavila pri poslednom zo spomínaných lexikálnych zdrojov.

Mládežnícky žargón zaznamenáva od 90. rokov 20. storočia vysoké percento výskytu, ale aj neustáleho nárastu slov prevzatých z angličtiny. Súvisí to predovšetkým s intenzívnym vplyvom rôznych extralingvistických činiteľov. Jedným z nich je všeobecne známy jav, rozšírený aj v Rusku. Ide o tzv. amerikanizáciu, ktorá vplýva na celkový životný štýl mládeže, ale odráža sa aj na jej reči. Z toho vyplýva, že sa anglicizmy nedostali do mládežníckeho žargónu bezprostredne len z britskej, ale aj z americkej angličtiny. Predmetom nášho skúmania však nebolo rozhraničenie týchto lexikálnych jednotiek z hľadiska *anglické* – *americké* (nazývame ich jednoducho anglicizmy), ale ich analýza z rôznych jazykových rovín.

V rámci prevzatých slov z angličtiny sa dajú vyčleniť štyri základné skupiny. Prvú skupinu tvoria anglicizmy, ktoré boli prevzaté priamo, t.j. bez väčších formálnych a sémantických zmien, napr. slová *байк* – bicykel (z ang. bike); *бег* – taška, plecniak (z ang. bag); *кис* / *кисс* – bozk (z ang. kiss); *мани* / *маны* – peniaze (z ang. money); *стрит* – ulica (z ang. street); *таун* – mesto (z ang. town) atď. Druhá skupina pozostáva z tzv. hybridných slov, ktoré boli utvorené od anglických základov pomocou rôznych ruských afixov a flexií s rovnakým alebo len čiastočne pozmeneným významom, napr. *руmnата* – izba (od ang. room); *юзать* – používať (od ang. to use); *вотчи* – náramkové hodinky (od ang. watch); *аскатель* – žobrák (od ang. to ask – pýtať sa, si); *камать* – ísť (od ang. to come – prísť); *безандестенд* – hlúpy, nechápavý človek (od ang. don't understand – nerozumieť) atď. Tretiu skupinu tvoria ruské slová, ktoré sa foneticky veľmi podobajú na anglické, napr. *баба*, *баобаб*, *жаба* – skupina ABBA; *емеля*, *мыло* – e-mail; *Курь* – skupina The Cure; prípadne sa tieto foneticky blízke slová môžu vyskytnúť spolu s anglickými v jednom slovnom spojení, napr. *Бей об фейс* – skupina Ace of base; *Пол накаркал* – spevák Paul McCartney atď. Štvrtú skupinu

tvoria slová-kalky, napr. slovo „Microsoft“ sa v reči mladých skrýva pod žargonizmom *мелкомягкие* alebo slovo „Windows“ pod žargonizmom *окошки* a pod.

Väčšina anglicizmov prevzatých do mládežníckeho žargónu sa prispôsobila ruskému jazykovému systému. Okrem fonetickej, gramatickej a lexikálnej adaptácie prebehla predovšetkým grafická, ktorá sa na rozdiel od predošlých troch dotkla každej jednotky bez výnimky.

Čo sa týka fonetickej stránky, prevzaté anglicizmy si zväčša svoju zvukovú podobu zachovávajú. Stretli sme sa však aj s takými slovami, ktorých prízvuk bol pozmenený alebo mali dokonca niekoľko fonetických variantov, napr. *бразер* / *брайзер* – brat; *бэздэй* / *бэрздей* – narodeniny; *батл* / *ботл* / *ботла* – fláša; *трызер* / *трайзер* / *трызера* / *трайзера* – nohavice, pri niektorých ďalších ich však môže byť oveľa viac. Vyskytli sa aj prípady, keď fonetickým variantom slova bola jeho grafická podoba. Špecifické a mimoriadne zaujímavé boli hlavne prípady, keď sa slovo foneticky adaptovalo natoľko, že sa jeho pôvodná podoba dala len ťažko rozoznať, napr. sloveso *маздать* vo význame „biť, mlátiť niekoho“ vzniklo z anglického spojenia „must die“ – musí zomrieť; podstatné meno „бишупа“ vo význame „tehotenský test“ vzniklo zo spojenia „be sure“ – byť si istý a pod.

Spôsob tvorenia nových žargonizmov od anglických slov pomocou rôznych ruských afixov a flexií sa vyznačuje veľkou produktivitou. Nové slová sa utvárajú od tých istých alebo aj od iných slovných druhov, napr. sloveso *утать* bolo utvorené od anglického slovesa „to eat“ bez sémantickej zmeny, ale napr. sloveso *хэндать* vo význame „chytať, dotýkať sa niečoho rukami“ bolo utvorené od anglického podstatného mena „hand“. Týmto spôsobom sú najčastejšie tvorené slovesá, podstatné a prídavné mená.

Z morfolologickej stránky sa väčšina prevzatých alebo novoutvorených žargonizmov v závislosti od slovnodruhovej zaradenosti prispôsobila ruskému jazykovému systému. Slová tak nadobudli schopnosť zmeny tvaru skloňovaním alebo časovaním, na rozdiel od anglického (neflektívneho) jazyka, v ktorom sa ich tvar nezmenil.

Čo sa týka sémantickej stránky, veľa prevzatých slov zmenilo svoj význam, väčšina si ho však zachovala. Stretli sme sa aj s prípadmi, keď sa význam prevzatej lexikálnej jednotky rozšíril, napr. slovo *найт* sa používa v mládežníckom žargóne vo svojom pôvodnom význame „noc“, ale aj v novom „nocľah“; slovo *френд* / *фрэнд* – vo význame „kamarát“, „priateľ“, ale aj vo význame „zahraničný študent“; *прайс* – vo význame „cena“, ale aj „peniaze“ a pod.

Pri analýze žargonizmov prevzatých mládežou z anglického jazyka sme sa pokúsili stručne dotknúť tých aspektov, ktoré sa podľa nás zdali najzaujímavejšími z hľadiska vplyvu jedného jazykového systému na druhý v rámci mládežníckeho žargónu.

Vynaliezavosť a fantázia mládeže je neohraničená. Svoju originalitu a kreativitu naplno prejavuje aj prostredníctvom svojho jazyka, ktorý intenzívne prekvitá predovšetkým v ruských veľkomestách, podľa pravidla „čím viac mladých ľudí, tým lepšie možnosti pre jeho rozvoj a uplatnenie“. Mať svoj jazyk, je jedným zo spôsobov, ako dať najavo svoju nekonvenčnosť, nezávislosť, slobodu. Avšak nejde len o túžbu separovať sa od sveta dospelých, odviazať sa, upozorniť na seba či šokovať, ale prepnutie na nekodifikovaný jazyk mnohým pomáha „vypnúť“, t.j. môže slúžiť aj ako istá forma hry, zábavy či relaxu. Tento nekodifikovaný, väčšinou dokonale zašifrovaný jazykový kód, aktívne reaguje na všetky zmeny odohrávajúce sa v spoločnosti sústavnou obnovou svojich lexikálnych jednotiek, ktoré sa vyznačujú vysokou expresivitou a emocionálnym nábojom. No hoci mládežnícky žargón disponuje širokou škálou výrazových prostriedkov, nemôže fungovať ako samostatný komunikačný systém, pretože jeho lexika je záujmovo ohraničená, t.j. vzťahuje sa na oblasti záujmovej činnosti mládeže.

Literatúra

BLINOV, V. M.: Sovremennyy jazyk molod'ozhi Rossii. In: *Mitteilungen für Lehrer slawischer Fremdsprachen. Verband der Russischlehrer Österreichs*. Wien, Nr. 79, 2000, s. 1-7.

- CHOTENKO, T.: Tviks, saks, ups! In: *Cosmopolitan*, 6, 2002, s. 78-80.
- JELISTRATOV, V. S.: Russkoje argo v jazyke, obščestve i kul'ture. In: *Russkij jazyk za rubežom* 1, 1995, s. 79-93.
- JERMAKOVA, O. P.: Semantičeskije processy v russkom molod'ožnom žargone. In: *Poetika, stilistika, jazyk i kul'tura*. Moskva 1996, s. 190-199.
- KANOVA, E.: Jazyk molod'oži na rubeže vekov. In: *Russkij jazyk v centre Jevropy* 3. Banská Bystrica, 2000, s. 15-20.
- KOSTOMAROV, V. G.: *Jazykovoј vkus epochi*. Moskva : Pedagogika-Press, 1997.
- LEPKOVA, J.: Kruto govorim! In: *Cosmopolitan*, 2, 1998, s. 105-108.
- Lingvističeskij enciklopedičeskij slovar*. Pod. red. V. N. Jarcevoj. Moskva : Sovetskaja enciklopedija, 1990.
- MAKOVSKIJ, M. M.: *Anglijskije social'nyje dialekty. Ontologija, struktura, etimologija*. Moskva : Vysšaja škola, 1982.
- MAIČEVA, R. I.: *Slovar molod'ožnogo žargona*. Krasnodar 1998.
- MAROČKIN, A. I.: *Leksiko-frazeologičeskije osobennosti molod'ožnogo žargona (na materiale reči molod'oži g. Voroneža)*. Dissertacija na soiskanije učonoj stepeni kandidata filologičeskich nauk. Voronež 1998.
- MIRALAJEVA, O. D.: *Sovremennyy russkij molod'ožnyj žargon*. Avtoreferat, predstavlenyj na soiskanije učonoj stepeni kandidata filologičeskich nauk. Moskva 1994.
- NENAŠEV, S. V. – PILATOV, S. G.: *Deti andergraunda*. Leningrad : Lenizdat, 1990.
- NIKITINA, T. G.: *Slovar molod'ožnogo slenga 1980-2000 gg*. Sankt-Peterburg : Folio-Press, 2003.
- STERNIN, I. A.: Obščestvennyje processy i razvitije sovremennogo russkogo jazyka. Voronež : Logos, 1997.
- ZAJKOVSKAJA, T. E.: *Puti popolnenija leksičeskogo sostava sovremennogo molod'ožnogo žargona*. Avtoreferat, predstavlenyj na soiskanije učonoj stepeni kandidata filologičeskich nauk. Moskva 1993.
- ZAPESOCKIJ, A. S. – FAJN, A. P.: *Eta nepoňatnaja molod'ož. Problemy neformal'nych molod'ožnyh objedinenij*. Moskva : Profizdat, 1990.

Резюме

Статья посвящена вопросам современного молодёжного жаргона. В настоящее время неформальное устное общение в молодёжных кругах Москвы, но также и в других крупных городах России имеет чрезвычайно широкое распространение. Молодёжный жаргон (МОЖ), как один из основных речевых кодов молодых людей, активно реагирует на все происходящие в обществе изменения постоянным обновлением и сменяемостью своих лексических средств, обладающих высокой экспрессивной силой. Несмотря на то что в словарный состав МОЖ входит огромное количество единиц, всё-таки он не может выступать в виде самостоятельной, достаточной для коммуникации, системы, поскольку его лексика ограничена интересами молодёжи, т.е. учёбой, модой, одеждой, музыкой, общением с друзьями, разными увлечениями и т.п. МОЖ, как одна из второстепенных форм существования языка, образует особую языковую подсистему, которая существует лишь в виде вкраплений в разговорную речь или просторечие.

Одним из главных источников пополнения лексикона МОЖ является прежде всего лексика русского литературного языка. Но кроме литературного языка, на формирование современной жаргонизированной речи молодых людей сильно повлияли арг и слова иноязычного происхождения – главным образом англицизмы. Употребление заимствованных англицизмов без формально-семантических изменений или с ними в речи молодёжи очень частотно. Среди причин, способствовавших столь широкому проникновению англо-

американских заимствований в МОЖ русского языка, выделяются в первую очередь экстралингвистические – влияние западных кинофильмов, музыки, моды, подражание западному образу жизни и т.п. Восприятие этих слов облегчается массовым изучением английского языка в России. На примере англицизмов мы попытались рассмотреть основные особенности заимствования иноязычной лексики молодёжным жаргоном, т.е. рассмотреть, как ведут себя перешедшие в МОЖ английские слова, как они осваиваются русским языком.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СНИЖЕНИЕ И УСИЛЕНИЕ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ПУБЛИЧНОГО ОБЩЕНИЯ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Katarína Jackulíková (Banská Bystrica)

Глобальное снижение, массовая „экс-прессивация“ публичного общения является проблемой официальной коммуникации, которую формируют наиболее активные представители говорящего социума – молодежь, журналисты, политико-административный аппарат, интеллигенция. Молодежь представляет авангард живых процессов в речи. Журналисты благодаря средствам СМИ, во многом оказываются „законодателями“ речевой моды. Политико-административный аппарат, его публичная часть, „управляет“ речевым процессом. Самое прямое отношение к языковому процессу имела и имеет интеллигенция. Именно эти общественные слои в той или иной мере представляют доминирующие тенденции в живом языковом процессе.

Живая речь всегда экспрессивно окрашена, говорящий и пишущий, стремится к выразительности, так или иначе отражающей его эмоциональное состояние, настроение. Русский язык располагает широким набором средств для реализации этой естественной потребности говорящего. Это стилистические, мотивационные, оценочные, эмотивные, образные и многие другие языковые и речевые средства.

Глобальное снижение, усиление экспрессивности прежде всего это проявляется в устных и письменных формах средств массовой коммуникации: в передачах телевидения, радио, газет и журналов, рекламных текстах. Печатные средства массовой информации (СМИ), новейшая публицистика, звучащая публичная речь отбросили большинство из привычных для читателя и слушателя нормативных, стилистических и этических ограничений и по выразительности и эмоциональной окраске максимально приблизились к живой быденной речи. Более того, разговорные, а то и сниженные единицы языка стали использоваться даже в деловой и научной речи.

Глобальное стилистическое снижение живой речи, а как следствие, и языка в целом – это очевидный признаваемый процесс развития русской, и не только русской, языковой культуры. Этому процессу закономерно способствовал целый ряд исторических причин: социальных, политических, эстетических. Начиная с 1990-х годов, процесс вторжения в публичное общение сниженной речи, жаргонизмов, традиционных вульгаризмов, а также иноязычных заимствований стал массовым и всепроникающим. К началу XXI столетия в русском культурном и языковом пространстве произошла “смена нормативной основы литературного языка”. Язык художественной литературы стал уступать свою функцию устной речи публичных каналов общенациональной коммуникации. Причины такого “культурного переворота” очевидны.

Во-первых, бурное развитие электронных средств - общение с Интернетом - часто единственная сфера речевой деятельности, в которой задаются речевые «эталоны», «нормы», «эстетика» для массового носителя языка. Новое слово, как правило, отражает изменения, происходящие в жизни общества. Так очень активно в нашу жизнь вошел компьютер, к его услугам человек обращается постоянно. Эта особенность наших дней нашла отражение в языке. Наряду с производящим словом компьютер получили распространение как производные от него слова, так и слова, которые обозначают принадлежность человека к компьютерной сфере. Здесь очень важно отметить, что экспрессивную окраску данные лексические единицы не несут в себе, а приобретают ее, лишь находясь в каком-либо контексте. Так к собственно жаргонным единицам можно отнести например следующие:

- комп - компьютер “Чтобы собрать хороший комп...” ;
- компютерицик (разговорное) - специалист по компьютерам; тот, кто работает с компьютером “Чтобы собрать хороший комп, найди компютерицика, который шарит”;

- компьютеризация - распространение и широкое внедрение компьютеров во все сферы жизни общества “В последнее время довольно высоки темпы компьютеризации школ”;
- лузер - человек, который абсолютно ничего не понимает в компьютерах “Он же лузер, - сказал мне Сашка”;
- геймер - человек очень любящий компьютерные игры “В городе состоялась битва геймеров по контр страйку”;
- мыло - электронная почта (от английского mail) “...отправляйте на мыло...”.

Также радио и телевидение со всем жанровым многообразием. Программы радио- и теленовостей, репортажи, комментарии, беседы, интервью, дискуссии, ролевые игры ... т. е. многофункциональная, динамичная, преимущественно диалогическая, часто спонтанная почти всегда экспрессивная живая речь, в которой кроме привычных нейтральных или публицистических слов и оборотов активно стали использоваться просторечные экспрессивы, жаргонизмы, неустоявшиеся англо-американские заимствования, вульгаризмы. Газеты, радио, телевидение сыплют “пиарами, траниами, реанимацией российской экономики, ангажированной прессой политическим бомондом, стагнацией души, рейтингом вранья, пакетом предложений, пакетом дипломатических инициатив”, реклама глушит “чумовыми джок-дайлами”, “офшорами” и “таймшерами”.

Многие из таких «новаций» устной публичной речи мгновенно были подхвачены и письменной речью - газетно-журнальной публицистикой.

В частности, весьма характерны специализирующие, уточняющие номинации:

- меценат - спонсор; продюсер - промоутер; магазин - бутик (магазин модной одежды);
- “Ищем меценатов(спонсоров), для проведения праздника...” - “...был открыт бутик стильной одежды”;
- “ЕБ, фактически выполнявший на выборах роль информационного киллера”;
- “Главный масон России АБ...” (Масон - м. франц. член масонства и тайного масонского общества, принявшего название каменщиков или строителей. Масоном или фармасоном (franc - mason) зовут у нас вольнодумцев, государственных и церковных);
- “Интрига с добровольным снятием с дистанции...” (Интрига - ж. . франц. пронырство, козни, каверзы, крючок, происки, дело пролаза, проделка; // любовная связь; // завязка, опорная точка комедии или драмы);
- “Что может объединить бизнесмена и бомжа?” (Бомж - бродяга, человек без определенного места жительства бомж).

Во-вторых, демографическое изменение русскоязычного этноса. К концу XX столетия в составе российского населения стали абсолютно преобладать горожане во втором-третьем поколениях, резко уменьшилось количество исконно деревенских жителей, сохраняющих особенности местной речи. Важную роль сыграла и политика всеобщего и обязательного среднего образования.

В-третьих, причиной культурно-языковой переориентации стало омолаживание социально и профессионально активной части общества нового времени: значительную роль в общественной жизни, а, следовательно, и в публичной коммуникации (особенно в СМИ) стала играть молодежь, молодое поколение со свойственной ему радикальностью вообще и в публичном речевом поведении в частности.

В-четвертых, нельзя не учитывать и влияния фактора резких социально-политических изменений в стране.

Демократизация жизни общества внесла существенные изменения в язык средств массовой информации. Уровень его заметно снизился, наполнился разговорными, просторечными, жаргонными словами. Многочисленные отступления от норм русского литературного языка, неумеренность употребления иностранных слов. Иноязычная лексика также является одним из источников экспрессии языка СМИ. Первое, что бросается в глаза - это навязчивое желание употреблять как можно больше иностранных слов, не всегда осознавая их истинный смысл. За этим стремление быть Собразованным, моднымS. Оценочность языковых средств языка прессы обусловлена стремлением не просто назвать предмет (явление), но и дать ему позитивную или негативную характеристику, поэтому в заимствованных словах, функционирующих в языке современных средств массовой информации, нередко основные значения осложняются переосмыслениями, связанными с разным социальным отношением к

обозначаемому словом понятию или отношением автора к описываемым событиям, явлениям. При этом достаточно часто в языке-источнике эти слова были стилистически нейтральны или содержали противоположную оценку. Так, заимствование шоу в ряде контекстов приобретает негативный смысл, который отсутствует у слова в языке-источнике.

Отечественные исследователи современного языка считают, что негативные языковые процессы порождает условия конкуренции со стороны электронных СМИ, а также борьба за аудиторию. Появление в печатных текстах сниженной лексики напр.: воровской жаргон (*авторитет, дурь, замочить, козел, наезжать, отмазка, разборка*), коммерческий жаргон (*отмывать, спонсировать, штука*), молодежный жаргон (*балдеж, клевый, продинамить, тусовка, оттянуться, попса*), просторечные слова (*халява, мент, достать, тачка, чернуха, ящик*), разговорные слова (*баксы, зелень, иномарка, качать права, крутой, лаж, деревянный, везунчик*), иностранные слова (*брокер, драйвер, риэлтер, хакер*) ученые связывают с сознательной сменой целевой установки.

Не следует, однако, думать, что массовое снижение речевого стандарта - исключительное следствие объективных социальных и демографических процессов. Резко возросшая популярность низкого - грубого, комического, ненормативного - связана и с особым функциональным потенциалом единиц этой сферы коммуникации, с их особой выразительностью, привлекательностью и доступностью для самого широкого круга носителей русского языка. И напротив: обращение к сниженным и часто к нелитературным, субстандартным единицам позволяет говорящему эффективно снимать эмоциональное напряжение, «расслабляться», отказываясь в определенных ситуациях от следования языковым правилам или нормам речевого поведения. Наконец, область низкого - это специфическая сфера массового, доступного всем словотворчества, юмористического самовыражения и языковой игры.

Бурное развитие средств массовой информации и вся совокупность цивилизационных, культурных, социальных и собственно языковых условий привели к легализации и активизации такие слои русской лексики и фразеологии, которые до недавнего времени были функционально и нормативно ограниченными либо даже запретными.

Наряду с обогащающими русский язык блестящими по звуковой единицами, в живой русской речи немало грубых номинаций, популярных вульгаризмов. Но такова объективная реальность русской речи, механизм запущен и его уже вряд ли кто-то сможет остановить. Вполне закономерно, что экспрессивный потенциал сниженных языковых средств не может игнорироваться текстами СМИ, через которые во многом и формируется мыслительный уровень средней языковой личности и общества в целом. Средства массовой коммуникации являются речевой средой обитания подавляющего большинства носителей современного русского языка, чтение газет и журналов, просмотр телепередач и общение с Интернетом - часто единственная сфера речевой деятельности, в которой задаются речевые «эталоны», «нормы», «эстетика» для массового носителя языка.

Заключение

Хотя публичная речь нового времени звучит через каналы СМИ и сами стали занимать место языкового авторитета для значительной части российского социума, но язык СМИ не может быть нормой как языковой, так и эстетической.

Именно совокупность всех упоминающих факторов и приводит к снижению культуры речи СМИ. Ибо далеко не каждый работающий в сфере СМИ имеет общее или специальное филологическое образование. Большое количество лиц, порождающих речевую продукцию для СМИ, порождают ее на основе того речевого опыта, который сформировался в основном в средней школе. Поэтому можно утверждать, что в ближайшем будущем многие проблемы культуры речи СМИ будут зависеть и от уровня образования всех работающих в этой сфере.

Литература

АКИМОВА, Г.Н.: *Экспрессивные свойства синтаксических структур // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис* / Г.Н. Акимова. - Л.: Изд-во Лен. Унив., 1988. -247 с.

- ВИНОКУР Т.Г.: *Русский язык в его функционировании* / Т.Г. Винокур. - М.: Русский язык, 1990. - 376 с.
- ВИНОГРАДОВ, С.И.: *Культура русской речи. Учебник для вузов* / С.И. Виноградов. - М.: Изд. группа НОРМА - ИНФРА. 1999. - С.432 - 451
- ЗЕМСКАЯ, Е. А.: *Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков)* / Е.А. Земская, О.П. Ермакова, З. Рупник-Карват // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. - Краков, 1998. - 289 с.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А.: *Русский язык конца XX столетия* / Е.А. Земская. - Изд.2-е.М.; 2000. - 236 с.
- КОСТОМАРОВ, В. Г.: *Жизнь языка* / В.Г. Костомаров. - М.; 1994. - 340 с.
- СОЛГАНИК, Г.Я.: *Газетные тексты как отражение важнейших процессов в современном обществе (1990-1994)* / Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. Вып.1. - М.; 1996. - С.13-24.
- ШАПОШНИКОВ, В.Н.: *Русская речь 1990-х* /В.Н. Шапошников // Современная Россия в языковом отображении. - М.; 1998. - 209 с.
- ХИМИК, В. В.: *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи* (СПб., 2004).

Zusammenfassung

Die Autorin analysiert in ihrem Beitrag den Einfluss der Massenmedien auf die russische Schriftsprache um die Jahrhundertwende (20. – 21. Jahrhundert).

JĘZYKOWY OBRAZ ŚWIATA W DYSFEMIZMACH – ANALIZA POLSKO-SŁOWACKA

Sylvia Sojda

Współczesna lingwistyka poświęca wiele miejsca badaniom nad językowym obrazem świata. Jest on rozumiany jako zbiór prawidłowości zawartych w kategoryalnych związkach gramatycznych oraz w semantycznych strukturach leksyki, pokazujących swoiste dla danego języka sposoby widzenia poszczególnych składników świata oraz ogólniejsze rozumienie organizacji świata, panujących w nim hierarchii i akceptowanych przez społeczność językową wartości (Tokarski 1999: 364). Jednym z najważniejszych elementów językowego obrazu świata jest niewątpliwie zasób leksykalny danego języka. Tak ujmowane zagadnienie pozwala na włączenie szerokiego spektrum rzeczywistości pozajęzykowej w obręb zainteresowań nowoczesnej lingwistyki.

Często opisywanym przez naukowców elementem obrazu świata jest człowiek i sfera jego życia. Taki opis wykorzystuje szereg różnorodnych środków morfologicznych, leksykalnych, czy stylistycznych. Do tych ostatnich z całą pewnością należą dysfemizmy i eufemizmy.

Eufemizmy, jako jeden z elementów językowego obrazu świata, „są wyrazami i wyrażeniami neutralnymi lub nacechowanymi pozytywnie, »dobrze wróżącymi, łagodnymi«, często używanymi w miejscach takich, na które nałożono tabu językowe” (Szymczak 2008: 56), np.: *jesień życia/jeseň života, kobieta o rubensowskich kształtach/baroková žena, zaglądać do kieliszka/pozerať sa na dno pohárika, tylna część ciała/zadná časť tela, kobieta uprawiająca najstarszy zawód świata/žena vykonávajúca najstaršie remeslo*. Jest to zjawisko bardzo często spotykane i dobrze opracowane w języku polskim. We współczesnym języku słowackim również stosuje się eufemizmy dla złagodzenia, zamaskowania określeń, czy wydarzeń nieprzyjemnych, drastycznych. Jednakże z teoretyczno-lingwistycznego punktu widzenia w niewielkim stopniu zjawisko eufemizacji jest w językoznawstwie słowackim opisane (Sojda 2009).

Celem niniejszego opracowania jest pokazanie najbardziej charakterystycznych pól semantycznych dotyczących życia ludzkiego, gdzie do opisu rzeczywistości stosowane są dysfemizmy. Bardzo często użytkownicy języka nie uświadamiają sobie używania, a nawet istnienia dysfemizmów w rzeczywistości pozajęzykowej.

Spróbujmy zatem ująć w ramy definicyjne zjawisko dysfemizacji. Jest to swoisty element neutralizujący oficjalność w języku. Wpisuje się w obręb szeroko pojętych badań lingwistycznych, socjolingwistycznych i kulturowych. Wielu językoznawców uważa dysfemizmy za przeciwieństwo eufemizmów. Stanowią one przejaw agresji językowej, rozumianej jako ogół zachowań lingwistycznych zmierzających do werbalizacji protestu lub gniewu w stosunku do osób bądź instytucji, ukazania skrajnie negatywnego nastawienia do określonych zjawisk, m.in. przez stosowanie wyrazów, wyrażeń bądź zwrotów odczuwanych współcześnie przez użytkowników ogólnej polszczyzny w kontaktach oficjalnych jako niestosowne, prostackie, nieprzyzwoite lub ordynarne (Mazur, Rzeszutko 2000: 151-152).

Za dysfemizmy uznaje się wyrazy rubaszne, obraźliwe, mające na celu zdeprecjonować osobę lub rzecz nimi nazywaną. Użycie dysfemizmu służy obniżeniu wartości jakiegoś zjawiska, przedstawia je w ujemnym świetle (Dąbrowska 1991: 140). Dysfemizmy można w pewnym stopniu utożsamiać z tzw. wyrazami brzydkimi. Są to, jak pisze J. Kowalikowa, „składniki słownictwa charakterystycznego dla języka potocznego, a ściśle dla jego odmiany najniższej. Pojawienie się ich w tekście sygnalizuje bądź nieoficjalność kontaktu pomiędzy partnerami, bądź zamiar neutralizacji sytuacyjnej oficjalności, realizowany przez nadawcę przy użyciu określonych środków językowych, m.in. wulgaryzmów. Przekazują one odbiorcy, niezależnie od właściwego sobie nacechowania ekspresywnego, informację: mówię tak, abyś wiedział, że traktuję Cię jako osobę znajomą” (Kowalikowa 1994: 107). Językoznawcy nie utożsamiają jednak wulgaryzmów z dysfemizmami chociażby z tego powodu, że wulgaryzmy, zakładające dosadność i dosłowność, są najsilniejszymi w negatywnym sensie środkami wyrażającymi niechętny stosunek do uczestników komunikacji. Użycie dysfemizmu natomiast powoduje niechęć, pogardę lub ośmieszenie obiektu, do którego się odnosi, nie stroniąc jednak od rubasznosci, czy żartobliwości, zachowuje omowność (Wolny 2003:

192). Określenie pogardliwe stosuje się, by osoba (zjawisko) nią określana przedstawiana była w złym świetle, by spowodować w stosunku do niej odruch niechęci. Ogólnie zatem, użycie dysfemizmów pociąga za sobą pejoratywizację znaczenia. Jak wyżej wspomniano, częściowe utożsamianie dysfemizmów z wyrazami brzydkimi ma swoje uzasadnienie w kontekście, w jakim są używane. Ich zastosowanie różnicuje bowiem kontekst komunikacyjny wypowiedzi. To, co dla jednego użytkownika języka jest wyrażeniem neutralnym, dla drugiego może być dysfemizmem, kiedy wypowiedziane jest z lekceważeniem.

Z przeciwstawienia wyrażeń eufemistycznych i dysfemistycznych wypływa kolejny istotny wniosek. Jak zauważa Anna Dąbrowska, eufemizmy i dysfemizmy współgrają ze sobą, a ich suma w języku powinna dać zero (Dąbrowska 1993: 62). Nie oznacza to jednak, że dla jednego leksemu neutralnego występuje po jednym eufemizmie i dysfemizmie, co powoduje ich zerowanie. Występuje bowiem szereg sytuacji pokazujących, że wyrażeń eufemistycznych jest więcej, bądź przeciwnie – częściej dla opisanego pewnego zjawiska używa się określeń rubasznych, „grubych”. Za przykład niech posłuży szereg semantyczny czasownika *kłamać*, *oszukać*, *mówić nieprawdę* przytoczony przez A. Mazurę i M. Rzeszutko (2000: 156): dla podanych czasowników można użyć eufemizmu *mijać się z prawdą*, podczas gdy określeń dysfemistycznych jest więcej: *bajerować*, *kantować*, *nawijać*, *orznąć*, *picować*, *pleść*, *przekręcać*, *przewalać*, *wcisnąć kit/ciemnotę*, *wyrolować*.

Zestawienie dysfemizmów i eufemizmów nie jest zbiorem zamkniętym, opiera się w dużym stopniu na intuicji językowej użytkownika. W wielu przypadkach to od nadawcy wypowiedzi zależy, jakie struktury zostaną uznane za dysfemizmy. Z tego powodu badanie tego zjawiska we współczesnym języku nastrocza problemy natury metodologicznej.

Dysfemizmy stanowią przejaw brutalizacji i prymitywizacji języka, co, według niektórych badaczy, stanowi cechę współczesnego języka, głównie jego odmiany potocznej, czy mówionej. Wspomniana brutalizacja języka połączona jest z promowaniem kultury popularnej, kosztem kultury wysokiej. Coraz większą rolę w komunikacji społecznej odgrywają wyrazy i struktury ekspresywne, naładowane emocjonalnie, przejęte z żargonów środowiskowych, nierzadko przestępczych (Mazur 2000: 181). Obserwuje się komunikację emocji przejawiającą się w agresji i wulgaryzacji języka zarówno w kontaktach oficjalnych i nieoficjalnych życia publicznego oraz bunt przeciwko etykietce grzecznościowej i poszanowaniu tabu (Szymczak 2008: 55). Najprostszą formą ekspresji jest właśnie przekraczanie, czy nawet eksponowanie tabu.

Pojęcie dysfemizmu (niekiedy w literaturze przedstawianego jako kakofemizm) nie jest powszechnie odnotowywane we współczesnych słownikach, czy encyklopediach językoznawstwa i języka. Najobszerniejsze omówienie tego zagadnienia (przy okazji omawiania eufemizacji) spotykamy w pracy polskiej lingwistki Anny Dąbrowskiej, która zauważa, że powinno ono stać się przedmiotem odrębnych badań i szczegółowego omówienia. Jak dotąd, nikt nie opisał tej problematyki kompleksowo.

Słowacki *Slovník cudzích slov pre školu a prax* definiuje dysfemizm jako „výraz hrubší, ostrý používaný namiesto neutrálneho slova”. *Otvorený slovník cudzích slov* mianem dysfemizmu określa „slovo so silne negatívnym citovým zafarbením”. Dysfemizm może być używany w języku w dwojakiego typu sytuacjach: 1. kiedy zjawiskom mile widzianym nadaje się nazwy pogardliwe oraz 2. gdy z pogardą traktuje się to, w co wierzą wyznawcy innych religii, w związku z czym takim zjawiskom nadaje się nazwy deprecjonujące (Dąbrowska 1993: 60). Konsekwencją tych stwierdzeń jest postrzeganie dysfemizmu jako tropu wykorzystywanego do nazywania jakiegoś zjawiska nazwą bardziej wulgarną, familiarną lub „grubą” (por. Dąbrowska 1993: 60). Ze względu na to, że dysfemizmy są określeniami opisującymi szeroko ujętą agresję języka, również formy językowe występujące w ich funkcji są różnorodne. Dysfemizмами mogą być zatem wyrażenia od neutralnych po zdecydowanie wulgarne, czy nawet uwłaczające godności jednostki.

Z dysfemizacją związane jest również zagadnienie wartościowania. Z definicji dysfemizmu wynika, że są to określenia o negatywnym zabarwieniu, a więc wyrażające pewien sposób niekorzystnego, negatywnego wartościowania osoby bądź zjawiska. Za przykład niech posłuży powszechnie występujące w języku polskim i słowackim wyrażenie *kura domowa* (*domáca puška*). W języku ogólnym, nienacechowanym oznacza ono kobietę niepracującą, zajmującą się domem i dziećmi. Samo jednak użycie tego określenia powoduje negatywne asocjacje - posługując się nim mamy bowiem na myśli kobietę bez ambicji zawodowych, bez własnych zainteresowań, bez „własnego życia”, nie związanego z rodziną. Taka kobieta jest we współczesnych społeczeństwach

postrzegana, wartościowana negatywnie; w przeciwieństwie do kobiety ambitnej, inteligentnej, przedsiębiorczej, czynnej zawodowo (Sojda 2009).

Jak wyżej wspomniano, charakterystyczna dla dysfemizmów jest funkcja deprecjonująca. Takie znaczenie osiąga się dzięki wykorzystywaniu leksemów zaczerpniętych z terminologii zwierząt. Stąd też, duża część określeń o charakterze dysfemizującym człowieka to leksemy będące nazwami zwierząt, bądź też frazeologizmy zawierające cechy przypisywane zwierzętom, np. *głupi człowiek* bywa nazywany *osłem*, *baranem*, *krową*. Charakteryzując niektóre cechy ludzkie, np. upór, stosuje się analogicznie wyrażenia typu *uparty jak osioł*. R. Tokarski zauważa, że niemal jednostronna negatywna ocena świata zwierzęcego tkwi w antropocentryzmie człowieka, który niższy pod względem ontologicznym świat zwierząt uznaje za mniej wartościowy (Tokarski 1999). Ze względu na możliwość porównania (choćby ze względu na rodzaje zachowań) świata ludzkiego ze zwierzęcym, w którym zwierzę uznane jest za gatunek gorszy, przeniesienie cech i wartości ze świata zwierzęcego na ludzki pociąga za sobą pomniejszanie, deprecjonowanie wartości człowieka.

Stąd też przykładowe dysfemizmy oparte na przyrównaniu człowieka do zwierzęcia wyglądają w języku polskim i słowackim następująco:

- *człowiek gruby*: *świnia*, *prosiak*, *wieprz*, *słoń*, *mamut*, *hipopotam*, *wieloryb*, słow. *sviňa*, *bravčo*, *brav*, *prasa*, *veľryba*, *slon*, *mamut*, *tučniak*;
- *człowiek głupi*: *baran*, *osioł*, *krowa*, słow. *somár*, *vôl*, *krava*.

Ciekawym porównaniem jest porównanie świata zwierzęcego ze światem „niższym” – roślinnym. Terminologia związana z roślinami nie jest tak negatywnie konotowana w odniesieniu do człowieka, jak terminologia zwierzęca. Mimo to, istnieje w porównywanych językach szereg przykładów na dysfemizmy zaczerpnięte właśnie z tej dziedziny. Ponieważ o zaklasyfikowaniu leksemu w poczet dysfemizmów często poza kontekstem decyduje sposób wypowiedzienia się (np. wypowiedzienie słów z lekceważeniem), leksemy nazywające rośliny stanowią również pogardliwe określenia człowieka, w szczególności nazw części ciała. Mamy zatem dysfemistyczne określenia piersi kobiecych:

- *duże piersi*: *dynie*, *melony*, słow. *dyne*, *melóny*;
- *małe piersi*: *jabłuszka*, *cytryny*, *orzyszki*, *czereśnie*, *gruszki*, *dwie gruszczyki*, *śliwki*, słow. *jabĺčka*, *citróny*, *oriešky*.

Również określenia śmierci człowieka mogą być oznaczane terminologią zaczerpniętą zarówno ze świata zwierząt: *umrzeć* - *wyciągnąć kopyta*, *zdechnąć*, słow. *otrčít kopyta*, *zdochnúť*, jak i ze świata roślin, np. *iść wachać kwiatki od spodu*, słow. *voňať fialky odspodu*

Podsumowując powyższe rozważania, można wyodrębnić w języku wiele sfer odnoszących się do człowieka, w których dysfemizmy pełnią rolę deprecjonującą. Należą do nich np.:

- określenia śmierci człowieka i zjawisk z nią związanych;
- określenia starzenia się ludzi; starości;
 - określenia cech fizycznych człowieka (wygląd zewnętrzny); określenia cech charakteru, inteligencji;
- określenia części ciała i czynności fizjologicznych człowieka; życia seksualnego.

Na zakończenie uwag nad zagadnieniem dysfemizacji we współczesnym języku polskim i słowackim należy wyraźnie podkreślić, że ze zjawiskiem tym, często nieuświadomianym, mamy do czynienia niemal w każdej dziedzinie działalności ludzkiej. Kompleksowe badania dysfemizmów stanowią nie lada wyzwanie dla lingwistów. Nie ulega jednak wątpliwości, że koniecznym jest podjęcie badań konfrontatywnych, których wynikiem byłby kompleksowy opis interesującego zagadnienia. Zasadny jest ponadto odpowiedni dobór materiałów źródłowych do analizy porównawczej, a brak świadomości istnienia dysfemizmów, a co za tym idzie, również ich używania stanowi przeszkodę w wypracowaniu odpowiedniej metodologii.

Bibliografia

- BUREŠOVÁ, WANIA I., *Językowy obraz kobiety (na podstawie polskich i czeskich czasopism dla kobiet)* (rozprawa doktorska), Olomouc 2003
- DĄBROWSKA, A.: *Eufemizmy we współczesnym języku polskim*. Wrocław 1993
- DĄBROWSKA, A.: *Językowy obraz przeciwnika politycznego (na podstawie tekstów prasowych z marca 1968 roku)*, [W:] *Język a kultura*. Tom 4. Funkcje języka i wypowiedzi, red. J. Bartmiński, R.

- Grzegorzcyk, Wrocław 1991, s. 115-147
- Encyklopedia wiedzy o języku polskim*, red. S. Urbańczyk, Wrocław 1978
- KOWALIKOWA, J.: *Znaczenie i funkcja wyrazów tzw. brzydkich we współczesnej polszczyźnie mówionej*, [W:] *Współczesna polszczyzna mówiona w odmianie opracowanej (oficjalnej)*, red. Z. Kurzowa, W. Śliwiński, Kraków 1994, s. 107-113
- MAZUR, J.: *Tendencje rozwojowe współczesnego języka polskiego*, Lublin 2000
- Mazur, J.: Rzeszutko M., *Słownictwo "NIE" jako przykład agresji i wulgaryzacji języka we współczesnej polszczyźnie*, [W:] *Słownictwo współczesnej polszczyzny w okresie przemian*, red. J. Mazur, Lublin 2000, s. 149-160
- Otvorený slovník cudzích slov* www.cudzieslova.sk
- Slovník cudzích slov pre školu a prax*, Ivanová-Šalingová M, Bratislava 1988
- SOJDA, S.: *Dysfemizmy w językoznawstwie polskim i słowackim – zarys problematyki*, [W:] Tom po konferencji SLAVICA IUVENUM organizowanej przez Katedrę Sławistyki Uniwersytetu w Ostrawie, Ostrawa, 30.03-01.04.2009, s. 6 masz. (w druku)
- SZYMCHAK, M.: *Eufemizacja leksyki słowackiej w komunikacji językowej*, [W:] „Jazykovedný časopis”, 59, 1-2, 2008, s. 55-63
- TOKARSKI, R.: *Słownictwo jako interpretacja świata*, [W:] *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2001, s. 343-370
- WOLNY, M.: *Językowy obraz starości ludzi i zwierząt w polszczyźnie* [W:] *Język a kultura*. Tom 15, Wrocław 2003, s. 189-199

Summary

The main aim of this paper is to show how human is being presented in the language by using dysphemisms. They are offensive or disparaging expressions which replace neutral ones. Such words are opposition to euphemisms in language. Researches of the contemporary Polish and Slovak language confirm that the brutalisation of language is very common. Especially when human is described, there are a variety of language means which can insult him. In this short study, we tried to show how many expressions taken, especially, from animals' world were taken to scoff at people.

EUFEMIZACJA I MANIPULACJA W JĘZYKU POLSKIM, SŁOWACKIM I CZESKIM

Mariola Szymczak-Rozlach (Sosnovec)

Eufemizacja i manipulacja to procesy niezwykle dynamiczne, które funkcjonują przede wszystkim w języku publicystyki: mediów i polityków a także w mowie potocznej. Stanowią interesujący przedmiot badań socjopragmatolingwistycznych, jak również sięgają w stronę psychologii i socjologii.

Celem niniejszego artykułu jest refleksja nad takimi mechanizmami językowymi o konotacjach pozajęzykowych, którym nieświadomie ulegamy, które wpływają na nasz obraz postrzegania świata. Do tych mechanizmów niewątpliwie należy eufemizacja – zjawisko z gruntu pozytywne, przywołujące dodatnio wartościujące konotacje oraz łagodzące znaczeniową dosadność słowa. Anna Dąbrowska (por. 1994) podkreśla, iż eufemizmy są złagodzeniem, zasłonięciem lub ominięciem nazwy wprost, często zabronionej z różnych względów społecznych, religijnych, czy estetycznych, np.: *o starości* (*staroba* w języku słowackim i czeskim) mówimy *jesień życia, złoty wiek, ktoś jest w średnim wieku, nie pierwszej młodości*, w j. czeskim: *neni (ještě) starý*, w słowackim: *vesna života*. Zatem *wiosna życia, jesień życia* wzbudzają bardzo dodatnie konotacje – *wiążą się z czasem plonów, żniw, mądrości i refleksji nad życiem*. „Starość” jak mówi A. Dąbrowska (por. 1994, s. 138) jest językowo odmładzana, a odbywa się to za pomocą różnych środków językowych. Chętnie wykorzystywana jest tu litota: *niemłody, sľc nemladý*, inne określenia: *ten wiek, trzeci wiek*. Stąd np. funkcjonuje *univerzita tretieho veku, czes. třetí věk*. Eufemizmy związane z określaniem wieku pełnią funkcję łagodzącą.

W innych przypadkach z eufemizami mamy do czynienia, wtedy kiedy chcemy ominąć nazwy nieprzyjemne, drastyczne, zabronione ze względów społecznych i estetycznych. W miejsce rodzimych form obscenicznych odnotowujemy ekwiwalenty obce, np. *fekálie / výkaly, invektíva / urážka*, czy *transpirovať / potiť sa* oraz eufemizmy związane ze śmiercią, takie jak: pol. *wąchać kwiatki od spodu*, sľc. *voňat fialky od spodku* – eufemizmy mowy potocznej, czy bardziej dostojne zwroty frazeologiczne: sľc. *odíst do večných lovísk*, pol. *odejść na wieczny spoczynek*. Najpopularniejszą metaforą śmierci jest metafora końca – *odchod* w języku słowackim oraz czeskim, *odejście* w języku polskim, np.: sľc. *odíšiel od nás, odišiel na večnosť, opustil nas navždy*, czes. *odešel ze života, odešel do večných lovísk, opustil nas navždy*. Podobnie w języku polskim *odejść na wieki, opuścić ten świat, odejść na wieczność, na zawsze, odejść w zaświaty*. Podobne znaczeniowo czasowniki znajdziemy w zwrotach typu: *rozstać się z życiem, opuścić ten świat, przejść, przenieść się do wieczności, zakończyć żywot, dokonać żywota, zgasnąć*; bardzo uroczysty charakter frazeologizmów mają takie zwroty jak: *opuścić ten padół łez, ten padół swej ziemskiej pielgrzymki, wędrówki*, choć nie brakuje metafor żartobliwych, nacechowanych bardzo potocznie: *przejechać się na tamten świat, przenieść się, powędrować do nieba, wymeldować się na stałe* (por. Engelking, 1984, s.120-121).

Przyczyny pojawienia się eufemizmów są natury pozajęzykowej (por. Widłak 1963, s. 89-102). Problem pojawienia się i funkcjonowania eufemizmów w języku słowackim został podjęty już w artykułach wcześniejszych, stąd ich opis wydaje się bezzasadny. (por. Szymczak-Rozlach, 2008, 1-2, r. 59, s. 55-63.)

Język ma wpływ na wartościowanie rzeczywistości (z jednej strony jest nosicielem wartości dodatnich- jest dostojny, elegancki – temu mają służyć eufemizmy, a z drugiej strony prezentuje wartości negatywne, często agresywne i wulgarne, wywołujące dyskomfort psychiczny u odbiorcy).

Eufemizmy oprócz funkcji zastępczej, łagodzącej dosadne i nieprzyjemne zjawiska często maskują rzeczywistość nieprzychylną dla otoczenia. Znajduje to swoje odzwierciedlenie w takich peryfrazach słowackich, jak: *vojenská operácia / bombardovanie; konečné riešenie židovskej otázky / hromadné deportácie a vyvražďovanie Židov (1941– 1944); mierova misia / na określenie okupacji Iraku; humanitárne bombardovanie/ vraždenie civilistov*.

Interesujące są również eufemizmy natury politycznej, takie jak *nečistá politika*, *pštrošia politika*, *etnická čistka*, czy *spravodlivá*, *legálna či preventívna vojna*. Są to zestawienia celowo zasłaniające pewne zjawiska drastyczne i przykre. Powstają w wyniku manipulacji językowych z powodów ideologicznych i politycznych. Maskowanie służy interesom nadawcy kosztem odbiorcy. Wymienione przykłady eufemizmów o charakterze polityczno-społecznym dotyczą zjawiska tzw. poprawności politycznej: political correctness (PC), słowac. politickej vývaženosti, korektnosti.

P o p r a w n o ś ć p o l i t y c z n a początkowo oznaczała zjawisko zastępowania w języku określeń uznawanych za ewidentnie krzywdzące pewne grupy społeczne na rzecz wyrażań bardziej neutralnych, eufemistycznych. Zakres określeń uznawanych za społecznie obraźliwe szybko jednak rozszerzył się z pierwotnie wąskiego zbioru. Obecnie obejmuje również neutralne w swych intencjach terminy, określające przede wszystkim grupy uważające się za dyskryminowane lub niedoceniane. Pierwotnie pojęcie poprawności politycznej zostało rozszerzone z dziedziny językowej na cały zakres działań mających na celu usunięcie z życia publicznego nie tylko pojęć, ale i poglądów uznanych w danym środowisku za niezgodne z ogólnymi zasadami współżycia społecznego, takich jak: rasizm, seksizm czy fanatyzm religijny, a także zachowań jak, np. palenie papierosów czy noszenie naturalnych futer. U podstaw tej polityki językowej leży kognitywistyczne przekonanie o ścisłym powiązaniu języka, jakiego używamy z naszym systemem myślenia i sposobem działania. „Pokud má člověk tendenci užívat slova která mohou mít urážlivý podtext, jeho myšlenky následně povedou k pohoršujícímu chování s větší pravděpodobností, než kdyby tak nečinil.” (Janský, strona internetowa, 3-4).

„Politická korektnost, jak si ještě ukážeme, vlastně směřuje k rozšíření etických tabu klasického liberálního řádu, jako je vražda, krádež apod., o další oblasti. Na druhé straně některá dosavadní tradiční tabu naopak násilím odstraňuje (vražda nenarozeného dítěte, smilstvo atd.). Zásadním způsobem tak mění systém etických hodnot západní civilizace”.

(Belling, strona internetowa). Kodeks poprawności politycznej składa się z zakazów i nakazów, dzieląc leksykę na politycznie poprawną oraz „politycznie niepoprawną”. Może on dotyczyć różnych pól leksykalno-semantycznych związanych m. in: z wielokulturowością i dyskryminacją rasową (w języku czeskim: poprawne: *Rom* / niepoprawne *Cikan*, *Inuk/Eskýmák*; z preferencjami seksualnymi: popr. *neheterosexuálně orientovaná osoba/homosexuál, mezigenerační intimita/pohlavní zneužití*; z niepełnosprawnością: *zdravotně postižený/chorý, hendikepovaný, odlišný, osoba se sníženou schopností pohybu a orientace/postižený*, w języku słowackim: popr. *alternatívne múdry/blázon*; w czes. *duševně postižený/ blázen*; z dyplomacją: *asistentka/sekretárka, pracovnice v sexuálním průmyslu, komerční sexuální pracovník/ prostitutka*, w słowac. *nemorálne žijúca žena*. Oczywiście w dzisiejszym świecie odideologizowanym, brutalnym często nie przestrzega się zasad poprawności natury moralnej, czy estetycznej. Dochodzi do wszechpanującej detabuizacji niemalże wszystkich dziedzin i przejawów działalności ludzkiej. Dominuje komunikacja emocji, o czym wspomina chociażby w swoich artykułach A. Grybosiowa,

J. Kowalikowa, (por. artykuły Grybosiowej 1998, 2003, Kowalikowej 1994)

Eufemizacja i eufemizmy są środkiem językowej realizacji mechanizmu manipulacji.

Manipulacja niewątpliwie jest zjawiskiem z gruntu negatywnym w odróżnieniu od eufemizacji mechanizmu wartościującego dodatnio, choć jak wykazaliśmy wcześniej stosowanego także w celach manipulacji ideologicznych czy politycznych. Manipulacja od łac. *manipulatio* oznaczający ‘manewr, fortel, podstęp’, w Słowniku wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych Kopalińskiego występuje w połączeniu z leksemem ‘manipulować ludźmi, kierować nimi bez ich wiedzy, często z ich szkodą’ (Kopaliński 1989, s. 319). Puzynina podkreśla, iż „znaczenie to wyodrębnia się wyraźnie w planie łączliwości semantycznej: manipuluje się kimś, a więc osobami (jednostkami i zbiorowościami), ewentualnie także świadomością, umysłami, czy zachowaniami ludzi”. (por. Puzynina, 1992, s. 205). Z punktu widzenia etycznego manipulacja jest postrzegana jako zachowanie niemoralne, chociaż nader często jest stosowana w negocjacjach handlowych w kontaktach interpersonalnych, np. nakłanianie w sposób ugrzeczniony, zgodny z etykietą odbiorcy do zajęcia takiego stanowiska, które jest zgodne z zamierzeniami nadawcy. Manipulacja jest naruszeniem etyki słowa(...), jak wskazuje Markowski (por 2007, s. 87), również nie mówienie o czymś, o czym powiedzieć się powinno (zatajanie faktów), wyraźne kłamstwo. Posługiwanie się eufemizmami (*przejściowe trudności w zaopatrzeniu, regulacje cen*)”.

Manipulacja uwidacznia się dopiero wtedy, jeśli odniesie zamierzony skutek, jest to rodzaj perswazji ze złą intencją. Środki językowe stosowane w manipulacji cechuje emocjonalność, ozdobność a często prostota, potoczność i lekkość. Taką rolę spełniają głównie peryfrazy, metafory i metonimie. Bogusławski i Bralczyk słusznie zwracają uwagę, że są jednocześnie znaczeniowo nieokreślone i nieostre. J. Puzynina z kolei wskazuje, iż w obręb manipulacji językowej, czyli manipulacji za pomocą tekstów języka naturalnego wchodzi także wszelka demagogia, czy też kłamstwo, nasycenie treściami aksjologicznymi.(Puzynina 1992). M. Głowiński pisze „o posługiwaniu się w jednych wypadkach eufemizmami, w innych zaś hiperbolami, stosowanie tzw. „waty”, tj. zdań i wyrażeń treściowo redundantnych, stwarzających tylko pozór mówienia o czymś konkretnym, unikanie pewnych wyrazów i sformułowań, stosowanie formulek uogólniających itd.”. (Puzynina 1992, 218). O manipulacji stosowanej we współczesnym języku politycznym pisał M. Głowiński w artykułach opublikowanych „w Niezbędniku Inteligenta” (Polityka 2007), gdzie analizował język peerelowskiej propagandy i zwracał uwagę na podobieństwa manipulacji do n o w o m o y typowej dla okresu i systemu minionego. J. Bralczyk podkreślał, iż nowomowa przejawia się w próbach nadania takiego znaczenia połączeniom wyrazów, jakie odpowiada rządzącym, np.: określenie *solidarny, konserwatywny czy liberalny* zastępujący słowo „*socjalistyczny*”, *rewolucja moralna* na wzór *rewolucji kulturalnej*- dziwna formuła w ustach przedstawicieli nurtu ideowego, odwołującego się do konserwatyzmu, *oczyszczanie państwa* – więcej niż „odzyskiwanie” (odzyskiwanie mediów publicznych, NIK itp.), *czwarta RP, układ* – kierownictwo partii rządzącej PiS, grupa ludzi sprawująca władzę w III RP, sprawująca kontrolę nad państwem, dziś powiązana licznymi interesami z ludźmi biznesu oraz przedstawicielami świata przestępczego., *udoskonalenie wolności mediów* – najbardziej wyrafinowane zafałszowanie rzeczywistego znaczenia. U G. Orwella 1984 władza rządzi nie tylko przeszłością i teraźniejszością, ale przede wszystkim nazwami i językiem, co nazywa się logokracją. Nowomowę tworzą najczęściej siły polityczne, ale udział w jej rozpowszechnianiu mają media. Każda grupa rządząca usiłuje wprowadzić jakiś swój nowy język. „Nowomowa jest wynaturzeniem języka, obserwowanym w stylu oficjalnym, dziennikarskim, publicystycznym (...) za najważniejszą należy uznać jej funkcję perswazyjną: wpojenie odbiorcom określonych ocen, postaw i przekonań”. (por. Markowski, 2007, s. 87-88). Modne w danym okresie slogany stanowią przeważnie egzemplifikacje manipulowania językiem. W języku czeskim i słowackim stosowano często eufemistyczne zestawienia: *rozvojové země, rozvojové krajiny lub země třetího světa; o propuštění zamestnanců* mówimy jako o *zeštíhlování organizace*, natomiast o czyszkach etnicznych *očísťování*. Wśród słowackich „poprawnopolitycznych” eufemizmów można wymienić następujące przykłady: *balík problemov*/na określenie *celej reformy, optimalizácia výroby, politika nezamestnanosti – hovorí sa, ze tento pokrytecky spôsob prejavu je diskurzom cenzury*. Holokaust bywa określany *veľkou stratou*. Polityczna poprawność pozwala w sposób rozmyty na unikanie odpowiedzialności za słowa, które się wypowiada a zastępowanie ich wyrażeniami neutralnymi. Jest to zresztą odmiana nowomowy – newspeaku, wprowadzonej przez komunistów, np. *ľudová demokracia/ 'totálny systém riadený prísne centralisticky, kultúrna revolúcia – 'pokrok v kultúre obsiahnutý v krátkom čase, a je to presný protiklad nekontrolovaného chaosu, ktorý de facto vedie narod do kamennej doby*, np.: *humanitarná, preventívna vojna, to vojna, ktorá niesie tylko zagładę i zniszczenie*. Brak tu miejsca na humanizm, na ludzkie odruchy współczucia. Unikanie takich określeń to w naszym mniemaniu nie jest PP, ale jest to raczej kwestia elementarnej przyzwoitości i kultury dyskusji.

W czasach realnego socjalizmu w krajach zachodniosłowiańskich władze obwieszczały regulacje cen, kiedy w istocie chodziło ‘o ich podniesienie’. Ponadto w czeskiej prasie codziennej odnotowujemy takie eufemizmy, jak: *zkorumpovanost* / na określenie *konstruktivismus, hledání řešení/ neschopnost, populista/ člověk s jiným politickým názorem, socialismus s činskými rysy což je trpký eufemismus pro nekontrolované propletení stranické a vládní moci s obchodními zájmy* (zprawy dnes 2009/04).

Propaganda, nowomowa i poprawność polityczna są wyraźnie zjawiskami językowymi, obfitującymi w zachowania o charakterze manipulacyjnym.

Językowi politycznych sloganów, „antysłów” towarzyszą silne emocje. Słownictwo kontrowersyjnych tematów potęguje negatywne i pozytywne emocje. Agresja jest zjawiskiem nader częstym występującym w polityce, a stosowanie eufemizmów jest tym elementem łagodzącym, „dobrze wróżącym”. „Změna pravidel používání jazyka patří k nejzjevnějším symptomům politické

korektnosti, a to všude ve světě. Namísto tradičně užívaných pojmů vytváří politická korektnost nové obraty či náhradní termíny měnicí současně i význam pojmenovávané věci. Dosavadní pojem je přitom ve chvíli svého nahrazení okamžitě tabuizován". (Belling, strona internetowa)

Język poprawności politycznej jest tworzony arbitralnie, pewne formy uznawane przez wpływowo media jako „właściwe” są popularyzowanej częściej, pomimo swej nielogiczności, czy poprawności gramatycznej. Do środków językowych reprezentujących słownictwo poprawne politycznie należą przede wszystkim środki leksykalne i morfologiczne, gdzie w przeważającej mierze dominują peryfrazy i metafory.

Eufemizacja i manipulacja językowa to mechanizmy o przeciwnych konotacjach semantycznych, bywa często tak, że ich granice się zacierają, a nawet się uzupełniają wzajemnie. J. Puzynina podkreśla, iż jeśli mówiący nie chcą podświadomie manipulować odbiorcami lub być o to podejrzani, muszą wystrzegać się elementów emocjonalnych, ozdobników stylistycznych (...) (por. Puzynina 1992, 223).

Literatura

DĄBROWSKA, A.: Eufemizmy współczesnego języka polskiego, Wrocław 1994.

ENGELKING, A.: *Istota i ewolucja eufemizmów (na przykładzie zastępczych określeń śmierci)*, [w:] Przegląd Humanistyczny 4, 1984, s.120-121

GRYBOSIOWA, A.: *Język wtopiony w rzeczywistość*, Katowice 2003

GRYBOSIOWA, A.: *Liberalizacja społecznej oceny wulgaryzmów*, [w:] *Człowiek-dzieło-sacrum*, red. S. Gajda, Opole 1998

KOPALIŃSKI, W.: Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych, Warszawa 1989, s. 319

KOWALIKOWA, J.: *Znaczenie i funkcja wyrazów tzw. brzydkich we współczesnej polszczyźnie mówionej*, [w:] *Współczesna polszczyzna mówiona w odmianie opracowanej (oficjalnej)*, red. Kurzowa Z – Śliwiński W, Kraków 1994, s. 107-113.

MARKOWSKI, A.: Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne, Warszawa 2007, s. 87-88.

PUZYNINA, J.: Słowo „manipulacja” w języku polskim, [w:] *Język wartości*, Warszawa 1992, s.203-223.

SZYMCZAK-ROZLACH, M.: Eufemizacja leksyki słowackiej w komunikacji językowej,[w:] *Jazykovedný časopis*, 2008, 1-2, r. 59, s. 55-63

Belling, V.: Ideologie politické korektnosti a západní civilizace. [w:] <http://www.obcinst.cz/clanek.asp?id=949>

Jansky, J.: Politická korektnost t' krásy filmové, [w:] <http://www.snilek.cz/texty/pol-kor-ve-ft.pdf>, s. 3-4.

Czasopisma

Polityka 27 (2611), 7 lipca 2007

Zprawy dnes 04/2009

Resume

This article is about two language mechanisms with extralinguistic connotation, which influence on our perception of word. One of these mechanisms is undoubtedly euphemisation - the positive phenomenon which evokes positive connotations and appeases semantic crispness of word. The manipulation has negative connotation and it is a kind of persuasion with bad intention. The borderlines between phenomena often smudge. On one hand, euphemisms substitute pungent, drastic and offensive expressions by gentle ones, and on the other hand, they contribute to camouflage and even falsify the reality. Euphemisms emerge as a result of linguistic, political and ideological manipulations. The camouflage serves the sender at the cost of receiver. Reflections of this phenomenon are “politically correct euphemisms”.

KRÁTKE POROVNANIE SLOVENSKA, POĽSKA A FRANCÚZSKA NA ICH KULTÚRNOM A JAZYKOVO-LITERÁRNOM POZADÍ

Veronika Harmatová (Banská Bystrica)

V súčasnom svete len málokto pozná hlbokú vzájomnú spätosť navonok nesúrodých a odlišných národov. Takéto spoločné puto nie je ojedinelé, naopak je ich mnoho, avšak moderný človek je buď natoľko zaneprázdnený, a možno do istej miery aj pohodlný, že si tieto vzácne skutočnosti neuvedomuje. Cieľom príspevku bude priblížiť významné oblasti i konkrétne momenty z historických prvopočiatkov troch krajín a troch národov, v ktorých si boli navzájom blízke.

OSÍDLŔOVANIE ÚZEMIA DNEŠNÝCH ŠTÁTOV

Charakter kultúry Slovanov

Slovania patrili k najstarším obyvateľom Európy. Pôvodné sídla Praslovanov boli vo východoeurópskom priestore za oblúkom Karpát medzi Odrou a Vislou, kde sa začali formovať ako svojbytný etnický celok už v neolite. Jednou z všeobecne prijímaných teórií je, že najneskôr od konca 5. storočia začali na územie Slovenska prenikať prvé slovanské kmene. Prenikli cez karpatské priesmyky a osídlili východné, stredné a severozápadné Slovensko. Neskôr na územie južného a juhozápadného Slovenska prenikli slovanské kmene z balkánskeho východu. O konkrétnych príčinách a spôsobe osídlenia územia Slovenska v priebehu 5. – 7. storočia nevieme nič určitejšie, pretože písomné pramene tých čias, teda v období sťahovania národov, sa o tejto skutočnosti zmieňujú len okrajovo. Ostatné súvislosti však nasvedčujú, že základnou príčinou ich imigrácie zo svojej pravlasti v povodí riek Dnestra, Bugu a Dnepra bol tlak ďalších etníc z východu a azda aj veľká preľudnenosť. Slovanské kmene sa na novozaujatom území dostali do styku so zvyškami pôvodného obyvateľstva. Vzťahmi s novými etnikami sa menila pôvodná materiálna a duchovná kultúra Slovanov, ovplyvnená pochopiteľne novým prostredím a inými prírodnými podmienkami, ktorým sa museli prispôbiť.

Rôzne smery migračných prúdov, ako aj stretanie sa s inými etnickými skupinami spôsobili, že pôvodne etnický jednotný Slovania sa rozdelili na východných Slovanov (Ukrajinci, Bielorusi, Rusi), západných Slovanov (Poliaci, Lužickí Srbi, Česi a Slováci) a na Slovanov južných – balkánskych (Slovinci, Srbi a Chorváti, a neskôr Bulhari).

Historickou skutočnosťou však ostáva fakt, že v prvej polovici 7. storočia bolo už dnešné územie Slovenska osídlené staroslovenskými kmeňmi, nespornými predkami veľkomoravských Slovenov a dnešných Slovákov. Nedokazuje to len po latinsky písaná Fredegarova kronika, napísaná v polovici 7. st. v burgundských kláštoroch v dnešnom juhovýchodnom Francúzsku, ale predovšetkým bohaté archeologické nálezy z celého územia Slovenska.

Výbojní Avari (predovšetkým mongolsko-turkské nomádske kmene), ktorých cieľom bola v roku 567 Byzantská ríša, si počas svojho postupu na západ podmaňovali ďalšie národy, nevynímajúc ani Slovenov. Podstatou všetkých avarských vojenských výprav bolo bezohľadným spôsobom získať korisť, či už v drahých kovoch, inom majetku, alebo v zotročených ľuďoch. Zvlášť kruto sa správali k Slovenom, ktorí okrem iných príkorí a útlakov, platili Avarom nemalé dane. Ale aj napriek vojenskej prevahe Avarov začali sa v prvej tretine 7. st. búriť Slovania (Sloveni), ktorí viac nechceli znášať ich útlak. A tak, zo stránok spomínanej Fredegarovej kroniky, sa dozvedáme nasledovné: „Štyridsiateho roku vlády Chlotara (623) zhromaždil slobodný človek menom Samo, národnosťou Frank zo Senoganského kraja (Senogano sa stotožňuje so Sens alebo Soignes, juhovýchodne od Paríža) väčší počet kupcov a vypravil sa s nimi obchodovať k Slovanom, nazývaným Vinidi. Slovania sa vtedy už začínali búriť proti Avarom, nazývaným Huni, a ich kráľovi – Kaganovi. Samo sa pripojil k ich vojsku a na bojiskách preukázal Vinidom takú užitočnosť, že to vzbudzovalo obdiv, lebo Vinidi svojimi mečmi pobili veľké množstvo Hunov. Vinidi, vidiac Samovu užitočnosť, zvolili si ho za svojho kráľa a 35 rokov u nich šťastne vládol. Za jeho panovania Vinidi zviadli mnoho bojov proti Hunom (Avarom) a vďaka jeho radám a schopnostiam Vinidi vždy nad nimi zvíťazili.“

Samo ako suverénny vládca po prvý raz v dejinách západných Slovanov zjednotil starých Slovákov do nadkmeňového politického a organizačného útvaru, známeho vo všeobecných dejinách ako Samova ríša.

Slovania sa živili hlavne roľníctvom, chovom dobytká a lovom. Keď im už vyprahnutá pôda nedávala obživu, premiestnili sa inde. Aj v nových sídlach si uchovávali usadlý spôsob života a obnovovali svoju spoločenskú organizáciu, ktorej základom bol kmeň. Ovládali niektoré druhy primitívnej remeselnej výroby, predovšetkým spracovanie kovov, dreva a kostí. Slovania boli udatnými bojovníkmi, a podľa zvyklosti bežnej vo vtedajšom svete, zajatých nepriateľov brali do otroctva. Pravdepodobne ich používali iba v malej miere na poľnohospodárske a remeselnícke práce. Uctievali prírodné sily a stavali im malé chrámy v lesoch. Najvyšším božstvom bol Perún (Svantovít), boh nebies a hromu. Veľký dôraz kládli na kult duší svojich predkov, kým nezačali prijímať kresťanstvo.

Na území dnešného Poľska sa v 9.-10.storočí vystriedalo niekoľko ranoštátnych územných organizácií, spomedzi ktorých najväčší význam predstavovali Visľania v okolí Krakova a Poľania v okolí Gniezna. Práve Poľania dokázali v 10.storočí zjednotiť väčšinu slovanských kmeňov obývajúcich tieto končiny a vytvorili štát pod dedičnou vládou rodu Piastovcov. Podľa legendy Lech - vodca Poľanov počas putovania s cieľom nájsť vhodné miesto na usídlenie, uzel jeden podvečer na strome veľké orlie hniezdo a v ňom bieleho orla s dvomi mláďatami. Orol zrazu rozprestrel krídla a jeho biele perie na pozadí do červena sfarbenej oblohy uchvátil Lecha tak, že sa rozhodol usadiť sa so svojím ľudom práve v tomto kraji. Oblasť bieleho orla si zvolil za svoj erbový znak a založil tu mesto, ktoré sa podľa hniezda volalo Gniezno¹. Prvým významným predstaviteľom dynastie Piastovcov bol Meško I., ktorý získal najprv územia stredného a južného Veľkopoľska, a následne Mazovsko (Mazowsze), Lubuské zeme, Sliezske, a Malopoľsko. Pomerne rýchlo zjednotil obyvateľov na rozľahlom území, a po čase prijal aj kresťanstvo.

Kelti a Frankovia – predkovia Francúzov

Začiatkom prvého tisícročia pred Kristom, okolo roku 800, začali do strednej Európy prenikať Kelti. Jednalo sa o indo-európske kmene - vzdialených príbuzných Grékov a Italov. Zo strednej Európy sa postupne presídlili do západnej časti kontinentu. Jedna vetva – Galovia (les Gaulois) dala tomuto územiu, na ktorom sa rozprestiera dnešné Francúzsko, prvé pomenovanie „Galia“ (la Gaule). Galovia, ako životaschopný a dobyvateľský kmeň v tom čase osídlili aj územia Španielska a Talianska. Patrili k zručným remeselníkom a zaoberali sa najmä výrobou oblečenia (blúzy, nohavice, topánky z kože zvierat), drevených sudov vtedy ešte určených na pivo, ktoré bolo obľúbeným nápojom tohto národa, ďalej predmetov z opracovaného železa, a výrobou mydla. V polovici 1. storočia pred Kristom si ich však postupne podmanil Július Cézar. Napriek odporu aj veľkému úsiliu, ktoré vyvinuli zhromaždiť sa okolo jedného z ich vodcov – Vercingetorixa², si rímsky imperátor podmanil celú Galiu, a vďaka tomuto činu získal moc a uznanie v Ríme.

Ako spojenci Ríma prenikli Frankovia s cisárskou armádou do Galie už v 4. storočí, ale vlastne až v dvoch nasledujúcich storočiach sa tam natrvalo usadili.

Spočiatku sa usadili na severe krajiny, na území dnešného severného Nemecka v priestore medzi tokom Labe a dnešným Holandskom. Neskôr tieto germánske kmene obsadili západné hranice Galie. Žili v kmeňoch, ktoré často bojovali medzi sebou o pôdu vhodnú na obrábanie. Za vlády Chlodvika a dynastie Merovejovcov (nazvanej podľa Chlodvikovho predka Merovea) sa Frankovia zjednotili v spoločnom štáte. Kristianizácia Frankov (498) uľahčila ich splynutie s galsko-rímskym obyvateľstvom. Chlodvik získal moc ako vodca skupiny vojenských veliteľov, ktorá si so zbraňou v ruke vynútila miesto v najvyšších vrstvách galsko-rímskej spoločnosti. Kráľ založil vládu svojej dynastie na vlastníctve obrovských rozľôh pôdy a za hlavné mesto svojho kráľovstva si zvolil Paríž. Expanzia Frankov smerovala v 6. storočí na juh a východ za Loiru a za Rýn, kde ovládli všetky etnické skupiny, s ktorými sa stretli. Boli to práve Frankovia, kto dal krajine dnešný názov.

S Karolom Martelom a Pipinom Krátkym potom nastupuje dynastia Karolovcov. Karola Veľkého, ktorého v noci 24.decembra roku 800 korunoval pápež za cisára, môžeme hádam prirovnať k Veľkomoravskému panovníkovi Svätoplukovi. Obaja totiž boli významní vodcovia a dobyvatelia, po smrti ktorých veľká ríša ostala v rukách rozhádaných potomkov (kým v prípade Karola Veľkého išlo o vnukov, u Svätopluka sa jednalo o jeho synov), a bola spravidla rozdelená na tri mocensky oslabené časti. Existencia Francúzska ako samostatného štátu sa datuje od rozdelenia Franskej ríše roku 843 na Východofranskú (Nemecko), Západofranskú (Francúzsko) a Lotrinsko (Itáliu). Práve

Západofranská ríša (Francia orientalis) je prapôvodnou podobou dnešného Francúzska.

NÁBOŽENSTVO

„Viera nie je niečo iba osobné a subjektívne, ale obsahuje veľkú duchovnú silu, ktorá sa musí týkať verejného života a patrične naň vplývať,“ povedal na margo osláv výročia krstu kráľa Chlodovika vo Francúzsku v roku 1996 vtedy ešte ako kardinál súčasný pápež Benedikt XVI. (Jozef Ratzinger). Náboženstvo bolo už od svojich prvopočiatkov mocný politický nástroj v rukách svetských hodnostárov. Národy, ktoré neprijali kresťanskú vieru sa považovali za nevercov, za neplnohodnotných barbarov, ktorých bolo potrebné ovládnuť a nanútiť im svoje politické zriadenie. Pápež – ako predstaviteľ katolíckej cirkvi, bol všeobecne uznávanou autoritou, preto spolupráca s cirkvou prinášala nielen náboženské, ale aj mocenské či majetkové výhody.

Podmanení Galovia si na novú kultúru i jazyk Rimanov zvykli a pomerne rýchlo si osvojili aj rímske (grécko-latinské) náboženstvo. Prešlo však niekoľko desaťročí, a k slovu sa dostalo kresťanstvo. Šírenie kresťanskej viery v Západnej Európe narážalo v prvých storočiach na značné ťažkosti, predovšetkým na húževnatý odpor roľníckeho obyvateľstva spätého s vlastnými miestnymi kultmi. Zahájenie kristianizácie na tomto území sa datuje v 2. až 3. storočí, a konkrétne od roku 170 sa toto náboženstvo šírilo tak rýchlo, že v roku 250 patrila Galia ku krajinám s najvyššou mierou pokresťančenia v Rímskej ríši. Ale až franský panovník Chlodvik (482-511), potom ako bol sám pokrstený, zjednotil galskú krajinu a nastolil v nej kresťanskú vieru.

Hoci v slovenskej spoločnosti vo všeobecnosti panuje názor, že kresťanstvo na naše územie priniesli Solúnski bratia - Cyril a Metod, podľa niektorých historických prameňov to nie je celkom tak. Z nich sa možno dozvedieť, že najstarším podľa mena známym slovanským vládcom na území Slovenska bol Pribina. V čase prvej správy o (po Samovej ríši) ďalšom slovanskom nadkmeňovom útvaru (828) bol na jeho čele práve Pribina, ktorý sídlil v Nitre. Preto tento suverénny útvar možno nazvať Pribinovým alebo Nitrianskym slov(i)enským kniežatstvom. Začiatky vzniku tohto (proto)štátneho útvaru možno datovať do druhej polovice 8. storočia (na území nie priamo obsadenom Avarmi) a jeho vznik treba predpokladať najneskoršie na prelome 8. a 9. storočia po porážkach Avarov vojskami franského (vtedy) kráľa Karola Veľkého. Zbavenie sa avarského jarma umožnilo rýchlejšiu politickú integráciu tunajších Slovanov. Pribina iste nebol prvým vládcom Nitrianskeho kniežatstva; išlo najmenej už o druhú, ak nie až tretiu generáciu. Pri prvej zmienke o ňom (828) bol asi mladým, nedávno nastúpeným vládcom. O posledných 25 rokoch jeho života sa zachovalo mnoho hodnoverných konkrétnych údajov (viac ako o Mojmírovi, Rastislavovi, ba aj Svätoplukovi).

Pribina sám ešte nebol kresťanom, no na ním ovládanom území sa kresťanstvo nepochybne rýchlo rozširovalo už na prelome 8. a 9. storočia, teda viac ako pol storočia pred príchodom byzantskej misie na čele so svätými bratmi Konštantínom (Cyrilom) a Metodom na Veľkú Moravu. Na majetku Pribinu v Nitre bol už asi v roku **828 postavený kresťanský kostol**, zasvätený pravdepodobne Panne Márii a vysvätený salzburským arcibiskupom Adalrámom pri jeho ceste do Panónie. Tento chrám bol nepochybne hlavným kostolom kristianizačnej misie, pôsobiacej v Nitrianskom kniežatstve, kostolom jej hlavného kňaza (arcikňaza – archipresbytera). Z neskorších osudov Pribinu, o ktorých sa zachovali pomerne podrobné správy, vieme, že bol veľmi schopným vládcom a horlivým kristianizátorom. To treba chápať a vykladať v komplexnom zmysle slova, teda že sa usiloval meniť celú štruktúru dovtedajšieho hospodársko-sociálneho života. Ak sa vtedy ešte pomerne mladý, najviac ak tridsaťročný vládár pokúšal zavádzať novoty, ľahko mohol naraziť na odpor mnohých popredných predstaviteľov vtedajšej domácej spoločnosti. A práve túto situáciu mohol využiť Mojmír, vládca susedného Moravského kniežatstva, ktorého vznik možno klásť približne do tých istých čias ako vznik Nitrianskeho kniežatstva, a tak približne okolo roku 833 vydobyl a zaujal Pribinovo územie. Pribina spolu so svojou družinou ušiel pred moravským kniežaťom k správcovi Východnej marky grófovi Ratbodovi, zrejme preto, aby ho požiadal o pomoc. V istej podriadenosti k Franskej ríši boli totiž všetky (ináč suverénne) útvary ležiace v jej susedstve. Správca Východnej marky gróf Ratbod Pribinu aj s jeho družinou prijal a najprv mu vyšiel v ústrety. Predstavil ho cisárovi, ktorý Pribinu prikázal vyučiť kresťanskej viere a pokrstiť, čím sa naznačilo, že sa s ním počíta. **Pribina bol pokrstený v rokoch 833-834** v kostole sv. Martina na dvorci salzburského arcibiskupa v Traismaueri (Dolné Rakúsko). Potom sa vrátil k markgrófovi Ratbodovi, no opätovne zaujať Nitrianske kniežatstvo, čo bolo zrejme jeho hlavným zámerom a čo mu Ratbod pôvodne asi prisľúbil, sa mu už nepodarilo. Neskôr, asi koncom roku 838 alebo začiatkom 839, na príhovor grófov Ratboda a Salacha, dal Ľudovít

Nemec Pribinovi do léna Slovanmi obývané územie v Dolnej Panónii na rieke Sála (Zala) pri Blatenskom jazere (Balaton) a súčasne mu zveril do správy okolité územia. Kráľ Ľudovít Nemec dal roku 846 Pribinovi 100 lánov pri rieke Valicka do osobného vlastníctva, a v októbri 847 mu dal do vlastníctva aj majetky, udelené predtým ako léno. Pribinovo vzťahujúce sa kniežatstvo znemožňovalo z hľadiska (vtedy už) Východofranského kráľovstva, Veľkej Morave expanziu do južných oblastí Zadunajska a súčasne chránilo Korutánsku marku pred útokmi Bulharov a Slovanov žijúcich na juh od Drávy. Pribina sa stal horlivým kristianizátorom jemu zvereného územia a za svojej vlády dal vystavať okolo 20 kostolov.

Historicky prvý známy fakt, ktorý sa zachoval z obdobia poľského staroveku pojednáva o tom ako prvý poľský panovník Meško I. prijal kresťanstvo v roku 966 sobášom s českou kňažnou Dúbravou (Dobravou), aby tak mohol ľahšie čeliť rozpínavosti nemeckých feudálov. Brandenburské kniežatá a nemeckí cisári tak stratili zámienku, na základe ktorej by mohli do Poľska podniknúť križiacke výpravy. Poľsko už bolo kresťanským štátom a podobne ako Česko bolo zachránené pred nemeckou mocenskou hrozbou. Piastovská monarchia síce ležala na periférii kresťanského sveta, ale už vtedy mala veľké ambície a nezanedbateľnú možnosť hrať významnú úlohu vo vzťahu k cisárstvu a pápežskému úradu, ako aj k susedným štátom. Potvrdením krstu Meška I. a jeho ľudu sa stal v roku 1000 príchod cisára Otta III. do Gniezdna k hrobu sv. Vojtecha. Poľsko získalo zo strany cisára podporu, Boleslav Chrabrý (syn Meška I.) bol poverovaný organizovaním misií na východnom pohraničí kresťanského sveta a Gniezdno sa stalo jedným z najvýznamnejších miest cisárstva.

JAZYK A LITERATÚRA

Jazyk je vlastníctvom všetkých, je spoločným majetkom, pomocou ktorého môžeme dosiahnuť osobné či spoločné ciele, a vďaka ktorému sú ľudia schopní realizovať sa v spoločenskom živote. Je najvýznamnejšou a zároveň najintímnejšou súčasťou národnej kultúry, ktorá dáva pocit zakorenenia a svojskosti – ako rozlišovací znak národného sebaurčenia. Podľa slov Karola Libelta³, horlivého propagátora tézy: „bez národného jazyka niet národa“, je jazyk „krvou, ktorá prúdi v otcovskom tele národa“, či svätou krvou matky – vlasti“, a spolu s literatúrou a zvykmi „duchovnou domovinou, dušou vlasti“.

Začiatok vývoja poľštiny sa vymedzuje rokom 966, kedy vznikol prvý poľský štátny útvar. Na rozvoj poľského jazyka v tomto období mali vplyv dva činitele: štátno-politický a náboženský. Aktivity svetských i cirkevných predstaviteľov mali na zreteli najmä zjednotiť spoločnosť a národný štát, aj sceľovanie jazyka – na základe regionálno-kmeňových obmien vytvoriť univerzálny celonárodný písaný jazyk, teda jazyk literárny, ktorý sa začína uplatňovať už od 14. storočia. V stredoveku poľština plní význam plnohodnotného literárneho jazyka – nachádzame v nej funkčné, sociálne i regionálne prvky. Rozdielne napredovanie literárneho jazyka a dialektov pramení práve v tomto období. Išlo o tzv. „zlatý vek poľskej kultúry“, v ktorom sa poľština ako jazyk plne rozvinula. A hoci nasledujúce obdobia úpadku a ponížovania poľskej kultúry trvali viac než 120 rokov, na zdokonaľovaní a vývoji samotného jazyka sa neodrazili. Jazykový systém poľštiny bol už vyformovaný do takej miery, že jazykové vplyvy podrobujúcich štátov na ňom nezanechali výraznejšiu stopu. Okrem toho práca spojená s formovaním poľského jazyka v období osvietenstva navodila v národnom povedomí Poliakov pocit, že poľský jazyk symbolizuje stratenú vlasť, a preto by mal byť predmetom mimoriadnej starostlivosti.

Latinčina, ktorú môžeme pokladať za jazyk stredoveku, keďže väčšina písomností sa zachovala práve v tomto jazyku, prevládala aj v poľskom stredovekom písomníctve.

V poľsko-latinskom písomníctve tohto obdobia majú výrazné zastúpenie kroniky. Nosnou tematikou kroniky z 12. storočia, ktorej názov je odvodený od mena jej tvorcu – Galla Anonima, je oslava dynastie Piastovcov, ktorá v tom období bola pri moci. Najstaršie legendy o Krakovi, Vande a krutom kráľovi Popielovi zachytil biskup Vincenty Kadłubek v kronike zo začiatku 13. storočia. Najznámejší poľský kronikár 14. storočia – Janko z Czarnekowa vo svojom diele oslávil predovšetkým zásluhy poľského kráľa Kazimíra Veľkého, ktorý založil univerzitu v Krakove, a tá je dodnes významnou šíriteľkou poľskej vzdelanosti a kultúry. K najrozsiahlejším patria historicky pomerne najpresnejšie spracované *Annales Poloniae*, ktorej autorom je Jan Długosz. Do tohto obdobia môžeme zaradiť vznik najstaršej poľskej náboženskej piesne Bogurodzica, ktorej originalita tkvie v istých prvkoch byzantskej hymnológie a v zaujímavom jazykovom materiáli. Najprv, pravdepodobne v 13. storočí, pozostávala iba z dvoch slôh⁴, a najnovšia verzia zo 16. storočia sa rozšírila na pätnásť slôh, čo je

dôkazom veľkej popularity tejto piesne. Spievala sa počas významných a slávnostných príležitostí⁵. Je charakteristická vysokou umeleckou precízenosťou.

Piesne, porekadlá, báje a povesti – to sú rôzne druhy ľudovej slovesnosti, ktoré si ústnym podaním posúvali z generácie na generáciu slovanskej kmene, spomedzi ktorých sa postupne vyformoval slovenský národ. Ich autentickú podobu sa žiaľ zachovať nepodarilo. Jedinými prameňmi ich novšej verzie sú legendy a tiež kroniky.

Vznik slovanského písomníctva súvisel najmä s potrebami a možnosťami formujúceho sa feudálneho systému a priamo s kresťanskou misiou Konštantína (Cyrila) a Metoda. Títo grécki bratia prišli v roku 863 z Byzancie, aby na liturgické účely vytvorili texty v - pre Slovanov - zrozumiteľnom jazyku. Na pomoc si zobrali slovanské nárečie z okolia Solúna, pretože práve táto reč bola obyvateľom Veľkej Moravy na vtedajšom stupni jazykového vývoja dobre zrozumiteľná, a stala sa prvým spisovným jazykom kmeňa, z ktorého sa neskôr vyvinul slovenský národ. Konštantín zostavil prvé slovanské písmo „hlaholiku“ a do spomínaného slovanského nárečia blízkeho jazyku moravských Slovienov preložil bohoslužobné texty a byzantský zákonník. Tým položil základy slovanského písomníctva a vzdelanosti. Starosloviensky jazyk sa stal pápežom uznaným liturgickým jazykom veľkomoravských kresťanov. Za najstarší a najznámejší text písaný v starosloviencine je považovaná báseň Proglas⁶. Po páde Veľkomoravskej ríše sa územie dnešného Slovenska stalo súčasťou Uhorska, a to na dlhých tisíc rokov – obdobie, v ktorom o nezávislosť a svojbytnosť museli Slováci neustále bojovať. Údaje vzťahujúce sa k opisu slovenského života v tomto období zachytáva Kosmova latinsky písaná *Chronica Boëmorum* z roku 1125, a tiež Anonymova kronika (1173-1196) a Kronika Šimona z Kézy.

Latinčina sa ako úradný jazyk v Uhorsku používala niekoľko storočí. Až v roku 1787, Anton Bernolák – slovenský katolícky kňaz, kodifikoval prvú podobu spisovnej slovenčiny. Bol prvý, kto si uvedomil fakt, že pokiaľ obyvateľstvo žijúce na Slovensku nebude používať živú reč v písomnom styku a v školstve, nebude možné vyformovať moderný slovenský národ, ktorý bude smerovať k svojej svojbytnosti. Ako základ si zvolil vtedajšie záposlovanské nárečie. Kým kresťanská časť obyvateľstva tento jazyk prijala, evanjelická časť inteligencie stále uprednostňovala biblickú češtinu a na nový jazykovedný počin sa pozerala s nevôľou. Bernolák je autorom prvej slovenskej gramatiky „Gramatica Slavica“ a šesťzväzkového niekoľkojazyčného slovníka: „Slovár Slovenský, Česko-Latinsko-Nemecko-Uherský“. Nasledujúca generácia národne uvedomelých Slovákov na čele s Ľudovítom Štúrom (1815-1856) vytvorila v roku 1843 nový kodifikovaný národný jazyk, základom ktorého bolo stredoslovenské nárečie, a z neho sa postupne vykryštalizovala súčasná spisovná slovenčina.

Galovia pod rímskou nadvládou prijali latinskú kultúru pomerne rýchlo. Jazykom Rimanov bola latinčina. Táto však mala viacero podôb, z ktorých s určitosťou môžeme vymedziť dve: klasickú latinčinu a ľudovú alebo aj vulgárnu latinčinu. Kým klasická podoba tohto jazyka sa používala v školách, úradnom styku a medzi vzdelancami, ľudová bola pôvodne komunikačným prostriedkom rímskych legionárov, neskôr si ju osvojili jednoduchí obyvatelia Rímskeho impéria. V 5. storočí sa práve o vývin ľudovej latinčiny pričínili germánske kmene. Nová podoba jazyka, ktorým sa ľud dorozumieval približne v 6. a 7. storočí, sa nazývala galorománčina – románsky jazyk. Z tohto sa vyčlenili dva dialekty: galorománčina používaná v Severnej Galii – tzv. jazyk „oïl“, a galorománčina používaná v Južnej Galii – tzv. jazyk „oc“ (francúzsky ekvivalent pre slovenský súhlas „áno“ znie v dnešnej podobe „oui“, a práve tento výraz znel v severogalskom dialekte „oïl“ a v juhogermánskom dialekte zase „oc“). Zo severnej galorománčiny sa neskôr vyvinula staršia podoba francúzštiny. Tento jazyk sa opäť rozčlenil na niekoľko vetiev, medzi ktoré jazykovedci zaraďujú *pikardčinu*, *valónčinu*, *lorráncínu*, *normandčinu*, *anglonormandčinu*, *poitevinčinu* a jazyk „francien“. Tento posledný – stredoveký dialekt používaný v okolí Paríža (Île-de-France), postupne vytlačal ostatné dialekty, a stal sa základom pre súčasnú francúzštinu. V roku 1539 kráľ František I. nariadil sudcom, aby latinčinu nahrádzali francúzštinou, a týmto spôsobom sa francúzština stala oficiálnym jazykom kráľovstva.

Najucelenejší obraz literárnej tvorby európskeho stredoveku v západných krajinách, čo sa týka tém a žánrov, nachádzame vo francúzskej literatúre. Tvorila ju dochované pamiatky, ktoré vznikli na území dnešného Francúzska v 9. až 15. storočí. V tomto období sa na pôde spočiatku obývanej Keltmi, ktorú následne ovládli Rimanovia, a po nich germánski Frankovia, ešte len vytvárala francúzska národnosť s jednotným jazykom a kultúrou. V postupnom vytváraní národa (najprv severofrancúzskej a juhofrancúzskej národnosti), pri ktorom významnú úlohu hrali predovšetkým ekonomické

podmienky (vytvorenie centralizovaného trhu), mala od začiatku hlavné slovo aj slovesnosť. V spoločnosti, v ktorej príležitosť na dosiahnutie vzdelanosti mali len predstavitelia duchovenstva, teda kňazi, však dlho prežívala iba formou ústneho podania. „Médiom“, ktoré skvosty ľudovej slovesnosti posúvalo ďalej, boli tzv. „žongléri“, potulní básnici a herci. Hrdinské eposy, inak piesne o hrdinských činoch boli obľúbené hlavne v období križiackych výprav v 11. storočí. Mnísi, ktorí tieto príbehy ručne prepisovali, ich neraz prikrášľovali, vytvárajúc mýtus kráľa Karola Veľkého (Karolmana), múdreho franského kráľa s „bielym fúzom“, ktorý bol predstavovaný ako symbol moci, spravodlivosti, jednoty a sily francúzskej krajiny, za ktorú verní vazalovia neváhajú položiť svoje životy. K najznámejším eposom patrí „Pieseň o Rolandovi“, ktorého najstaršia zachovaná verzia pochádza z prelomu 11. a 12. storočia.

Záver

Tri krajiny navonok odlišné, ale z historického aj kultúrneho hľadiska predsa len navzájom blízke. V súčasnosti ich spájajú skôr politické otázky, napr. členstvo v Európskej únii, a v iných medzinárodných organizáciách, no ako môžeme na základe ponúkanej krátkej sondy do prapočiatkov týchto národov vidieť, spoločného alebo aspoň podobného majú viac. Či už išlo o vzájomnú vojenskú výpomoc, alebo prijatie kresťanstva, cez dočasné zjednotenie jazyka, až po politickú spoluprácu. Vzájomná kooperácia s inými štátmi bola vždy na prvých hodnotových priečkach panovníkov, a podobne by to malo byť takto aj v súčasnosti. A nejde len o tvorenie modernej histórie, ale najmä o uvedomovanie si spoločnej minulosti.

Literatúra

- BARTMIŃSKI J.: Język w kontekście kultury, *Współczesny język polski*, Wydawnictwo Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 2001
- DAMBROSI M., BARBIERI M.: *Sláva barbarov*. Bratislava, Press-Burg, 1994.
- DŁUGOSZ-KURCZABOWA, K., DUBISZ, S.: „Gramatyka historyczna języka polskiego”, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2006
- FISHER, J.O. a kolektív: *Světová literatura I*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1984.
- KLEIN, B.: *Samova ríša a bitka pri Wogastisburgu*. *Národný kalendár 2001*, Matica slovenská 2000.
- Kolektív autorov; *Dzieje Polski – atlas ilustrowany*, Demart SA, Warszawa 2008
- Kolektív autorov; *Encyklopedia PWN w trzech tomach*, Wydawnictwo Naukowe PWN SA, Warszawa 1999
- MARSINA, R.: *Dramatický život vládcu*, *Národný kalendár 2001*, Matica slovenská 2000.
- MATHIEUX, J.: *Stručné dějiny Francie*. Plzeň: Nakladatelství Fraus, 2004.
- OSTRÁ, R.: *Přehled vývoje románských jazyků I. – Lidová latina*. Francouzština, Státní pedagogické nakladatelství, Praha 1980
- ROVENSKÁ, Z.: *Aspects de la civilisation française et Abrégé d'histoire de la littérature française*. Kežmarok: Vydavateľstvo Alterego, 1998.

Résumé

Dans l'article précédent intitulé *Comparaison courte de la Slovaquie, de la Pologne et d) la France dans leur fond culturel et linguistique-littéraire* nous avons particulièrement mentionné) trois caractères communs qui lient ces pays – la colonisation des terrains étatiques contemporains, l'adoption du catholicisme comme la tendance de la socialisation et le précis de la formation de la

langue et la littérature nationale. Les nations qui sont à l'extérieur complètement différents ont beaucoup des traits communs au aspect historique. Leurs affrontements des réciproques et la coopération sont plus qu'évidents dans certains périodes historiques. Si on parle de l'aide de la part de marchand franc appelé Samon aux tribus de Slaves dans la lutte contre l'ennemie, où de l'utilisation du latin comme la langue de lettre des hautes classes sociales. Egalement un autre attribut commun est le fait que les habitants originaux des terrains actuels adoraient les cultes variés avant de l'adoption du christianisme grâce leur souverain. Les premiers témoignages écrits dans la langue de chacun de nations mentionnés ont été précédés par l'œuvre littéraire populaire, se propageant à la faveur de la version verbale d'une génération à l'autre. Par le canal de l'étude de la littérature spécialisé nous sommes arrivés à la révélation des certaines réalités historiques. Malgré que la Slovaquie, la Pologne et la France soient liés aujourd'hui par le membres dans l'Union Européenne et dans l'autres organisations internationales, au fait ils ont beaucoup plus des caractères communs.

SUBKULTURA W POWIEŚCI DOROTY MASŁOWSKIEJ PT.: WOJNA POLSKO-RUSKA POD FLAGĄ BIAŁO-CZERWONĄ

Marta Buczek (Katowice)

Powieść Doroty Masłowskiej pt.: *Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną*, która ukazała się w 2002 roku, należy do polskiej literatury współczesnej, która poszukuje nowego wzorca, nowej tożsamości. Kreując nowe wartości artystyczne, negując stare kryteria i konwencje autorka podejmuje dialog z literaturą/tradycją literacką i przede wszystkim z kulturą. Masłowska wnika w przestrzeń do tej pory nie eksplorowaną w literaturze polskiej, w sferę agresywnej subkultury dresiarzy, która pojawiła się w Polsce w pierwszym pięcioleciu III RP jako specyficzna sukcesja po dawniejszych gitowcach i skinach. Autorka *Wojny polsko-ruskiej pod flagą biało-czerwoną* przygotowuje odbiorcę do spotkania z innością. W dobie dyskusji rozpatrujących problematykę dialogu międzykulturowego, tolerancji, asymilacji, w swojej powieści konstruuje świat subkultury totalnie negującej te wartości, odrzucającej zastane i powszechnie uznawane normy.

Nowatorstwo autorki tkwi nie tylko w kreacji świata, ale przede wszystkim w kreacji języka. Masłowska konstruuje świat przedstawiony powieści uznając język za strukturę struktur, za model, który intensywnie wpływa na świadomość i postrzeganie odbiorcy. Praca w języku jest dla niej pracą nad świadomością czytelnika, „...ponieważ człowiek tak postrzega rzeczywistość, jak ją nazywa, a nazywa tak, jakim językiem dysponuje.¹ Gdyby ludzie nie odświeżali języka postrzegaliby rzeczywistość po staremu. Wprowadzając w powieści język swoistej subkultury Masłowska odświeża kombinacje językowe, zmienia nasze postrzeganie rzeczywistości i przygotowuje nas do kształtowania innego świata/innej rzeczywistości.

Masłowska rekonstruuje w swojej powieści subkulturę dresiarzy, wnikając w sam jej środek, przedstawiając ją z jej własnego punktu widzenia, sposobu w jaki ujmuje ona świat. Przede wszystkim próbuje zrekonstruować rolę pojęciowo-językowej wizji świata, właściwej tej społeczności, konstruuje Silnego - swoistego bohatera/narratora, przedstawiciela wymienionej grupy.

Masłowska ekspresywnie, poprzez monolog głównego bohatera/Andrzeja Robakoskiego, wprowadza odbiorcę w świat subkultury bardzo wyraziście podkreślającej swoją odrębność, w której obowiązują zasady i wzorce odmienne od powszechnie wyznaczonych. Zgodnie z definicją subkultury przedstawia: „...spójną grupę, żyjącą na marginesie życia społecznego, wyrażającą swoją odrębność przez zanegowanie lub podważenie utrwalonych wzorów kultury...”² Przyczyny powstania grupy tkwią w sprzeczności wobec uznanych norm społecznych, moralnych, kulturowych oraz tradycji.³ Cechuje ją horyzontalna postawa wobec sfery wartości (estetycznych, etycznych, religijnych). To subkultura, która jak inne pojawiła się jako wyraz niezgody na zastany świat. Odrzucając ustalone odgórnie autorytety, zakwestionowała wartości zastanej kultury. Zakwestionowanie wartości stało się fundamentem jej ideologii, jednego z czynników wyróżniających daną subkulturę wśród innych subkultur. Wyróżnik stanowią również inne kryteria, jak np. obyczajowość, wygląd (image) jej członków oraz aktywność twórcza. Subkulturę cechuje również swoisty język, swoista tonacja uczuciowo-emocjonalna, specyficzne formy zachowania, specyficzny system wartości.⁴ Ich ideologia, radykalna wersja liberalizmu, podkreśla znaczenie wolności jednostki, swobody wyboru własnego życia, sposobu myślenia, doświadczania świata. To doktryna totalnej podmiotowości, realizowana w stroju, sposobie życia.⁵ Sfera obyczajowości opiera się tu na założeniu, że jednostka jest nadrzędna wobec norm moralnych, przejawia się w większej swobodzie. Nadużywanie alkoholu, narkotyki, wolna miłość stają się formą manifestowania własnej odmienności, są próbą naruszenia społecznego tabu. Wygląd (krótkie włosy, dres) jest znakiem tożsamości, wyznacznikiem przynależności do grupy, symbolem prowokacji, jak również ekspresją osobowości.

Członkowie przedstawionej w powieści subkultury dresiarzy kontestują rzeczywistość w sposób bierny, ignorując i nie przestrzegając wzorów kulturowych, poprzez swój styl bycia, ubiór, język. Jako twórcy są nieobecni w popkulturze. Rzadko spotyka się subkultury, które nie wykształciły żadnej sceny muzycznej - dresiarze właśnie do takich należą. Ich kulturalny niebyt wynika w dużej mierze ze stereotypów, które sami na siebie nałożyli. Silne utożsamienie z grupą powoduje, że dobrowolnie skazują się na anonimowość, ukrytą za pospolitymi ksywkami⁶ (Barman. Lewy, Kisiel, Kacper). Kontestacja dresiarzy w ostateczności przybiera formę autoagresji (narkotyki twarde, alkohol,

samobójstwo), przeradzając się w kontestację radykalną, związaną z totalną negacją całego systemu kultury⁷. Mamy więc do czynienia nie tyle z subkulturą kontestującą⁸, co z subkulturą antykulturową⁹, subkulturą agresywną¹⁰.

Członków subkultury antykulturowej cechuje brak akceptacji obcych (obcy to nie tylko cudzoziemiec/Rusek, ale i mieszkańiec innej ulicy, dzielnicy, miasta czy środowiska), kult siły fizycznej i twardego charakteru. Dominujące cechy charakteru stanowią: agresywność, spryt, bezwzględność.

...wobec czystego chamstwa, czystej nienawiści do drugiego człowieka, matactwa, zła, człowiek z człowiekiem potrafią jednak się solidarnie zmówić, solidarnie walczyć przeciw nim. (...) Oni milczą równie raptownie i mówią obaj: respekt. (...) Oni patrzą za nami jeszcze bardziej w szoku, ale tymczasem mówią znowuż po raz ostatni: respekt, Silny... (s. 23)¹¹

...Robert Sztorm ma załatwione wjazd na chatę. Chłopcy wezmą mu wszystko za darmo i jeszcze będą się z tego cieszyć. A będzie to mógł potem spokojnie wykupić w komisie na gotówkę lub systemem ratalnym więc krzywdą mu nie zajdzie. Szczególnie, iż jest pewnie bogatym pravicowym wyzyskiwaczem robotników we swojej firmie. ZChN-owcem. Szurniętym konfidentem, ruskim LM-em... (s. 50)

...Teraz się wkurwiam nie na żarty. Teraz już nie ma przebaczyć, nie ma, że Silny, dobra dusza, ministrant na kościele służący do mszy, sama łagodność, samo dobre serce. (...) Nie ma przebaczyć, dziewczyno, teraz gdy na ciebie patrzę (...) Mówię tak, choć cały drzę na ciele, choć nie ze strachu, lecz z żalu (...) To jest moja kobieta. Tak się naźarła spida, że nic wam do niej. Nie jestem nierozwinięty lub nienormalny. Ja ją teraz zabieram. A dla was, chłopaki – respekt od Silnego, miło, żeście ją tu sprowadzili, tę szmatę, która za swoje partactwa zaraz dostanie za swoje (...) Paraedukacyjny peda! jeszcze coś tam mamrotał, ten w dresie również. Ale ja pociągnęłam ją za te włosy, full kultura, spokojnie, bez zajawki, bez syfu. (...) Magda trzymała pysk cicho niczym mysz, ja idę spokojnie, chłodnie, wlekę ją za sobą. (...) To mnie również podkurwia. Obracam się gwałtem i mówię: co kurwa, bunt w więzieniu stanowym?... (s. 22-23)

...wałę bez żadnych skrupułów. Arka Gdynia kurwa świnia. (...) Lewy stoi w miejscu. (...) Stoi. Ręce kołyszą mu się na wietrze. Szok, frustracja, chaos, panika. Zastanawiam się, czy nie przesoliłem teraz trochę z siłą swego argumentu. (s. 157)

Trzon subkultury dresiarzy stanowi osobowość agresywna, której charakter zasadza się na okrucieństwie, skłonności do sprawiania innym bólu, złości, zawiści, wrogości.

...Nie ma właściwie żadnej różnicy. (...) Nie ma płci, nie ma podziału na kobiety i mężczyzn. Nie ma płci ani przeciwnej, ani innej. Są tylko skurwysyny, tylko krwio pijcy. Wszyscy ludzie bez względu na otrzymaną przy narodzinach pleć są tą samą rangą. (...) Rangą jak i rasą skurwieli, zwykłych potencjalnych skurwysynów... (s. 51)

...Wtedy mi się jest już trudno powstrzymać, choć bardzo usiłuję się bardziej nie wkurwić. Ale już mimo starań, usiłowań, zaczynam rozglądać się i odgarniam może nieco zbyt silnie jakiegoś faceta, co mi zasłania, pierdolniętego ojca dwóm dzieciom. (...) I on się owszem przewraca w błoto, ale zaraz wstaje podniesiony przez dzieci, otrzepuje spodnie od garnituru i mówi do mnie: przepraszam pana bardzo. (...) Ja na to mu mówię, nieźle już rozsierdzony: uważaj sobie, kurwa, jak chodzisz. (...) on trzęsie się cały (...) i pośpiesznie opuszcza cały ten interes w przyspieszonym tempie... (s. 115)

Pogardliwy, lekceważący stosunek do świata miesza się z urojoną wizją siebie samego jako osoby silnej i dominującej. Agresja urojona, połączona z agresją empatyczną, cechującą się przyjemnością w obserwowaniu przemocy w życiu i na ekranie, prowadzi do autoagresji, działania autodestrukcyjnego¹². Agresywność członków tej swoistej subkultury ma „zabawowy” charakter. Seks, picie alkoholu, narkotyki, bicie (m. in. flekowanie, blachowanie, rozpruwanie, głaskanie, rzucanie mięsem) to forma zbiorowej rozrywki.

...znajduję ukrytą baterię mego białka, mej królowej matki amfy. (...) .amfa to nie zgrzewka panadolu, herbatka melisa i dwa dni w śpiączce. To dalszy ciąg zabawy. (...) Co więc szybko wykorzystuję, by sobie poprawić kojarzenie, pojmovanie, współpracę psychofizyczną... (s. 67)

... W twego psa kolejny panel. Jeb! W sam łeb. Gdyż to jest nienormalny patologiczny pies, on ma tylko brzuch. Zero nóg, zero rąk, szczątkowa głowa... (s. 43)

...I jak się nie zrzyga raptem przed siebie! Jest to rzyg amfetaminowy, z odskokiem, lecący hen przed siebie. Mam z tego niezła tubę, jak również wszyscy, co stali dookoła. Takiej ewolucji alpejskiej na oczy nie widziałem, czy to po wódce, czy to po paleniu. Serialnie, dosłownie szczam ze śmiechu... (s. 52)

... Wtedy wchodzimy. Koledzy. Zbrojne Bractwo Świętego Dżordża, najeżdża na świat. Uwaga, uwaga, są groźni, są uzbrojeni. Uzbrojeni w szczyryk, uzbrojeni w łączność przez krótkofalówki. Uzbrojeni w amfetaminę, uzbrojeni w adrenalinę. Depczą trawnik, obrywają kwiaty. Robią wgniecenia w chodniku... (s.155)

...z Lewym jesteśmy tak na siebie napaleni, by sobie napierdolić, iż byśmy szli na szajbę, a nie żadne nunczako, taktyki techniki i boks zawodowy, tylko wydłubane oko i wywleczone gardłem wątroba i jajnik... (s.158)

Rozpatrując tę osobowość w kategoriach potrzeb i dążeń, cechuje ją niezadowolenie z warunków, pragnienie zdobycia bogactwa w sposób łatwy i bez wysiłku, uczucie nudy wynikające z braku określonych obowiązków, tendencja do rozładowywania napięcia poprzez picie alkoholu, dążenie do uzyskania zadowolenia seksualnego, dążenie do wyładowania wrogości i zademonstrowania swojej przewagi oraz dominacji, chęć dokonania czegoś, aby zwrócić na siebie uwagę.¹³

...świat jest już na krawędzi. Gdy patrzę rankiem przez balkon, wiem jedno, świat ginie, umiera. (...)My jako ludzie jesteśmy skończeni. To koniec... (s. 48)

... chciałabym stąd wyjechać. Zbajerować prezesów, magistrów, zbajerować tych wszystkich nadzianych ortopedalów, ustukać jakąś sumę kasy. Wyjechać... (...) ja stąd spadam, ja stąd jadę, biorę swoją torebkę w troki i stąd spierdalam (...) wyjadę, wyjadę stąd gdzie indziej, do lepszych państw (...) do ciepłych krajów chociażby. (...) gdzie są te ciuchy, te kosmetyki, kremy z ogórków, ze wszystkiego, gdyż tylko tam chcę żyć. (...) żele pod oczy, różne kremy, sole kąpielowe (s.25, 34)

...oboje patrzymy w okno, marząc o produktach żywnościowych, spożywczych, gdyż dłuższy czas nie jedliśmy obiadu ni kolacji, nie licząc tych drinków, tej amfy. Potem już milcząc wracamy do mnie na chatę, gdyż akurat jest wolna, pusta. Zaraz jest już po wszystkim, po całej naszej miłości... (s. 35)

Masłowska utrwała rzeczywistość już na poziomie językowej artykulacji. Język konceptualizujący rzeczywistość zgodnie z przyjętymi przez grupę normami, kreujący rzeczywistość jest podstawowym składnikiem i generatorem subkultury. Cechą charakterystyczną staje się postawa opozycyjna wobec normy języka ogólnego. W języku grupy utrwala się struktura społeczna, system ról społecznych, stereotypy i autostereotypy grupowe, rytuały i zachowania przesadne.¹⁴ Socjolekt łączy jednostkę ze zbiorowością, nadaje prestiż, interpretuje rzeczywistość. W monologu Silnego ujawniają się przyjęte w kulturze dresiarzy sposoby konceptualizacji i kategoryzacji rzeczy, systemy stosowanych wartościowań, punktów widzenia, utrwalonych postaw wobec świata. Masłowska wychodząc od języka, dociera do człowieka, do jego sposobu pojmowania świata. Język staje się tu, cytując Sapirę: „... przewodnikiem po rzeczywistości społecznej, a realny świat jest w znacznej mierze zbudowany nieświadomie na zwyczajach językowych danej grupy...”¹⁵

Język używany przez Silnego i jego rozmówców nie występuje w czystej postaci systemowej. Socjolekt subkultury dresiarzy jest swoistą nowomową globalnej wioski, stanowi rodzaj slangu zapożyczonego z ulicy, od młodzieżowych grup przestępczych (żargon), ale również z mediów (telewizji, internetu). Jest połączeniem żargonu ulicy, ideologicznej agitacji, telewizyjnego pustosłowia i frazesów z lekcji języka polskiego.¹⁶ Jak pisze Marek Jędrzejewski: „...to mieszanka grypsery więziennej połączonej z wulgaryzmami i zapożyczeniami. Młodzi przedstawiciele grupy, posiadacze ksywek, kopsają szlugi, jebią gadów (sędziów), uciekają przed pałami (policjantami), kimają (śpią), dziergają wzorki (tatuują się), wyróżniają się sznytami (samookaleczeniami), prowadzą się z laskami bądź szprychami, patrząc na innych przygłupów z pogardą...”¹⁷ Szczególnie atrakcyjne są gryperskie czasowniki: *szamać* ‘jeść’, *kimać* ‘spać’, *kopsnąć* ‘dać’, *kumać* ‘rozumieć’, *świrować* ‘wygłupiać się’, *nawijać* ‘mówić’. W slangu tym dominuje ekspansywna leksyka przestępcza, przenikająca się z leksyką potoczną (*mieć ostrą jazdę*, *schizować* ‘denerwować się’, *napalić się* ‘podniecać się’, *mieć doła*, *deprecheć* ‘smucić się’, *wymiękać* ‘bać się’). Dobór środków językowych podporządkowany jest tu ekspresywności, przejawia się w nadmiarze jednostek leksykalnych, w rozbudowanych do wyjątkowych rozmiarów seriach slangowych określeń podstawowych czynności, takich jak jedzenie, picie alkoholu, palenie. Ekspresywna leksyka w postaci

neologizmów słowotwórczych i znaczeniowych odzwierciedla emocjonalny stosunek do rzeczywistości. Wśród potocznych i slangowych określeń osób, wyekscerpowanych z materiału leksykalnego powieści *Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną*, przeważa negatywne wartościowanie, stąd obecność licznych wyzwisk. Masłowska posługuje się dość często wyrazami poddanymi modyfikacjom słowotwórczym, ale w większości są to formy znane z młodzieżowego slangu. Jedynie w przypadku frazeologizmów i wyrażen o charakterze częściowo lub całkowicie metaforycznym mamy do czynienia z dokonanymi przez nią innowacjami.

Język dresiarzy w ujęciu Doroty Masłowskiej nie różni się niczym szczególnym od mowy, którą na co dzień posługuje się młodzież w tej subkulturze. Jest tylko bardziej dosadny, prosty, zawiera więcej wulgaryzmów i brutalizmów, form rubasznych i grubiańskich, skrótów myślowych i językowych, ale to tylko potwierdza zgodność tej odmiany z tendencjami panującymi w języku potocznym i slangu młodzieżowym.¹⁸ W mowie bohaterów Masłowskiej zapisana zostaje wizja pełnego absurdu i sztuczności świata, wizja nie dająca się zwerbalizować w nieskażonym kodzie inteligentnym.¹⁹

...Palant w czarnym kombinezonie przeciwpożarowym o twarzy seryjnego mordercy z dożywociem i karą śmierci na karku, wozi tym wózkiem swą państwową, czarną dupę. (...) I on mówi do nas: dokumenciki są? Ani dzień dobry, ani spierdalaj, zero kultury, czyste chamstwo bez sztucznych barwników... (s. 160)

...Ja mówię do niej, że skąd miała ten towar. (...) Ona mówi, żebym lepiej nie pytał, bo od Wargasa. Mówię, że to zły towar, łączony, mieszany. Ona mówi, że zajebisty. Ja mówię, żeby mnie nie denerwowała, że nie, bo zły, to gnój, a nie towar. Ona mówi, że na chuj ja jej sprawiam przykrość... (s. 18)

...Mówię tak: chodź no, flądro, na momencik tu na stronę. Chodź, nie bój mi się, nie zajebię cię... (s.21)

...jestem spokojny, chociaż nosi mnie, żeby rozpieprzyć ten szpital w drzazgę. Za tego ortopedę i innych zboków, którzy tu urzędują, za to, że takie z nich krochmalone książęta z prętem w ręce, ze słuchawką, jako że w kwestii, w której chodzi o wyrażenie poglądów, jestem przeważnie lewicowy... (s. 16)

Formalnym przejawem ekspresywności staje się tu peryfrastyczność słownictwa, rozbudowane ciągi tautonimów. W tym wariacie ekspresywnym najobficiej tworzona jest leksyka wyrażająca emocjonalną ocenę rzeczywistości. W sferze przeżyć widać tendencję do hiperbolizowania stanów emocjonalnych.

... Ja jestem na zjeździe ostrym. (...) pęka mi bańka i może zaraz już nie będę żył. (...) to jest białe, jasne jak kurwa piekło, specjalne piekło za dylowanie, za amfę, ze słońcem niezachodzącym, z jarzenówką pięć tysięcy wat prosto w oczy... (s. 96)

Zbiorowość posługująca się tym samym językiem jednakowo postrzega rzeczywistość. System języka, którym mówi, organizuje to postrzeganie i narzuca kształt rzeczywistości²⁰. Obraz rzeczywistości utrwalony w slangu dresiarzy podlega ciągłemu wartościowaniu, zazwyczaj negatywnemu. Człowiek postrzegany jest tu przedmiotowo. Mężczyzna, to *dupęk*, *łoś*, *macho*, *mięso*, kobieta, traktowana jako obiekt seksualnego pożądania, to *lufa*, *szprycha*, *sztuka*, *towar*, *laska*, *dupa*, *cipa*, *suka*. W powieści zmianie ulega model kontaktów intymnych, o seksie i erotyce mówi się otwarcie i bez skrępowania, wulgarnie. Obraz miłości utrwalony w slangu tej grupy ma przede wszystkim i wyłącznie formę kontaktów cielesnych.

W tym specyficznym slangu ocenie podlega każdy obiekt, każde zjawisko, każde odstępstwo od normy, a nawet sama norma. Język staje się tu karykaturalną interpretacją rzeczywistości. Karykaturalność tego świata polega na wyolbrzymieniu i wykrzywieniu, staje się przejawem negacji i dezaprobaty. Członkowie przedstawionej tu subkultury mają do rzeczywistości określony dystans, postrzegają ją przez pryzmat własnego doświadczenia i własnych potrzeb.

Jednak główny bohater - Silny/Robakoski, członek subkultury dresiarzy robi krok do przodu/wykracza poza tę grupę. Zamiast tożsamości grupowej w powieści ukonstytuowana zostaje tożsamość fragmentaryczna. Zatarłe zostają granice subkultury. Zamiast subkultury określającej tożsamość, mamy do czynienia z wielorakimi źródłami tożsamości. Niski stopień zaangażowania Silnego, przemijająca więź z grupą, wysoki stopień mobilności subkulturowej, fascynacja stylem i wizerunkiem, polityczne nastroje, stosunek do mediów, celebrowanie nieautentyczności, wszystkie te cechy świadczą o przekroczeniu granicy współczesnej subkultury w stronę subkultury ponowoczesnej.²¹ Powieść *Wojna polsko ruska pod flagą biało-czerwoną* Doroty Masłowskiej, uznana

za pierwszą w Polsce powieść dresiarzką, w rzeczywistości przedstawia subkulturę ponowoczesną, w której dochodzi do rozpadu zbiorowej tożsamości²². Subkultura dresiarzy reprezentowana przez głównego bohatera ulega tu fragmentacji, komplikuje się kwestia identyfikacji z grupą. Silny nie przyznaje się do bycia dresiarzem, nie myśli o sobie w tak konkretnych kategoriach. Ani razu nie pada tu zdanie „Jestem dresiarzem/dresem”, które świadczyłoby o utożsamianiu się z tą właśnie z grupą. Silny/Robakoski jest silną indywidualnością, sobą. Zachodzi tu więc sprzeczność między wolnością jednostki a przynależnością do grupy. W procesie samookreślenia podmiotowość Silnego/Robakoskiego ulega zdecentrowaniu i fragmentacji, jego ekspresja i doświadczenie mają charakter różnicowany. Jego wrażliwość jest po części ponowoczesna. Jego identyfikacja z grupą, stylem ma charakter fragmentaryczny, heterogeniczny i indywidualistyczny. Jest to wrażliwość graniczna, która objawia się poprzez ekspresję wolności od struktury, kontroli i ograniczeń oraz odrzucenie zastoju na rzecz ruchu i płynności.²³ Osobowość Silnego cechuje ekspresywność, nastawienie na subiektywne doświadczenie i wyrażanie siebie, dążenie do bycia sobą, wyzwolenie się od ograniczeń i konwencji.

Silny prowadzi osobistą wojnę z otoczeniem, którą zdecydowanie przegrywa. Żyje z poczuciem absurdu i wyobcowania. Wypowiadane przez niego kwestie nie pasują do utrwalonego stereotypu dresiarza. Bohater *Wojny polsko-ruskiej* powtarza, że jest antyglobalistą, deklaruje niechęć do obcego kapitału, nacjonalizm przeplata mu się z kosmopolityzmem, a dystans do mitycznych „Ruskich” nie ma u niego charakteru ksenofobicznego. Realny, subkulturowy dresiarz byłby słabo zainteresowany tymi wszystkimi problemami, a jeśli już coś by słownie manifestował, to nienawiść do wszelkiej obcości. Silny jest nosicielem ponadsubkulturowej cechy odkrytej niegdyś u młodych Polaków – śmietnika symbolicznego. Jest to syndrom całkowitego braku spójności między deklarowanymi wartościami a orientacją życiową, do czego jeszcze dochodzi wrywkowe i chaotyczne traktowanie wszelkich możliwych ideologii. Silny wypowiada dużo słów, używa też pojęć o znaczeniu ogólnym, ale nie rozumie ich sensu.²⁴ Silny podobnie jak cała rzeczywistość, ma charakter bardziej paraboliczny niż dosłowny. Symbolizuje, jak powiedziałby zmarły niedawno papież postmodernizmu Jean Baudrillard, „pustynię sensów”, szczególnego rodzaju koniec świata, osobliwą, który ginie w nastroju komediowym, w tonie niskim, a nie wzniosłym.²⁵ Jak podkreśla Wojciech Browarny: „...Powieściowa koncepcja przedstawiania rzeczywistości nosi cechy dyskursu krytyki cywilizacji, ale tak zbanalizowanego i przetrawionego przez kulturę masową, że staje się jednocześnie własną parodią. (...) Robakoski nie wytrzymuje otaczającej go hipokryzji, korupcji i ogólnego bałaganu. Znowu okazuje się, że na to nie ma mocnych. Silny jeszcze raz, teraz w wersji fantasmagorycznej, przeżywa trudną sytuację ze swoimi kobietami, wojnę w mieście, dziwne układy w rodzinie. Odmienny stan bohatera jest także umotywowany metaliteracko. [...] autor lub osoba do niego zbliżona wkracza w akcję powieści i podważa iluzję realności przedstawionego świata, kwestionuje go i rozkłada.”²⁶

Literatura

- Browarny, W.: *Nie ma silnych*. „Odra” 2009, nr 5.
- Czapliński, P.: *Czas wymienić narracje!* „Tygodnik Powszechny”, nr 24 (3127), 14.06.2009.
- Filipiak, M.: *Od subkultury do kultury alternatywnej*. Wydawnictwo UMCS. Lublin 1999.
- Jędrzejewski, M.: *Subkultura a przemoc*. Wydawnictwo Akademickie „Żak”. Warszawa 2001.
- Kołodziejek, E.: *Człowiek i świat w języku subkultur*. Wydawnictwo Uniwersytetu Szczecińskiego. Szczecin 2006.
- Masłowska, D.: *Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną*. Wydawnictwo Lampy i Iskra Boża. Warszawa 2003.
- Moch, W.: *Język dresiarzy w powieści Doroty Masłowskiej Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną*. „Linguistica Bidgostiana”. Vol/ I. Bydgoszcz 2004.
- Muggleton, D.: *Wewnątrz subkultury. Ponowoczesne znaczenie stylu*. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków 2004.
- Pęczak, M.: *Polska w dresach*. www.Polityka.pl (11.05.2009).
- Prejs, B.: *Bunt nie przemija. Bardzo podręczny słownik subkultur młodzieżowych*. Wydawnictwo „Śląsk”. Katowice-Warszawa 2004.

Sapir, E.: *Kultura, język, osobowość*. Tłum. J. Stanosz, R. Zimand. Warszawa 1978.
Satkiewicz, H.: *Norma polszczyzny ogólnej a języki subkultur*. „Język i kultura”, t.10: *Języki subkultur*.
Red. J. Anusiewicz, B. Siciński. Wrocław 1994.
Sobczyński, J.: *Subkultura – dres a sprawa polska*. „Głos Wielkopolski” 23.05.2009.

Resumé

Autorka príspevku interpretuje novelu Doroty Masłowskiej pod titulom *Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną*, ktorá patrí do súčasnej poľskej literatúry hľadajúcej nový estetický vzor, novú totožnosť. Masłowska kreuje nové artistické hodnoty, neguje staré kritéria a konvencie, zdvíha dialóg s literatúrou, literárnou tradíciou, a predovšetkým s kultúrou/subkultúrou. V svojom diele rekonštruje špecifickú subkultúru, preniká ju do vnútra, predstavuje z jej hľadiska spôsob chápania skutočnosti. Autorka príspevku sa snaží rekonštruovať literárnu a jazykovú predstavu sveta subkultúry v novele Doroty Masłowskiej, jej konceptuálne myslenie, kategorizáciu vecí.

NACRT HONORIFIKACIJE U RAZGOVORNOM STILU HRVATSKOG JEZIKA (NA OSNOVI DJECA PATRASA ZORANA FERIĆA)

Paulina Pycia (Katowice)

U svakoj kulturno-jezičnoj zajednici vidljiva su konvencionalna jezična sredstva koja su povjesno i kulturno uvjetovana i koja se odnose na međuljudske odnose i komunikaciju. Te su jezične formacije ponekad jedine značajke tipa relacije, jer su uvjetovane pozicijom govornika, pojedinim okolnostima razgovora, određenim prostorom, kontekstom, temom i sl.

Honorifikaciju se može definirati kao jednu posebnu vrstu značenja i informacija koje sadržava tekst. Taj aspekt odnosi se na društvene odnose između govornika i sugovornika (sudionici interakcije), odnose između govornika i osobe koja se nalazi izvan interakcije (nije ni govornik niti sugovornik) te odnose između govornika i osobe o kojoj se govori³⁴. Honorifikacija vezana je uz dijalog, odnosno izravni jezični kontakt, tako da se u interakciji svakoj osobi pripisuje rang koji je osnovan samo na dvoelementnoj opoziciji *niži* : *viši*. Rang pripisuje jedino pošiljatelj poruke koji se mora podrediti društvenim pravilom i konvencijom te jezičnom etiketom. Društveni se rang može snižiti ili povisiti kod četiriju vrsta komunikacijskih odnosa³⁵:

- pošiljatelj poruke : primatelj poruke (viši rang u odnosu na primatelja, niži rang u odnosu na pošiljatelja),
- pošiljatelj poruke : osoba o kojoj se govori, a koja je iz kruga primatelja poruke (viši rang u odnosu na osobu o kojoj se govori),
- pošiljatelj poruke : osoba o kojoj se govori, a koja je iz kruga pošiljatelja poruke (niži rang u odnosu na osobu o kojoj se govori),
- pošiljatelj poruke : osoba o kojoj se govori, a koja nije ni iz kruga pošiljatelja poruke niti primatelja poruke, ali je na visokom društvenom položaju (viši rang u odnosu na osobu o kojoj se govori).

Honorifikaciju se može razmatrati s dvije točke gledišta: unutarjezične (jezični sustav) i izvanjezične (društvena hierarhija), ali primarnost jedne u istraživanju ne isključuje i drugog aspekta.

Honorifikacija je vezana uz dijalog, zbog toga u analiziranom tekstu jako važni su glagoli koji uvode u razgovor. Ti glagoli najčešće daju čitatelju informaciju o raspoloženju, emocijama, namjerama, stavovima te karakteru govornika, a to znači da istovremeno nose i dodatnu informaciju o njihovom statusu. Takve se glagole može podijeliti na neutralna i emocionalna jezična sredstva, npr.:

- neutralna: *reći*, *upitati*, *govoriti*, *odgovoriti*, *obratiti se*, *dobaciti*,
- emocionalna: *ponoviti* (iritacija), *šapnuti* (diskrecija), *viknuti*, *proderati se* (ljutnja), *frfljati* (glupost, neodgovornost), *cvrkutati* (vedro raspoloženje).

Razgovarajući govornik koristi određena jezična sredstva koja impliciraju poziciju sugovornika u društvenoj hierarhiji, a poštovanje izražava se kroz izabrane jezične strukture (formule pristojnog ponašanja). Naime, na jedan se način obraća s poštovanjem stranim, starijim osobama, poslodavcu, šefu, učiteljima ili klijentima, a na drugi – mlađim osobama, djeci, učenicima, studentima, prijateljima i sl. Način honorifikacije povezan je dakle s familijarnošću odnosa u društvu. Naravno svaki govornik može kršiti pravila ponašanja u društvu i čak drastično snižiti društveni rang sugovornika koristeći jezične konstrukcije koje su na primjer rezervirane za životinski svijet: *Ti nemaš glasa*, *zavijaš*³⁶ i *vrištiš*.

Jezične značajke honorifikacije pripadaju fleksijskoj, tvorbenoj, leksičkoj i stilskoj razini. Honorifikacija, iako je vezana uz izravni jezični kontakt, uzima u obzir i medij, tj. različita je u razgovoru licem u lice, u telefonskom razgovoru, u pismu itd.

Na fleksijskoj razini značajke honorifikacije su najrjeđe i odnose se na primjer na uporabu nominativa i vokativa: *Marija!* / *Marijo!*, *Mama!* / *Mamo!*. Vokativ je padež koji ima uloge: oslovljavanja, dozivanja, obraćanja sugovorniku, npr.:

³⁴ Usp. Huszcza 1980: 48

³⁵ Usp. Huszcza 2006: 27

³⁶ *Zavijati* znači 'otegnuto urlati, vijati (o psu, vuku)'.

Zar ne, tata? (str.15)

Igore, ti si muslimanin. (str.15)

Ljudi, stigli smo. (str.25)

Kolega, ovakva je stvar. (str.87)

Čovječe, ja sam znao čitav dan. (str.105)

te izražava različite osjećaje i osobne stavove prema sugovorniku: tepanje, preziranje, čuđenje, bliskost, grdnju, npr.:

Svinjo! (str.162)

Ne u naš, budalo. (str.184)

Još se nisi ni raspakirao, lijenčino! (str.197)

Poseban je slučaj pojave vokativa na mjestu nominativa. Strukture tog tipa koristi se u kajkavskom narječju i zagrebačkom govoru, iako su one nepravilne u standardnom hrvatskom jeziku, npr.:

Mamaaaa, našla sam! (str.96)

Mačak, misli malo i na mene. (str.174)

Riječ u vokativu je izvan strukture rečenice, a to znači da je samostalna. Izražava međuljudske odnose, u svim gore navedenim primjerima – familijarnost koja implicira nižu honorifikaciju.

Honorifikacija na tvorbenoj razini vidljiva je na primjer u tvorbi pseudodeminutiva, deminutiva, hipokoristika, augmentativa, pejorativa, univerbizama i sl. U hrvatskom jeziku postoji nekoliko načina da se promijeni kvalitet ili kvantitet imenice, pridjeva i priloga, npr. deminutiv služi za smanjivanje nekog ili nečega, augmentativ za uvećavanje predmeta govora, pejorativ za označavanje ružnoće, a hipokoristik za pokazivanje naklonosti prema kome ili čemu, npr.:

Izgleda kao curica. (str.173)

Imenice i pridjevi koji su pozitivno obojeni impliciraju viši društveni status i primatelja poruke i osobe o kojoj se govori, riječi negativno (afektivno) obojene impliciraju njihov niži društveni status.

Jedna je od suvremenih jezičnih tendencija jezična ekonomija i skraćivanje. No, univerbizacija³⁷ je jedna od njihovih jezičnih značajka. Tu se pojavu, koja se nalazi u graničnoj zoni između leksikologije i tvorbe riječi, definira kao tvorbu jednoelementnih izraza na osnovi višelementnih fraza, npr.:

*Hoćeš da zovem hitnu*³⁸? (str.137)

*I oni su na maturalcu*³⁹. (str.196)

Uporaba univerbizama vezana je uz emocionalni i ekspresivni kod te razgovorni funkcionalni stil jezika, što je istovremeno vezano uz nižu kategoriju honorifikacije.

Leksičke su značajke honorifikacije najbrojnije, to su među ostalim sinonimi parovi uvjetovani kontekstom npr.:

Moja žena ovdje planira otvoreni kamin. (s.64)

Neka izađe i supruga! (str.144)

Uporaba riječi *supruga* implicira viši društveni status, u odnosu na osobu o kojoj se govori, nego riječ *žena*. Naime, riječ *supruga* karakteristična je za službene, oficijalne razgovore, dok je riječ *žena* neutralna i višeznačna. Analogična je situacija u rečenicama u kojim se koristi ustaljene formule oslovljavanja i predstavljanja, npr:

Ovdje profesor Bernstein, trebao bih Marinu. (str.46)

Predstavljanje sebe koristeći naziv položaja i prezime također je karakteristično za formalne međuljudske odnose i implicira vikanje. U tom aspektu može se onda analizirati i lične adresativne zamjenice *ti* i *vi*⁴⁰ (i sve njihove gramatičke oblike), npr.:

Jesi to ti? (str.10)

Javit ću ti kad pročitam. (str.36)

Bernstein, treba te neka učenica. (str.127)

Profesore, zaljubljena je u vas! (str.174)

³⁷ Vidi o tome: Szczepańska 1994

³⁸ *Hitna* znači 'hitna pomoć'. Riječ je nastala u procesu substantivizacije.

³⁹ *Maturalac* znači 'maturalno putovanje'.

⁴⁰ *Tikanje* znači 'obraćanje se nekome sa *ti*', *vikanje* – 'obraćanje se nekome sa *vi*'.

Je li se vi nešto ljutite, profesore?(str.178)

Prema društvenim pravilima govornik dolazeći u kontakt sa starijim i stranim osobama koristi vi-oblike, na taj način pripisuje sugovorniku viši rang. Osobama koje se dobro poznaje ili osobama koje same dozvoljavaju da im se netko obraća sa *ti* priznaje se niži društveni status. Danas popkultura savladala i navike i tradicije na nivou društvenog života, pa se sve rjeđe čuje „prepersonalne” odnose. *Ti*-oblike dozvoljavaju ljudima prijateljski ton i najčešće su u svakodnevnoj komunikaciji. No, vi-oblike se često smatra previse hladnim, distanciranim, unificiranim, iako neke situacije zahtijevaju službeniji odnos (npr. administracija).

Lokalizmi, regijonalizmi i dijalektizmi su jezična sredstva koja karakterizaju govornike, njihovo porijeklo, mjesto rođenja i mjesto boravka. Te se riječi može koristiti u svakodnevnoj komunikaciji na određenom, lokalnom području, ali je regionalno obojenje hrvatskog standardnog jezika pogrešno. U tom slučaju priznaje se niži društveni rang sugovorniku, npr.:

Ajde, reci mi sad! (str.114)

Ajmo se praviti da smo stari! (str. 196)

Šta si već zaspao? (str. 197)

Upotreba lokalizama, regijonalizama i dijalektizama vezana je često sa jezičnim dodirom dvaju sustava i interferencijom, koji se opisuje kao jedan od glavnih čimbenika u generiranju pogrešaka u standardnom jeziku.

Razgovorni je stil svojstven ponajprije usmenoj komunikaciji, pa ga karakterizira tzv. leksik na prijelazu, npr. pomodnice te kolokvijalizmi i žargonizmi. Važan je element razgovornog stila i realizacija tzv. fatičke funkcije, koju se može zastupiti neleksičkim glasovnim elementima, npr. interjekcijama, koje također izražavaju emocionalne nijanse govora. Takva jezična sredstva impliciraju uvijek niži društveni status, npr.:

Da, šta fali (str.24)

Ako vama paše? (str.57)

Briju da sam profačica. (str. 181)

Imaš tu dobroćudnu facu, u tebe se žensko može zaljubiti. (str.138)

To je jedna stara baba. (str.139)

Ne boj se, neću reći mami. (str.142)

Tata nam se malo napio, ha? (str.15)

Ej, šta ti je? (str.104)

Huuu, jedu mi se dagnje! (str.161)

Na leksičko-stilističkoj razini za kolokvijalni stil tipična je upotreba emocionalne i ekspresivne leksike, pa se na tom nivou nalaze psovke i vulgarizmi, npr.:

Stane, ne seri, nemoj zezat djecu! (str.177)

Kreten, zapamtić ću te svakako. (str. 182)

Luda je ko kurac. (str.105)

U jebote, pomutili mi se dani. (str.125)

Narušavanje društvenih pravila vezano je i uz uporabu vulgarizama koji predstavljaju narušavanje tabua i izraz potrebe za verbalnom slobodom, a danas je ocijena vulgarizama nažalost sve liberalnija. Njihova je funkcija uglavnom ispoljavanje frustracije i agresivnosti, reakcija na šok te prikazivanje pripadnosti nekoj grupi, to znači da pripisuju sugovorniku i osobi o kojoj se govori niži društveni status.

Razgovorni je stil, pored znanstvenog i jezika mladih, pod najvećim utjecajem stranih jezika, a puristička ograničenja ne vrijede za narječja, žargone i razgovorni jezik, pa istu ulogu – sniženja društvenog statusa – imaju posuđenice, npr.:

Lijep šou. (str.55)

Fino, znači drkanje za vikend (str.56)

Super (str.64)

Pardon, poruka (str.64)

Sorry. (str. 184)

Utjecaj globalizacije na suvremeni društveni, gospodarski i kulturni život „malih” jezika i naroda jako je snažan. Problem predstavljaju najčešće suprotnosti koje čine zajednička civilizacijska baština i pojedinačna kultura, „globalno selo” i regije, univerzalizam i partikularizam, lingua franca i pojedinačni jezik naroda ili zajednice.

Sudionici u govornom događaju mogu izostaviti niz elemenata, jer konsituacija omogućava jasnoću značenja. Na sniženje društvenog statusa utječu onda i nepotpune, eliptične konstrukcije koje su tipične za kolokvijalni stil, npr.:

Bez veze. (str.7)

Nema šanse. (str.7)

Ne počinji. (str.56)

Brzo ćemo. (str.63)

Može. (str.63)

Moram na operaciju. (str.117)

D. Birch⁴¹ tvrdi da na uspješnu komunikaciju utječe *kontekstualno i intertekstualno znanje o situaciji*. Upotreba elipse je dakle primijer ekspresivne sintakse, tipične za kolokvijalni stil.

Istu ulogu imaju tzv. afektonimi, tj. riječi i izrazi koje se upotrebljava u odnosu na dvije bliske osobe. U komunikaciji bliskih ljudi, posebice u porodici, postoje situacije koje prizivaju stalno ponavljanje istih verbalnih obrazaca, specifičnih fraza i doziva. Te se riječi također koristi za niži društveni rang, npr.:

Sladak mali. (str.115)

Otkako je mala stradala, ne zaključavamo kupaonicu. (str.138)

Valjda spomenuti da afektonimi nisu univerzalna jezična sredstva, tipični su samo za europske, afrikanke i indijanske jezike. Razlikuju se naravno i načini tvorbe afektonima i frekvencija u jeziku svakog korisnika jezika.

Značajke na razini stilistike vidljive su već u izboru jezičnog funkcionalnog stila: neoficijalnog, familijarnog (npr. razgovornog) ili oficijalnog (npr. administrativnog). Stupanj honorifikacije smanjuje se zajedno sa rastom familijarnosti ili vulgarnosti.

Jedan je od karakterističnih za razgovorni stil tzv. etički dativ (dativ bliskosti / interesa), npr.:

Tu su ti čarapi. (str.13)

Tamo ti je kći. (str.17)

Vidiš si kuću? (str.18)

Lične zamjenice koristi se u tom slučaju kao znak bliskosti. Svrha im je isticanje prijateljskih odnosa s onim kome se govori, pa se ga može opisati kao jezično sredstvo za sniženje društvenog ranga.

Za većinu frazema može se reći da pripadaju razgovornom stilu. Na tom nivou može se čak govoriti o „frazološkoj igri” (okazionalizmima ili individualno-autorskim realizacijama). Razgovorni frazemi i izrazi imaju dakle posebnu ekspresivnu vrijednost, vrlo su slikoviti, u govor unose nijansu neobveznosti, jednostavnosti i spontanosti, npr.:

Idem van s curama iz firme. (str.133)

Čuvaj se! (str.138)

Bit će sve u redu, vidjet ćeš! (str.140)

Kolegica s posla iskopala mi je vezu. (str.152)

Dat ćeš mi dim, jedan mali. (str.181)

Daj odrasti! (str.195)

Kao i ostala jezična sredstva koja su ekspresivno markirana, razgovorni izrazi priznaju sugovorniku niži društveni status.

Formule su pozdravljanja obilježja početka i kraja komunikacije. Leksik poželjan u službenim razgovorima, kada se govornik obraća nekome s poštovanjem, predstavlja neravnopravni odnos komunikatora. U tom se slučaju koristi ustaljene oficijalne formule pozdravljanja i zahvaljujući tome (ako nije ironičan) može povišiti društveni rang sugovornika, npr.:

Bog s tobom, danas je nedjelja. (str.125)

Oprostite, strašno žurim. (str.132)

Dobar dan, molim Marinu. (str.158)

U svakodnevnoj komunikaciji prisutna je i situacija, kad se uz pomoć određenih pozdrava može sniziti društveni status sugovornika, npr.:

Bok, Marta (str.60)

Hej, kako je na jedrenju? (str.111)

⁴¹ Birch 1991: 11

Honorifikacija je kategorija bitna i za jezični sustav i za pragmatiku svakog jezika. Izražava se u jeziku, ali obuhvaća različita područja ljudskog života. Vezana je uz društveni status govornika i jezičnu etiketu koja diktira uprabu behavitiva⁴². Međutim, honorifikaciju treba razlikovati od kategorije pristojnosti. Pristojnost definira se kao *ukupnost pravila ponašanja i izravnog ophođenja prihvaćena u društvenoj sredini*⁴³. To znači da svako ponašanje koje je u skladu s ovim pravilima može se opisati kao pristojno: pozdravi, opraštanja, molbe, zahvale, isprike i sl. No, kategorija je honorifikacije stupnjevita. Pozdravi *Bok* i *Dobar dan* priznaju sugovorniku različite društvene statuse i ilustriraju odnos između govornika. To znači da u svakoj analizi načina honorifikacije treba uzeti u obzir opoziciju pristojnost : bliskost, a pripisivanje nižeg ranga sugovorniku ili osobi o kojoj se govori ne znači uvijek da se istovremeno ne može sačuvati pristojnost.

BIBLIOGRAFIJA

- FERIĆ, Z.: *Djeca Patrasa*. Europapress holding (Biblioteka Premijera; 7), Zagreb
BIRCH, D.: *The Language of Drama: Critical Theory and Practice*, Macmilan, London
HUSZCZA, R.: *Czy honoryfikatywność jest w języku polskim kategorią gramatyczną?*, u: *Język – Teoria – Dydaktyka*, J. Tokarski (ur.), PWN, Kielce, str. 48-54
HUSZCZ, R.: *Honoryfikatywność. Gramatyka – Pragmatyka – Typologia*. PWN, Warszawa
LYONS, J.: *Semantyka 1*, PWN, Warszawa
SZCZEPAŃSKA, E.: *Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim*, Universitas, Kraków

Summary

The societies are divided into different levels. This article describes the ways of honorification in Croatian colloquial speech. Particularly interesting is the rise and fall of the social status during the conversation which is achieved by using various honorific expressions and types of language constructions.

⁴² Vidi o tome: Lyons 1984: 348

⁴³ AniĆ 2000: 896

NÁZOV:	SLOVANSTVO NA KRIŽOVATKE KULTÚR A CIVILIZÁCIÍ Zborník príspevkov z vedeckej konferencie dňa 14. mája 2009 v Banskej Bystrici
Zostavovatelia	PhDr. Marta Kováčová, PhD. Mgr. Martin Lizoň, PhD.
Recenzenti	prof. Tatiana Saskova, DrSc. PhDr. Anita Huťková, PhD. Mgr. Anita Račáková, PhD. Mgr. Anita Murgašová
Formát:	CD
Rozsah:	129 strán
Náklad	50 ks
Vydanie:	prvé
Rok:	2009
Vydavateľ:	Fakulta humanitných vied Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici

ISBN 978-80-8083-886-7
EAN 9788080838867